

Джонъ Стиварпъ Милль.

Левтобіографія.

(Хсторія моїї жицнї и убіжденій).

МОСКВА.

Издание магазина „Книжное Дѣло“. Петровскія Линіи, № 12.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 1 Мая 1896 года.

Москва. Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка д. Воейковой.

А В Т О Б I О Г Р А Ф I Я

Д. С. Милля.

Мое детство и первоначальное воспитание.

Въ началѣ этого біографического опыта я долженъ указать на тѣ причины, которыя побудили меня оставить по себѣ воспоминаніе о своей жизни, лишенной всякихъ интересныхъ событій. Я ни минуты не оста-навливаюсь на мысли, что то, о чёмъ я буду разска-зывать, можетъ возбудить интересъ читателей пре-лестью ли разсказа или въ силу того, что дѣло идетъ лично обо мнѣ; но думаю, что въ то время, когда воспитаніе и способы, стремящіеся къ его улучшенію, служать предметомъ наиболѣе постоянного, если не самаго глубокаго изученія какое когда-либо проявлялось, въ Англіи, полезно нарисовать картину воспитанія, рѣзко выступавшаго изъ обычной колеи и замѣча-тельнаго во многихъ отишенияхъ. Это воспитаніе, каковы бы ни были его послѣдствія, доказало, что возможно преподавать и вполнѣ успешно дѣтямъ болѣе обширныя познанія, чѣмъ обыкновенно думаютъ, въ теченіе тѣхъ первыхъ лѣтъ жизни, которые почти всегда пропадаютъ даромъ при обычныхъ теоріяхъ воспитанія. Мне также кажется, что въ такую переходную эпоху, какъ наша, когда мысли подвергаются кризису, было бы одинак-

ково интересно и полезно отмѣтить фазисы, которые переживалъ умъ, стремившійся постоянно впередъ и настолько же быстро изучавшій, какъ и забывавшій изучаемое подъ дѣйствиемъ своихъ собственныхъ идей или подъ вліяніемъ чужихъ. Но побужденіемъ наиболѣе могущественнымъ, нежели всѣ остальные, является желаніе открыто засвидѣтельствовать, насколько я обязанъ своимъ моральнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ лицамъ, изъ которыхъ одни уже известны миру, другіе заслуживаютъ болѣе близкаго знакомства съ ними. Между послѣдними есть одинъ человѣкъ, которому я обязанъ болѣе, чѣмъ кому-либо и котораго свѣтъ еще не имѣлъ случая оцѣнить. Читатель, не интересующійся такими мелочами, долженъ винить самого себя, если онъ будетъ продолжать чтеніе этой книги. Я прошу его только не забывать того, что эти страницы написаны не для него.

ГЛАВА I.

Я старшій сынъ Джемса Милля, автора „*Исторії англійскихъ владній въ Индії*“, и родился въ Лондонѣ 10-го мая 1806 года. Отецъ мой, сынъ небогатаго купца, содержавшаго, кажется, также небольшую ферму въ Норсватель-Бриджъ въ графствѣ Ангусъ въ Шотландіи, своими способностями привлекъ на себя внимание сэра Джона Стюарта изъ Феттеркерна. Послѣдній помѣстилъ его въ Эдинбургскій университетъ на счетъ фонда, который основали лэди Джени Стюартъ (его жена) вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дамами для образования молодыхъ людей, предназначавшихся къ церковной деятельности. Отецъ мой прошелъ тамъ курсъ и получилъ званіе проповѣдника, однако не вступилъ на духовное поприще, хорошо сознавая, что онъ не можетъ вѣрить въ доктрины Шотландской церкви, равно какъ и въ ученія другихъ церквей. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ исполнялъ обязанности наставника въ нѣкоторыхъ шотландскихъ семьяхъ, между прочимъ у маркиза Твиддаля, затѣмъ переселился на постоянное жительство въ Лондонъ и тамъ занялся литературой, зарабатывая исключительно первомъ средства къ жизни, пока не получилъ мѣсто въ Остъ-Індской компании.

Этотъ періодъ жизни моего отца представляетъ два обстоятельства, невольно поражающія всякаго: одно, къ несчастью, очень обыкновенное, другое, напротивъ, изъ самыхъ рѣдкихъ. Во-первыхъ, отмѣтишь, что при своемъ положеніи безъ всякихъ средствъ къ жизни, кроме ненадежнаго заработка отъ статей, которыя онъ писалъ для периодическихъ изданій, онъ женился и имѣлъ много дѣтей. Это вполнѣ шло въ разрѣзъ съ мнѣніями, которыя онъ энергично исповѣдывалъ, особенно въ послѣдній періодъ своей жизни. Во-вторыхъ слѣдуетъ отмѣтить необыкновенную энергию, нужную ему, чтобы вести жизнь при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ былъ поставленъ съ самаго начала, и которая еще болѣе усложнила своей женитьбой. Для доказательства этого было бы достаточно того факта, что онъ удовлетворялъ съ помощью литературныхъ занятій собственнымъ нуждамъ и нуждамъ семьи въ продолженіе многихъ лѣтъ, никогда не дѣля долговъ и не испытывая денежныхъ затрудненій. И притомъ онъ исповѣдывалъ публично такія политическая и религіозныя убѣженія, которыя особенно въ то время были наиболѣе ненавистны влиятельнымъ людямъ и вообще всѣмъ благоденствующимъ, чѣмъ въ какую-либо предшествующую и послѣдующую эпоху. Ничто не могло заставить его писать противъ убѣжденій; напротивъ, онъ не пропускалъ случая проводить свои идеи въ сочиненіяхъ, насколько это позволяли обстоятельства. Надо также сказать, никогда онъ не дѣлалъ ничего пебрежно и, взявшись какъ за литературную такъ и за всякую работу, добросовѣстно исполнялъ ее. Подъ бременемъ такихъ заботъ набросалъ онъ планъ своей «Исторіи Индіи», которую онъ началъ и закончилъ въ

течение десяти лѣтъ, между тѣмъ какъ авторы, ничемъ другимъ не занятые, употребляли больше времени при составленіи исторического сочиненія, такого же объема и солидности, только на подготовительныя работы. Прибавьте къ этому, что большую часть дня онъ посвящалъ образованію своихъ дѣтей, съ особенности на меня положилъ много труда, заботъ и настойчивости, чтобы дать мнѣ, согласно своимъ убѣжденіямъ, самое высшее умственное образованіе.

Отецъ мой, неуклонно слѣдовавшій своему правилу — не терять времени даромъ, естественно проводилъ его на дѣлѣ и въ воспитаніи своего ученика. Я не помню, когда началъ изучать греческій языкъ; могу только предположить, что мнѣ было тогда три года. Къ самымъ раннимъ воспоминаніямъ относится изученіе паизустъ того, что мой отецъ называлъ вокабулами, т. е. столбцовъ греческихъ словъ съ переводомъ ихъ на англійскій языкъ, которые онъ писалъ исключительно для меня на отдѣльныхъ листкахъ. Изъ грамматики я изучилъ только окончанія именъ существительныхъ и глаголы. Затѣмъ послѣ заучиванія вокабулъ отецъ прямо перешелъ къ переводамъ, и я смутно помню, что первая книга, прочтенная мною, была «басни Эзопа», вторымъ сочиненіемъ было „*Anabasis*“. По латыни я началъ учиться только 8 лѣтъ. Въ эти года я уже прочелъ подъ руководствомъ отца пѣкоторыхъ греческихъ прозаиковъ; между ними, помнится мнѣ, почти всего Геродота, *Киропедію*, *бесѣды Сократа*, нѣсколько жизнеописаний философовъ у Діогена Лаэрція, часть произведеній Лукіана и „*Ad Demoticum* и *Ad Nicoclem*“, Изората. Въ 1813 году я прочелъ также шесть первыхъ діалоговъ Платона (въ принятомъ порядке) отъ

Эфтифрона до Феоктета включительно. Было бы лучше пропустить послѣдній, потому что для меня онъ былъ совершенно непонятенъ, но отецъ во всемъ преподаваніи требовалъ не только того, что было въ моихъ силахъ, но и того, что часто превосходило мои силы. Что приходилось терпѣть ему, воспитывая меня, даетъ понятіе слѣдующій фактъ. Я приготовлялъ свои греческіе уроки въ одной комнатѣ съ нимъ и за однимъ столомъ и, такъ какъ въ то время не существовало греческо-англійскаго словаря, а, не зная по латыни, я не имѣлъ возможности пользоваться греческо-латинскимъ, то я принужденъ былъ прибѣгать къ помощи отца и спрашивать у него значеніе незнакомыхъ мнѣ словъ. Онъ выносилъ спокойно эти безпрерывные разспросы, онъ самый нетерпѣливый изъ всѣхъ людей; особенно я тревожилъ его именно въ то время, когда онъ писалъ нѣкоторые тома своей „Исторіи Индіи“ и вообще все, что выходило изъ подъ его пера въ эту эпоху.

Послѣ греческаго единственнымъ предметомъ, которому обучалъ меня отецъ въ этотъ періодъ, была ариѳметика. Это была вечерняя работа, и я помню, сколько скучи она мнѣ приносила. Но уроки являлись только частичною воспитанія, которое я получалъ ежедневно; я выносилъ многое и изъ собственнаго чтенія, и изъ разговоровъ съ отцомъ во время прогулокъ. Съ 1810 до конца 1813 года мы жили въ Невингтонъ - Гринъ, имѣвшемъ тогда во всѣхъ отношеніяхъ сходство съ деревнею. Здоровье отца требовало постояннаго движения; передъ завтракомъ обыкновенно онъ совершалъ прогулку въ живописной окрестности Горизея. Я былъ постояннымъ его спутникомъ и мои первыя воспоминанія о зелени луговъ и полевыхъ цвѣтахъ непрѣменно

сливаются съ рассказами, передаваемыми мною отцу о томъ, что я прочелъ наканунѣ. Я хорошо помню, что это было скорѣй добровольнымъ, чѣмъ обязательнымъ занятіемъ. Читая какую-либо книгу, я дѣлалъ замѣтки на лоскункахъ бумаги и по нимъ разсказывалъ отцу въ теченіе утренней прогулки *содержаніе сочиненія*, большою частію историческаго, такъ какъ всѣ книги, бывшія у меня подъ руками, были въ этомъ родѣ. Такъ я прочелъ Робертсона, Юма, Гиббона, но всего болѣе доставляло мнѣ удовольствіе, какъ и долгое время спустя, сочиненіе Ватсона «Филиппъ II и Филиппъ III». — Геройское сопротивленіе малютійскихъ рыцарей противъ турокъ возбудили во мнѣ живой и долговременный интересъ.

Послѣ Ватсона излюбленнымъ монѣ чтеніемъ была *Исторія Рима* Гука. Полной исторіи Греціи мнѣ еще не приходилось встрѣтить, кромѣ сокращенной для школьнаго употребленія переводной „*Древней Исторіи*“ Роллена, начиная съ Филиппа Македонскаго, но я читалъ съ наслажденіемъ переводъ Плутарха, сдѣланній Лантгорномъ. Изъ исторіи Англіи постѣ эпохи, на которой остановился Юмъ, я, помню, читалъ „*Исторію моего времени*“ Бэрнета, гдѣ всего болѣе меня приводили въ восторгъ сраженія и войны; прочелъ я также историческій отрывокъ „*Ежегодниковъ*“ съ самаго начала до 1788 года только, такъ какъ у Бентама, у котораго бралъ ихъ отецъ, слѣдующихъ годовъ не было.

Живѣйший интересъ возбудила во мнѣ судьба Фридриха Пруссскаго, среди испытанныхъ имъ опасностей, а также судьба коренкавскаго патріота Паоли; когда я дошелъ до американской войны, то, какъ ребенокъ, принялъ участіе въ неправой сторонѣ, вслѣдствіе того

только, что она была англійская. Отецъ наставилъ меня на путь истинный. Въ теченіе ежедневныхъ бѣсѣдъ о прочитанномъ, отецъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы разъяснять мнѣ вопросы, касающіеся цивилизаціи, управлениія, нравственности и умственного развитія и при этомъ требовалъ, чтобы я повторялъ ему своими словами его мысли. Онъ также давалъ мнѣ много книгъ, которые не настолько лично меня интересовали, чтобы я захотѣлъ ихъ самъ читать, и требовалъ отъ меня отчета въ прочитанномъ. Между такими были „*Історическая размышиленія объ управлениі Англіей*“ Миллара, превосходное сочиненіе своего времени, которое мой отецъ высоко цѣнилъ, „*Історія церкви*“ Мозгейма; жизнь «Джона Нокса» Макъ-Кри, а также „*Історія квакеровъ*“ Сюэлля и Рютти. Онъ любилъ давать мнѣ въ руки книги, которые представляли бы примѣръ людей энергичныхъ и вполнѣ готовыхъ къ борьбѣ съ побѣждаемыми въ концѣ концовъ трудностями жизни. Изъ нихъ мнѣ приходять въ голову „*Воспоминанія объ Африкѣ*“ Бивера и „*Разсказъ перваго опыта колонизаціи въ Новомъ Южномъ Валлісѣ*“ Коллинса. Два же сочиненія, постоянно читавшіяся мною съ удовольствіемъ, были «*Путешествія*» Аنسона, представляющія большой интересъ для юношества, и Собрание Кругосвѣтныхъ путешествій (вѣроятно Гоксворта) въ четырехъ томахъ, начинная съ Дрэка и кончая Кукомъ и Бугенвилемъ. Дѣтскихъ книгъ и игрушекъ я почти не получалъ, развѣ только родные или друзья дарили мнѣ, и изъ всѣхъ книгъ этого рода мнѣ больше всего былъ по сердцу „*Робинзонъ Крузо*“, и я читалъ его съ удовольствіемъ въ теченіе всего дѣтства. Безъ сомнѣнія, въ соображенія отца не входило

исключать книги легкаго содержанія, но онъ позволялъ ихъ мнѣ въ очень ограниченномъ количествѣ. У него ихъ почти тогда не было и приходилось доставать въ другихъ мѣстахъ. Насколько помню, я прочелъ „Тысячу и одну ночь“, „Арабскія сказки“ Казотта, „Донъ-Кихота“, „Разсказы“ миссъ Эджевортъ и книгу „Знатный гурунъ“ Брука, пользовавшуюся тогда большой популярностью.

На восьмомъ году я началъ изучать латинскій языкъ вмѣстѣ съ младшею сестрою, которой я преподавалъ его по мѣрѣ того, камъ самъ шелъ впередъ. Сестра отвѣчала свои уроки отцу. Спустя нѣсколько времени остальные братья и сестры одинъ за другимъ становились моими учениками, и большая часть моей ежедневной работы состояла въ ихъ подготовительномъ обученіи. Это занятіе мнѣ крайне не нравилось, такъ какъ я несъ отвѣтственность какъ за своихъ учениковъ, такъ и за себя. Однако, я извлекалъ изъ этого порядка большую пользу, основательно изучая и усваивая болѣе твердо то, чemu училиъ другихъ. Возможно также, что въ моемъ возрастѣ для меня была полезна практика, которую я пріобрѣлъ, объясняя другимъ трудныя вещи. Въ другихъ отношеніяхъ опытъ моего дѣтства не благопріятствуетъ системѣ взаимнаго обученія дѣтей. Такая система, я увѣренъ, приноситъ только посредственные результаты, и я могъ убѣдиться, что отношенія учителя къ ученикамъ не представляютъ образцовой нравственной дисциплины какъ для той, такъ и для другой стороны. Такимъ образомъ я изучилъ латинскую грамматику и перевелъ большую часть Корнелія Ненота и *Комментаріевъ* Цезаря, что прибавляло ко всѣмъ моимъ обязанностямъ еще длинную работу для самого себя.

Въ томъ же году я впервые началъ изученіе греческихъ поэтовъ, съ *Иліады*. Когда я оказалъ достаточные успѣхи въ этомъ отношеніи, отецъ далъ мнѣ переводъ Попа, первую англійскую поэму, которую я съ наслажденіемъ прочелъ, и въ теченіе долгихъ лѣтъ она была одною изъ моихъ любимыхъ книгъ. Пере-читалъ я ее, кажется, отъ двадцати до тридцати разъ и не счелъ бы нужнымъ упоминать о столь присущемъ дѣтскому возрасту пристрастіи, если бы я не замѣтилъ, что живое удовольствіе, доставляемое мнѣ этимъ блестящимъ стихотворнымъ разсказомъ, вовсе не такъ распространено между дѣтьми, какъ я могъ предполагать *a priori* и по личному опыту. Вскорѣ послѣ этого я началъ Эвклида, а позднѣе алгебру, все подъ руководствомъ отца.

Въ періодъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ я прочелъ изъ латинскихъ книгъ «Буколики» Вергилія, первыя шесть книгъ Энеиды, всего Горация, кромѣ Эпода, басни Федра, первыя книги Тита Ливія, въ добавленіе къ которымъ я изъ любви къ римской исторіи просмотрѣлъ въ часы досуга остальныя части первой Декады, всего Саллюстія, большую часть *Метаморфозъ* Овидія, нѣсколько комедій Теренція, двѣ или три книги Лукреція, нѣсколько рѣчей Цицерона, нѣкоторыя изъ его сочиненій обѣ ораторскомъ искусствѣ и его *Письма къ Аттику*, по поводу которыхъ отецъ давалъ мнѣ историческая объясненія, переводя для меня съ французского примѣчанія Минголя. По гречески я прочелъ съ начала до конца *Иліаду* и *Одиссею*, одну или двѣ трагедіи Софокла и Эврипида, столько же комедій Аристофана (хотя они мнѣ принесли мало пользы), всего Фукидида, *«Гелленику»* Ксенофонта, большую часть Демос-

еена, Эсхила, Лизия, затѣмъ Феокрита и Анакреона
часть Антологіи, немногого изъ Діонисія Галикарнасскаго,
нѣсколько книгъ Полібія и, наконецъ, *Реторику* Ари-
стотеля. Это было первоѣ научное разсужденіе о пси-
хологіи и нравственности, прочитанное мною, и такъ
какъ оно содержитъ массу наиболѣшихъ наблюдений
древнихъ надъ человѣческой природой, то отецъ пору-
чилъ мнѣ изучать ее съ особенною тщательностью,
заставляя меня дѣлать изъ нея выдержки. Въ теченіе
тѣхъ же лѣтъ я основательно изучилъ элементарную
геометрію и алгебру; но нельзя сказать того же отно-
сительно дифференціального вычисленія и другихъ
отраслей высшей математики, такъ какъ отецъ, не за-
нимаясь этой наукой раньше и не имѣя времени раз-
рѣшить самъ затрудненія, останавливалъ меня, пре-
доставляя мнѣ распутывать ихъ только съ помощью
книгъ; между тѣмъ я навлекалъ на себя его неудоволь-
ствіе за неспособность къ решенію трудныхъ задачъ,
а онъ не замѣчалъ, что я не обладалъ достаточными
для этого знаніями.

Относительно собственнаго чтенія, я не могу ска-
зать, чтобы хорошо помнилъ все прочитанное. Исторія
и въ особенности древняя была всегда моимъ излю-
блѣннымъ предметомъ. Не отрываясь, напримѣръ, и
прочелъ «Грецію» Митфорда. Отецъ, предстерегая
меня отъ аристократическихъ предразсудковъ этого
автора, обращалъ мое вниманіе на то, что Митфордъ
подбираетъ факты для того, чтобы оправдать тирановъ
и очернить народныя учрежденія, и разбиралъ приво-
димые вопросы, объясняя ихъ примѣрами изъ греческихъ
ораторовъ и историковъ. Онъ такъ удачно выполнилъ
что, что при чтеніи Митфорда, мои симпатіи невольно

становились въ разрѣзъ съ симпатіями автора, и я могъ до извѣстной степени съ нимъ не соглашаться. Этотъ антагонизмъ не уменьшалъ, однако, удовольствія, съ которымъ я постоянно приступалъ къ чтенію этой книги. Еще съ болѣй охотой я занимался римской исторіей, читая или мое любимое сочиненіе Гука, или Фергюсона, и всегда съ наслажденіемъ пробѣгалъ древнюю всеобщую исторію, несмотря на всю сухость ея изложенія. Благодаря этой книгѣ, я набилъ себѣ голову историческими подробностями, относящимися къ самыи безызвѣстнымъ народамъ древности и въ то же время почти ничего не зналъ изъ средней исторіи, исключая нѣсколько эпизодовъ изъ войны Нидерландовъ, да и вообще не заботился увеличить свои знанія въ этой области.

Много времени, въ теченіе дѣтства, я посвятилъ на добровольныя сочиненія, которыя я называлъ историческими конспектами: одна за другою изъ-подъ моего пера выходили римская исторія, заимствованная изъ Гука, очеркъ древней всеобщей исторіи, исторія Голландіи, почертнутая мною изъ своего любимаго автора Ватсона и изъ сборника безъ обозначенія писателя. Отъ одиннадцати до двѣнадцати лѣтъ я занимался сочиненіемъ, въ которомъ видѣль вполнѣ серьезное занятіе; это было не болѣе не менѣе, какъ исторія римскаго управления, скомпилированная по Гуку, Титу Ливію и Діонисію Галикарнасскому. Я написалъ достаточно для тома *in octavo* и довелъ свою работу до Лициніевыхъ законовъ. На самомъ дѣлѣ это было изложеніе борьбы патриціевъ съ плебеями, поглощавшей весь интересъ, который я прежде питалъ къ войнамъ и завоеваніямъ римлянъ. О всѣхъ конституціонныхъ

вопросахъ я разсуждалъ по мѣрѣ того, какъ они являлись на сцену и, не имѣя понятія объ изслѣдованіяхъ Нибура и пользуясь единственno проблесками знанія, которыми обязанъ отцу, я защищалъ аграрные законы, опираясь на свидѣтельство Тита Ливія и, какъ только могъ, держался демократической партии Рима. Нѣсколько лѣтъ спустя, будучи недоволенъ первыми трудами дѣтства, я уничтожилъ всѣ эти сочиненія, не думая, что когда-либо я буду вспоминать съ любопытствомъ о своихъ первыхъ опытахъ въ искусствѣ писать и разсуждать. Отецъ мой ободрялъ меня въ этомъ полезномъ занятіи, хотя совершенно основательно онъ никогда не желалъ взглянуть на то, что я писалъ, такъ что, сочиняя что-либо, я не чувствовалъ себя отвѣтственнымъ ни передъ кѣмъ и мое рвение не было охлаждаемо мыслю, что я работаю подъ наблюдениемъ критика.

Эти историческія работы не были для меня обязательны, но существовало упражненіе другого рода, а именно сочиненіе стиховъ, и вотъ эта часть урока являлась для меня наиболѣе непріятною. Я не сочинялъ ни греческихъ, ни латинскихъ стиховъ и не изучалъ просодію этихъ языковъ, такъ какъ отецъ полагалъ, что на это не стоило тратить времени и довольствовался тѣмъ, что заставлялъ меня читать стихи вслухъ, исправляя ошибки въ удареніи. Я никогда не сочинялъ ничего по гречески даже прозою и очень мало по латыни, и это происходило не потому, что отецъ не признавалъ пользы такого рода упражненій, доставившихъ болѣе близкое знакомство съ языками, но прямо потому, что у меня не было па это времени. Заставлять же онъ меня писать стихи по англійски. Прочитавъ

Гомера въ переводѣ Попа, я почувствовалъ непреодолимое тщеславное желаніе испробовать свои силы на подобномъ сочиненіи и написалъ почти цѣлую пѣснь— продолженіе Иліады. Вѣроятно, честолюбивое увлеченіе поэзіей и ограничилось бы этимъ; но упражненіе, начатое по собственной охотѣ, я долженъ былъ продолжать по приказанію. По своей привычкѣ, отъ которой онъ никогда не отступалъ, объяснять мнѣ, насколько возможно, причины того, что онъ требовалъ отъ меня, отецъ, я какъ сейчасъ помню, привелъ два характеристичные мотива, руководившіе имъ въ этомъ случаѣ. Во-первыхъ, существуютъ, по его мнѣнію, явленія, которыя можно изобразить гораздо нагляднѣе стихами, чѣмъ прозою, и это имѣло дѣйствительную важность въ его глазахъ; во-вторыхъ, люди вообще придаютъ стихамъ болѣшее значеніе, чѣмъ они заслуживаютъ, а поэтому слѣдуетъ пріобрѣсти извѣстный навыкъ. Обыкновенно онъ оставлялъ на мое усмотрѣніе выборъ сюжетовъ, и я всего чаще бралъ ихъ, насколько помню, изъ миѳологіи или изъ аллегорическихъ отвлеченностей. Кромѣ того, отецъ заставлялъ меня переводить по англійски стихами небольшія поэмы Горация. Такжѣ какъ-то разъ онъ далъ мнѣ прочесть «Зиму» Томсона, а потомъ приказалъ мнѣ безъ помощи книги попытаться написать что-нибудь въ этомъ родѣ. Стихи, вышедши изъ-подъ моего пера, были такъ сказать наборомъ словъ, и я никогда не могъ легко писать ихъ; но это упражненіе можетъ быть было для меня полезно впослѣдствіи въ томъ отпошеннѣ, что я могъ быстро подыскать нужное мнѣ слово. *).

*) Нѣсколько позднѣе, когда упражненія въ версификаціи перестали быть для меня обязательными, я сочинилъ, какъ и большин-

Изъ произведеній англійскихъ поэтовъ я не читалъ почти ничего. Отецъ далъ мнѣ прочесть историческія драмы Шекспира; отъ нихъ я перешелъ къ другимъ его сочиненіямъ. Опѣ никогда не благоговѣлъ передъ Шекспиромъ, строго осуждая поклоненіе англичанъ этому поэту; и вообще онъ не высоко ставилъ англійскихъ поэтовъ, исключая Мильтона, передъ которымъ онъ выказывалъ самое глубокое удивленіе, Гольдсмита, Бэрнса и Грея (*„Барда“* послѣдняго онъ предпочиталъ его *„Элегіи“*); къ нимъ надлежало бы прибавить Купера и Битти. Онъ уважалъ Спенсера, и я помню, какъ онъ читалъ мнѣ (противъ своего обыкновенія читать что либо самому) первую книгу *„Царицы Фей“*, но я не вынесъ никакого удовольствія. Отецъ не находилъ поэтовъ нашего вѣка заслуживающими вниманія,—а потому я почти до зрѣлого возраста не былъ знакомъ съ ними, кромѣ поэмъ Вальтеръ-Скотта, которыя я прочелъ по совѣту отца и которыя доставили мнѣ много удовольствія. Между книгами отца были также поэмы Драйдена; онъ далъ мнѣ прочитать нѣкоторыя, но ни одна изъ нихъ не пришлась мнѣ по вкусу, исключая *„Празднество Александра“*, стихотворенія, которое я имѣлъ привычку распѣвать, такъ же какъ и пѣсни Вальтеръ-Скотта, на мотивъ собственнаго сочиненія и слагалъ изъ нихъ свои пѣсни, которыя помню еще до сихъ поръ. Съ удовольствіемъ читалъ я также мел-

ство юныхъ писателей, иѣсколько трагедій подъ вліяніемъ не столько Шекспира, сколько Іоанны Белли, трагедія которой *„Константінъ Палеолохъ“* казалась мнѣ самымъ совершеннымъ произведениемъ въ мірѣ. Да и теперь я считаю эту трагедію одною изъ лучшихъ вещей, написанныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій.

кія стихотворенія Купера, но никогда не могъ осилить до конца его большихъ поэмъ; и изъ всѣхъ его произведеній ничто такъ не интересовало меня, какъ прозаической отрывокъ о трехъ ручныхъ зайцахъ. Въ тридцать лѣтъ мнѣ попались подь руку поэмы Камбеля; изъ нихъ *Лохіель*, *Гогенлинденъ*, *Изгнаникъ изъ Эрина* и нѣсколько другихъ возбудили во мнѣ чувства, какихъ никогда не доставляла мнѣ поэзія. Относительно этого автора я могу сказать, что мнѣ вовсе не нравились его большія поэмы, за исключеніемъ поразительного начала «Гертруды Гёмині», которое я долгое время считалъ самымъ совершеннымъ патетическимъ произведеніемъ.

Въ продолженіе этого периода моего дѣтства излюбленнымъ моимъ занятіемъ въ часы досуга были экспериментальная науки, разумѣется, въ теоретическомъ, а не практическомъ смыслѣ этого слова; и не производилъ опытовъ, о чёмъ впослѣдствіи часто сожалѣль, и даже не присутствовалъ на нихъ, а только довольствовался прочитаннымъ. Я не помню, чтобы какая-либо другая книга привела меня въ такое восхищеніе, какъ *„Научныя Бесѣды“* Джойса, и я возмущался критическими отзывами отца о плохихъ разсужденіяхъ, которыми изобилуетъ первая часть этого труда, относительно первыхъ основъ физики. Я съ увлеченіемъ также поглощалъ сочиненія по химії, въ особенности одну книгу стариннаго товарища и друга отца, доктора Томсона. Около двѣнадцати лѣтъ я вступилъ въ новую стадію своего образования, главной цѣлью которой было не возбужденіе и приложенія мысли, а самая мысль. Прежде всего я началъ съ логики и сразу пришлся за *„Органонъ“*, который прочелъ до *«Аналитики»* включительно, хотя и не из-

влеckъ большой пользы изъ послѣдней, принадлежащей къ области философіи; для нея я былъ еще слишкомъ юнъ. На риду съ *Орианономъ* отецъ давалъ мнѣ читать или полностю или отрывками нѣсколько латинскихъ сочиненій по схоластической логикѣ. Каждый день во время прогулки я отдавалъ ему подробный отчетъ о прочитанномъ и отвѣчалъ на его безчисленные и порою трудные вопросы. Потомъ я такимъ же образомъ прошелъ *Computative Logica* Гоббса, сочиненіе наиболѣе выдающееся изъ школьныхъ учебниковъ логики; отецъ очень цѣнилъ эту книгу, хотя, по моему мнѣнію, онъ цѣнилъ ее выше, чѣмъ она стоила. Отецъ мой никогда не упускаль случая, насколько могъ, объяснить мнѣ пользу всякаго даваемаго мнѣ сочиненія, а особенно обращалъ мое вниманіе на пользу изученія силлогистической логики, что оспаривали столько авторитетныхъ писателей. Я очень хорошо помню, какъ и гдѣ (это было въ окрестности Багжота-Гита, гдѣ мы гостили у стариннаго друга моего отца, мистера Уоллеса, профессора математики въ Сандгурстѣ) онъ спачала рядомъ вопросовъ заставилъ меня задуматься впервые объ этомъ предметѣ и внушилъ мнѣ нѣкоторыя понятія о томъ, въ чемъ состоитъ польза силлогистической логики. Я не скажу, конечно, чтобы уже въ то время слова его выясняли мнѣ вполнѣ суть дѣла, по онъ не были совершенно бесполезны, такъ какъ остались въ моемъ умѣ центромъ, вокругъ котораго сгруппировались мои наблюденія. Значеніе общихъ замѣчаній, дѣлаемыхъ отцомъ, обнаруживалось при каждомъ особенномъ случаѣ, который вносили попадать подъ мое наблюденіе. Благодаря размышленіямъ и опыту я окончательно дошелъ до сознанія необходимости близкаго знакомства съ процессами школьнай

логики. Нѣть другого предмета въ моемъ воспитаніи, который болѣе способствовалъ-бы развитію во мнѣ правильнаго мышленія.

Первымъ интеллектуальнымъ процессомъ, въ которомъ я оказалъ успѣхъ, былъ разборъ неправильнаго доказательства и изслѣдованіе причинъ ошибки; всѣмъ искусствомъ, которое я пріобрѣлъ въ этомъ, я обязанъ неутомимой настойчивости, съ какою отецъ обучалъ меня этому умственному упражненію, въ которомъ главную роль играли школьнaya логика и привычка мыслить, пріобрѣтенная при ея изученіи. Я увѣренъ, что въ современномъ воспитаніи ничто болѣе этого не способствуетъ образованію точныхъ мыслителей, неуклонно слѣдящихъ за смысломъ словъ и предложенийъ и осторегающихъ неопределенныхъ, слабыхъ и двусмысленныхъ терминовъ. Нѣкоторые преувеличиваютъ вліяніе математики для достиженія такого же результата, по оно представляетъ изъ себя ничто болѣе в сравненіи съ вліяніемъ логики, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ математическихъ вычисленихъ не встрѣчается такихъ трудностей, которыя составляютъ дѣйствительныя препятствія правильнаго разсужденія. Логика является также ученiemъ, наиболѣе пригоднымъ на первыхъ порахъ для философскаго образованія учениковъ, такъ какъ она не зависитъ отъ медленныхъ процессовъ, которыми пріобрѣтаются, путемъ опыта и размышленія, идеи, важныя сами по себѣ: благодаря этому изученію ученики могутъ разобрать неясную и противорѣчивую мысль раньше, чѣмъ ихъ собственная способность мыслить достигнетъ своего полнаго развитія, между тѣмъ какъ не мало людей, способныхъ въ другихъ отношеніяхъ, не могутъ сдѣлать того-же въ силу

отсутствія подобнаго упражненія. Когда они хотятъ возражать своимъ противникамъ, то стараются поддерживать противоположное мнѣніе съ помощью доказательствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, совершенно не пробуя опровергнуть доводовъ противника, и самый большой успѣхъ, котораго они могутъ добиться,—оставить вопросъ открытымъ, насколько рѣшеніе зависитъ отъ разсужденія.

Въ теченіе этого времени я продолжалъ читать съ отцомъ латинскіхъ и греческихъ авторовъ, которые представляли цѣнность по языку и по своимъ идеямъ. Я изучилъ также нѣсколько ораторовъ, особенно Демосѳена; главныя рѣчи послѣдняго я пробыгалъ по нѣсколько разъ съ начала до конца и писалъ въ видѣ упражненія подробный разборъ ихъ. Отецъ сопровождалъ это чтеніе очень поучительными комментаріями. Онъ не только обращалъ мое вниманіе на свѣтъ, который проливаются эти рѣчи на аѳинскія учрежденія, на основы законодательства и управлениія, но и указывалъ на необыкновенное искусство ораторовъ: напримѣръ, съ какою ловкостью Демосѳенъ высказывалъ венци, ведущія прямо къ цѣли, именно въ тотъ моментъ, когда слушатели были всего болѣе приготовлены къ ихъ воспринятію. Отецъ указывалъ мнѣ, какими приемами пользовался великий ораторъ, чтобы постепенно и намеками внушать аѳинянамъ мысли, которые, будучи выражены имъ болѣе прямо, вызвали бы ихъ несогласіе. Большая часть этихъ разсужденій превышала степень моего пониманія въ ту пору, но во всякомъ случаѣ съмена, зароненная ими, дали въ свое время обильные плоды. Тогда же я прочелъ всего Тацита, Ювенала и Квинтиліана. Произведеніе этого

послѣдняго автора мало читается и цѣнится, можетъ быть, по причинѣ неясности его слога и массы схоластическихъ подробностей, которыми изобилуютъ нѣкоторыя мѣста этого трактата. Но этотъ трудъ представляетъ изъ себя образецъ энциклопедіи мыслей древнихъ о воспитаніи и объ умственномъ развитіи; оттуда я почерпнулъ много важныхъ идей, которыя я никогда не забывалъ, и которыя я несомнѣнно долженъ приписать чтенію этой книги во время моего дѣтства. Въ это же время въ первый разъ были прочитаны мною діалоги Платона, особенно *Горіасъ*, *Протагоръ* и *Республика*. Не было другого автора, которому мой отецъ считалъ бы себя болѣе обязаннымъ развитіемъ своего ума, какъ Платонъ; его онъ всего чаще предлагалъ молодымъ учащимся людямъ. Я могу засвидѣтельствовать то же самое по собственному опыту. Методъ Сократа, главнымъ памятникомъ котораго служать діалоги Платона, является наиболѣшимъ умственнымъ упражненіемъ для того, чтобы исправлять ошибки и освѣщать неясности, присущія „*intellectus sibi permissus*“, т. е. разуму, который составлялъ всѣ свои группы ассоціаціи идей подъ воздействиемъ народной фразеологии. Процессъ, составляющій этотъ методъ, таковъ: точный и ясный вопросъ (эленхій) побуждаетъ человѣка, идеи котораго представляютъ только смутныя обобщенія, или выразить въ точныхъ терминахъ то, что онъ разумѣеть подъ этими идеями, или сознаться въ полномъ непониманіи того, что онъ говоритъ; затѣмъ онъ заставляетъ постоянно провѣрять общія положенія частными случаями, подвергаетъ правильной оцѣнкѣ значеніе отвлеченныхъ терминовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова посредствомъ процесса, который

состоитъ въ опредѣлениіи болѣе широкаго родового названія, заключающаго въ себѣ и данный терминъ и многое другое; наконецъ, въ концѣ концовъ путемъ раздѣленія онъ приводить къ искомому понятію, опредѣляетъ его границы и формулируетъ опредѣленіе рядомъ различій, заботливо установленныхъ между этимъ предметомъ и тѣми, которые близки къ нему, имѣя въ виду устранить возможность ихъ смѣшиванія. Всѣ эти дѣйствія чрезвычайно цѣнны для того, чтобы поставить человѣка на путь точнаго мышленія. Даже въ это время моего дѣтства они настолько за-владѣли мною, что сдѣлались, такъ сказать, элементами моего собственнаго ума. Съ этихъ поръ я сталъ думать, что название учениковъ Платона скорѣе принадлежитъ мыслителямъ, которые воспитались на его процессѣ изслѣдованія и старались держаться его, чѣмъ людямъ, принимающимъ только нѣкоторыя догматическія заключенія, заимствованныя изъ его наиболѣе непонятныхъ сочиненій, тогда какъ гений Платона и характеръ его твореній заставляютъ сомнѣваться, не смотрѣлъ ли онъ самъ на эти произведенія только какъ на поэтическую фантазію или на философскую гипотезу.

При изученіи Платона и Демосѳена, какъ только я сталъ въ состояніи читать этихъ авторовъ, не испытывая затрудненій со стороны языка, отецъ уже не требовалъ отъ меня перевода каждой фразы. Онъ заставлялъ меня читать вслухъ и предлагалъ вопросы, на которые я долженъ былъ отвѣтить; но такъ какъ онъ обращалъ особенное вниманіе на самый процессъ чтенія, въ чёмъ онъ самъ достигъ совершенства, то это чтеніе вслухъ было для меня тяжелымъ трудомъ. Изъ всего, что онъ заставлялъ меня дѣлать, ни одно

занятіе не шло такъ дурно, какъ это, и я постоянно выводилъ его изъ терпѣнія. Отецъ много размышлялъ объ основахъ искусства чтенія, особенно той его части, которой наиболѣе пренебрегаютъ, я хочу сказать объ измѣненіяхъ голоса, или, какъ называютъ авторы въ своихъ разсужденіяхъ, о *модуляціи* въ отличіе отъ *произношенія* и *выраженія*; отецъ составилъ свои правила объ измѣненіяхъ голоса, основываясь на логическомъ анализѣ фразы и энергично вбивалъ ихъ мнѣ въ голову, дѣлая строгіе выговоры всякий разъ, когда я ошибался. При этомъ я замѣчалъ, хотя и не осмысливался ему сказать, что, упрекая за дурно произнесенную фразу, онъ ограничивался указаніемъ, какъ я долженъ быть ее читать, самъ же никогда не прочитывалъ мнѣ вслухъ. То же упущеніе сказывалось во всѣхъ его приемахъ образованія, весьма замѣчательныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Отецъ слишкомъ былъ увѣренъ, что отвлеченные понятія достаточно ясны и доступны сами по себѣ безъ помощи какой-либо конкретной формы. Гораздо позднѣе, упражняясь въ чтеніи одинъ или съ товарищами своего возраста, я въ первый разъ понялъ психологическія основанія, на которыхъ онъ строилъ свои правила. Я прослѣдилъ этотъ вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ и могъ бы составить очень полезный трудъ согласный съ принципами отца, который самъ ничего не сочинялъ по этому предмету. Я сожалѣю, что не воспользовался временемъ, когда я занимался этимъ и систематически практиковалъ упомянутыя правила, для того, чтобы изложить мысли отца вмѣстѣ съ усовершенствованіями, введенными миою.

Одною изъ книгъ, чрезвычайно способствовавшихъ моему образованію въ лучшемъ смыслѣ этого слова,

была „Исторія Индії“ моего отца. Это сочинение вышло въ свѣтъ въ началѣ 1818 года. Передъ этимъ, когда оно печаталось, я читалъ отцу корректурные оттиски или скорѣе я читалъ ему рукопись, а онъ правилъ корректуру. Это замѣчательное произведеніе открыло мнѣ массу новыхъ мыслей. Я нашелъ тамъ критическіе отзывы и изслѣдованія объ обществѣ и цивилизациѣ особенно въ Индіи, объ учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ англійскаго правительства. Мои размышленія получили толчокъ и направление, которые принесли мнѣ впослѣдствіи громадную пользу. Хотя я сознаю теперь недостатки этого сочиненія, сравнивая его съ болѣе совершенными трудами, но все-таки держусь того мнѣнія, что оно одно изъ самыхъ поучительныхъ историческихъ произведеній, изъ котораго умъ, занятый своимъ развитіемъ, можетъ извлечь много пользы.

Предисловіе къ „Исторії Индії“, являющееся самымъ характеристичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени богатымъ по мыслямъ сочиненіемъ изъ написанныхъ отцомъ, представляетъ вѣрное изображеніе тѣхъ чувствъ и надеждъ, которыя вдохновляли его въ ту эпоху. Во всемъ труда разсѣяны мнѣнія и сужденія демократического радикализма, считавшіяся въ то время крайними; съ суровостью, рѣдкою въ тогдашнюю эпоху, онъ трактовалъ о строѣ и законахъ Англіи, о партіяхъ и классахъ, имѣвшихъ значительное влияніе въ странѣ. Если онъ и могъ надѣяться на то, что его произведеніе создастъ ему репутацію, то во всякомъ случаѣ не могъ ии ожидать отъ него улучшенія своего положенія, ии предполагать, что опо пріобрѣтеть ему что-либо другое кромѣ враговъ въ лицѣ могущественнѣхъ людей. Всего же менѣе онъ долженъ

быть надѣяться на благосклонность со стороны Остъ-Индской компаніи, къ торговымъ привилегіямъ которой онъ относился такъ враждебно и которую онъ такъ часто порицалъ съ суровостью политического дѣятеля. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги онъ приводилъ въ пользу компаніи свидѣтельство ея заслугъ, особенно, когда онъ говоритъ, что ни одно правительство не давало столько доказательствъ своихъ добрыхъ отношеній къ подчиненнымъ и что если бы дѣйствія другихъ правительствъ были бы обнародованы, они оказались бы гораздо менѣе способными выдерживать критику.

Не смотря на это, весною 1819 года, спустя годъ послѣ выхода въ свѣтъ *Исторіи Индіи*, узнавъ, что директора компаніи желаютъ увеличить составъ конторы, вѣдавшей индійскую корреспонденцію, отецъ ходатайствовалъ передъ ними относительно этого мѣста и полутиль его. Онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора индійской корреспонденціи, обязанность котораго состояла въ приготовленіи проектовъ депешъ, отправляемыхъ въ Индию. На этомъ мѣстѣ, а затѣмъ и ставъ инспекторомъ, онъ сумѣлъ пріобрѣсти своими талантами, извѣстностью и рѣшительностью характера такое вліяніе на своихъ начальниковъ, желавшихъ дѣйствительно обеспечить хорошее управлениe въ Индіи, что они позволяли ему проводить его дѣйствительное мнѣніе о дѣлахъ этой страны въ проектахъ депешъ и представлять ихъ почти безъ измѣненія на обсужденіе собрания директоровъ и контрольного совѣта. Отецъ уже въ своей *Исторіи* изложилъ истинные принципы управления этой областью, а его депеши способствовали въ значительной мѣрѣ улучшенію уп-

равленія въ Индіи и указывали служащимъ компанії, какъ они должны понимать свои обязанности. Если бы былъ опубликованъ этотъ сборникъ депешъ, то, я убѣжденъ, что отецъ, какъ философъ, могъ бы быть поставленъ на ряду съ любымъ государственнымъ дѣятелемъ.

Новыя занятія ничуть не ослабили той заботливости, съ которой онъ относился къ моему воспитанію. Въ томъ же 1819 году онъ заставилъ меня пройти полный курсъ политической экономіи. Его близкій другъ Рикардо только что выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, составившее цѣлую эпоху въ исторіи этой науки; безъ настоящій и дѣятельныхъ одобреній со стороны отца онъ никогда не издалъ бы и даже не написалъ бы его, ибо, будучи самymъ скромнымъ изъ всѣхъ людей, онъ, хотя и былъ глубоко убѣжденъ въ справедливости своихъ доктринъ, но считалъ себя такъ мало способнымъ изложить ихъ въ понятной формѣ, что боялся ихъ издавать. Годъ или два спустя тѣ же дружескія настоянія побудили его вступить въ англійскій парламентъ. Тамъ онъ оказалъ, благодаря своимъ идеямъ и пдемъ моего отца, много выдающихся заслугъ, какъ въ области политической экономіи, такъ и въ другихъ вопросахъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей слишкомъ недолговременной жизни, которую пресекла смерть въ моментъ самого высокаго развитія его ума.

Хотя великий трудъ Рикардо былъ уже напечатанъ, но не существовало удобнаго руководства, которое бы резюмировало его идеи для болѣе наглядного изученія. Чтобы дать мнѣ понятіе о политической экопоміи, отецъ долженъ былъ начать со мною уроки по этому предмету во время прогулокъ. Каждый день онъ изла-

галь мнѣ часть этой науки, а на слѣдующій день я представлялъ ему сочиненіе о томъ, что онъ говорилъ: при этомъ онъ заставлялъ меня передѣлывать по нѣскольку разъ мою работу до тѣхъ поръ пока она не становилась ясной, опредѣленной и не охватывала предметъ со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ изучилъ я всю политическую экономію и составилъ письменно очеркъ, образовавшійся изъ моихъ отчетовъ: позднѣе отецъ воспользовался имъ, какъ замѣчаніями для своего сочиненія *«Основанія Политической Экономіи»*. Подготовившись такимъ образомъ, я прочелъ Рикардо, представляя ежедневно отцу отчетъ въ прочитанномъ и разсуждая, какъ только могъ, о побочныхъ вопросахъ, выступавшихъ на сцену по мѣрѣ того, какъ я прочитывалъ это сочиненіе. Относительно денегъ—самаго запутанного вопроса политической экономіи — отецъ заставилъ меня прочесть тѣмъ же порядкомъ замѣчательныя брошюры Рикардо, которая тотъ написалъ въ эпоху полемики о драгоценныхъ металлахъ. Всѣдѣ за этимъ онъ перешелъ со мною къ изученію Адама Смита. При разборѣ послѣдняго моего главною задачею было—приложить къ поверхностнымъ идеямъ Смита глубокій взглядъ Рикардо и находить самому, что было ошибочнаго въ аргументахъ Смита, или въ его заключеніяхъ. Такой методъ образования прекрасно скомбинированъ для того, чтобы образовать мыслителя, но при этомъ необходимо, чтобы имъ управлялъ такой совершенный и строгій мыслитель, какимъ былъ отецъ. Даже для него эта путь былъ тяжелъ и тѣмъ болѣе для меня, хотя я очень интересовался этимъ предметомъ. Мой отецъ терялъ часто терпѣніе и даже иногда не благоразумно.

когда я неуспешно выполнялъ работу, отъ которой и невозможно было ожидать успеха; но въ итогѣ методъ былъ прекрасенъ и привелъ къ самыи благопріятнымъ результатамъ. Не думаю, чтобы какое-нибудь другое научное обученіе проникало глубже и болѣе подходило къ цѣли—развить умственныя способности,—чѣмъ та система, которою пользовался отецъ, преподавая мнѣ логику и политическую экономію. Онъ старался, и иногда сверхъ мѣры, вызывать во мнѣ дѣятельность ума, заставляя меня доходить до всего самому и не давалъ мнѣ объясненія раньше, чѣмъ я не сознавалъ всю силу встрѣчающихся затрудненій. Я не только близко познакомился съ этими двумя науками въ томъ объемѣ, какъ ихъ тогда понимали, но научилъся мыслить о предметахъ, составляющихъ ихъ содержаніе. Почти съ самаго начала я сталъ мыслить самъ и иногда расходился во взглядахъ съ отцомъ; долгое время эта разнъя являлась только во второстепенныхъ вопросахъ, и его мнѣнія служили для меня пробнымъ камнемъ. Позднѣе мнѣ приходилось убѣждать его въ нѣкоторыхъ случаяхъ и измѣнять его мнѣніе въ частностяхъ. Я говорю это къ чести его, а не къ восхваленію самого себя; это—доказательство его полной добросовѣстности и превосходства его педагогического метода.

На этомъ кончается то, что я собственно могу называть «ученіемъ». Мнѣ было около четырнадцати лѣтъ; я покинулъ Англію не болѣе чѣмъ на годъ, а по возвращеніи, хотя мои занятія и оставались еще подъ общимъ направленіемъ отца, по онъ не давалъ мнѣ болѣе уроковъ. Мнѣ слѣдуетъ здѣсь на время остановиться, чтобы разсмотрѣть вопросы болѣе общаго ха-

рактера, относящіяся къ тѣмъ годамъ моей жизни, изъ которыхъ я только что привелъ эти воспоминанія.

Обстоятельство, наиболѣе всего бросающееся въ глаза въ воспитаніи только что мною описанномъ, состоять въ тої громадной заботѣ, которую проявилъ мой отецъ, чтобы доставить мнѣ въ теченіе дѣтскихъ лѣтъ такой запасъ учености, такого знанія высшихъ отраслей наукъ, какія приобрѣтаются только при изученіи въ зрѣлые годы. Результатъ его попытки доказываетъ, съ какою легкостью можно этого добиться, и чрезвычайно ясно освѣщаетъ нѣсчастную трату столькихъ драгоцѣнныхъ лѣтъ, которые множество воспитанниковъ употребляютъ для того, чтобы пріобрѣсти скучный запасъ знаній изъ латинскаго и греческаго языковъ. Эта потеря времени заставила не малое число сторонниковъ педагогической реформы поддерживать ту ошибочную мысль, что слѣдовало бы совершенно устраниТЬ древніе языки изъ общаго образования. Если бы я былъ отъ природы надѣленъ особеною способностью легко и быстро усваивать то, чему меня обучали, или если бы я обладалъ крайне исправной и точной памятью, или если бы, наконецъ, я имѣлъ характеръ въ высшей мѣрѣ дѣятельный и энергичный, тогда, разумѣется, опять не казался бы убѣдительнымъ. Но во всѣхъ этихъ качествахъ я стою скорѣе ниже посредственности, которую я во всякомъ случаѣ не превышаю; то, что я сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, могутъ сдѣлать мальчики или дѣвочки среднихъ способностей, обладающіе хорошимъ здоровьемъ. Если я могъ чего-либо достигнуть, то я обязанъ этимъ, между другими благопріятными обстоятельствами, тому, что воспитаніе, данное мнѣ отцомъ, доставило мнѣ, могу прямо сказать, преимущество пе-

редь моими сверстниками: опередить ихъ на четверть столѣтія.

Въ моемъ воспитаніи было одно обстоятельство существенной важности, о которомъ я уже упоминалъ: болѣе чѣмъ все остальное оно являлось причиной принесенной мнѣ пользы. Большая часть дѣтей и молодыхъ людей, которыхъ учатъ многимъ вещамъ, не только не выносятъ изъ образованія окрѣпнувшія способности, но выходятъ совершенно ослабленные въ умственномъ отношеніи. Они напичканы одними фактами, чужими мнѣніями и формулами, которыя они принимаютъ на вѣру и которыя отнимаютъ у нихъ возможность сдѣлать что - нибудь самимъ. И такимъ образомъ мы видимъ, что сыновья выдающихся отцовъ, не жалѣвшихъ ничего для ихъ воспитанія, достигаютъ зреаго возраста, твердя, какъ попугай то, чemu они научились въ дѣтствѣ, неспособные пользоваться своимъ знаніемъ виѣ того предѣла, который былъ начертенъ для нихъ. Мое воспитаніе было не въ этомъ родѣ. Отецъ никогда не позволялъ, чтобы уроки превращались въ зазубриваніе. Онъ старался, чтобы я не только понималъ все, чему учился, но и насколько возможно, чтобы сознаніе предшествовало знанію. Онъ никогда не говорилъ мнѣ того, чего я могъ самъ сознательно достичь усилиями своей собственной мысли, пока я не испробовалъ всѣ средства добиться этого. Насколько помню, я былъ очень неустойчивъ въ этомъ отпошепіи и мои воспоминанія полны примѣрами неудачъ и очень рѣдко мои усиленія сопровождались успѣхомъ. Правда, что мнѣ не давались такие затруднительные вопросы, которые я и не могъ бы преодолѣть въ мои лѣта. Я вспоминаю, какъ однажды

(мнѣ было около тринадцати лѣтъ) мнѣ пришлось употребить въ разговорѣ слово *идея*; отецъ спросилъ у меня значеніе этого слова и былъ крайне недоволенъ, когда я не могъ этого опредѣлить. Припоминаю также его негодованіе, когда одинъ разъ онъ услышалъ, что я повторилъ избитое изреченіе, что такое-то положеніе справедливо въ теоріи, но что слѣдуетъ исправить его на практикѣ; онъ тщетно пытался добиться отъ меня опредѣленія слова *теорія*, наконецъ онъ объяснилъ мнѣ его значеніе и показалъ ошибочность обыкновенного выраженія, употребленного мною. Онъ оставилъ меня въ томъ убѣжденіи, что мое безсиліе опредѣлить слово *теорія*,—когда я только что говорилъ о ней, что она находится въ разладѣ съ практикой,—обнаружило мое глубокое невѣжество. Мнѣ казалось, что, негодяя на это, отецъ преступилъ мѣру, и можетъ быть это такъ и было. Но все-таки я полагаю, что это вызвано было неудовольствіемъ, какое причиняли ему мои неудачи. Ученикъ, отъ котораго никогда не требуютъ того, чего онъ не можетъ сдѣлать, не станетъ дѣлать и того, на что способенъ.

Одною изъ опасностей, которая обыкновенно бываютъ слѣдствіемъ быстрыхъ успѣховъ и часто губятъ ихъ въ самомъ расцвѣтѣ, является тщеславіе. Отецъ съ большою заботливостью старался предохранить меня отъ этого. Опь крайне бдительно старался удалять отъ меня всякую возможность выслушивать похвалы и дѣлать сравненія лестныя для меня. Изъ моихъ отношеній къ нему я могъ вывести только очень скромное заключеніе о своихъ достоинствахъ, такъ какъ предѣломъ сравненія, который отецъ постоянно предлагалъ моему честолюбію, было не то, что дѣлаютъ люди, но то,

что долженъ и могъ бы сдѣлать одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ ему вполнѣ удалось достичь своей цѣли и предохранить меня отъ того пагубнаго вліянія, котораго онъ такъ опасался. Я совершенно не подозрѣвалъ, что мои успѣхи представляли исключительное явленіе въ моемъ возрастѣ. Если случайно мое вниманіе было привлечено тѣмъ, что другой мальчикъ зналъ меныше (а это случалось рѣже, чѣмъ можно предположить), я былъ убѣжденъ, что это происходитъ не отъ того, что я зналъ много, но потому, что этотъ мальчикъ по тѣмъ или другимъ причинамъ зналъ мало, или что его знанія были совершенно другого рода, нежели мои. Я не ощущалъ смиренія, но и не чувствовалъ въ себѣ высокомѣрія; вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда не считалъ себя ни очень образованнымъ, ни очень способнымъ и не ставилъ себя не слишкомъ высоко, не слишкомъ низко, и прямо не заботился обѣ этомъ. Если я и думалъ что-либо о себѣ, такъ это то, что въ своемъ образованіи я скорѣе двигаюсь назадъ, чѣмъ впередъ, такъ какъ я всегда сравнивалъ свое знаніе съ тѣмъ, чего ожидалъ отъ меня отецъ. Я смѣло утверждаю это, хотя не таково впечатлѣніе, произведенное мною на нѣкоторыхъ лицъ, знаяшихъ меня въ дѣтствѣ. Они, какъ я послѣ узналъ, находили меня крайне самонадѣяннымъ, вѣроятно потому, что я очень любилъ спорить, и я никакъ не стѣснялся противопоставлять свое мнѣніе тому, что слышалъ. Пріобрѣлъ же я эту дурную привычку благодаря тому, что меня поощряли совершенно исключительнымъ образомъ бесѣдоватъ со взрослыми людьми о предметахъ далеко не свойственныхъ моему возрасту и никогда не винили миѣ обычновеннаго почтенія къ старшимъ. Отецъ не исправ-

лять этихъ невѣжливыхъ выходокъ, вѣроятно, оттого, что не замѣчалъ ихъ, ибо я былъ проникнутъ къ нему такимъ почтительнымъ страхомъ, что въ его присутствіи становился всегда крайне покорнымъ и смиреннымъ. Несмотря на такое мнѣніе, я никогда не воображалъ, что обладаю хотя самымъ малѣйшимъ превосходствомъ; и это было для меня большимъ счастьемъ. Однажды въ Гайдъ-Паркѣ (я очень хорошо помню мѣстность, гдѣ это происходило), мнѣ было тогда уже четырнадцать лѣтъ, и я готовился покинуть отеческій кровъ на продолжительное время, отецъ сказалъ мнѣ, что, пріобрѣтая знакомство съ новыми лицами, я буду замѣчать, что знаю много вещей, которыхъ обыкновенно не знаютъ юноши моего возраста, и что, безъ сомнѣнія, мнѣ будутъ обѣ этомъ говорить и осипать меня похвалами. Я не совсѣмъ хорошо помню все то, что онъ прибавилъ къ этому, но онъ окончилъ свое наставленіе говоря, что если я знаю больше, чѣмъ другіе, то это вовсе не слѣдуетъ приписывать моей собственной заслугѣ, а исключительному счастливому обстоятельству — имѣть отца, способнаго дать образованіе и пожелавшаго взять на себя этотъ трудъ и посвятить ему достаточно времени; такимъ образомъ, если я знаю болѣе, чѣмъ неимѣвшіе счастья пользоваться такимъ преимуществомъ, то отнюдь не должно видѣть въ этомъ причину къ восхваленію меня, но скорѣе думать о стыдѣ, который я навлекъ бы на себя, если бы произошло противное. Когда отецъ объяснилъ мнѣ, что я знаю болѣе, чѣмъ другіе молодые люди, получившіе хорошее образованіе, я принялъ это извѣстіе, какъ новость и вполнѣ повѣрилъ, какъ и всему, что онъ говорилъ, но его слова вовсе не показались мнѣ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Я не былъ склоненъ

гордиться тѣмъ, что были люди не свѣдущіе въ томъ, что я зналъ, и не ласкаль себя мыслю, что мои познанія, каковы бы они ни были, происходятъ отъ моей собственной заслуги, а обращая мое вниманіе на этотъ предметъ, я находилъ, что все, что мой отецъ говорилъ о выгодахъ, которыми я пользовался, было совершенно справедливо и основательно, и впослѣдствіи я никогда не измѣнялъ мнѣнія относительно этого.

Очевидно, что этотъ результатъ, какъ и весь другіе, входившіе въ планъ воспитанія, начертанный отцомъ, не могъ бы быть достигнутъ, если бы отецъ не позаботился о томъ, чтобы я не имѣлъ слишкомъ много сношеній съ другими дѣтьми. Онъ хотѣлъ избавить меня не только отъ развращающаго вліянія, которое оказываются дѣти одинъ на другого, но и предохранить меня отъ зараженія пошлыми мыслями и чувствами. Онъ хорошо понималъ, что за это преимущество я платился низкимъ развитіемъ тѣхъ талантовъ, которые прежде всего культивируются въ школьнікахъ каждой страны. Пробѣлы моего воспитанія касались всѣхъ тѣхъ предметовъ, какимъ дѣти обучаются, когда они предоставлены самимъ себѣ и принуждены искать себѣ занятіе, или когда они собираются въ большомъ числѣ. Благодаря умѣренному режиму и продолжительнымъ прогулкамъ, я выросъ здоровымъ и сильнымъ мальчикомъ, хотя и не былъ очень крѣпокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не былъ ни особенно ловокъ, ни особенно силенъ; къ тому же я былъ совершенно незнакомъ съ тѣлесными упражненіями. И это не потому, чтобы мнѣ не давали свободы или времени. У меня не было, правда, продолжительныхъ отпусковъ вслѣдствіе того, что они парализуютъ

привычку къ труду и развивають въ дѣтяхъ вкусъ къ праздности, но въ теченіе дня у меня было достаточно свободного времени для развлечения. Такъ какъ я не имѣлъ товарищѣй и кромѣ того потребность въ физическомъ упражненіи удовлетворялась прогулкою, то я проводилъ свободное время или въ тихихъ занятіяхъ, или въ чтеніи; я не возбуждалъ въ себѣ никакой другой дѣятельности своего ума, кромѣ той, которая сообщалась ему научными занятіями. Впослѣдствіи я долгое время оставался неловкимъ во всемъ, что требовало проворства рукъ, и я никогда не переставалъ быть такимъ; умъ мой, подобно рукамъ, дѣлалъ свое дѣло очень робко, когда онъ примѣнялся или долженъ былъ примѣняться къ какой-нибудь изъ тѣхъ мелочей, которыя занимаютъ такое важное мѣсто въ жизни большинства людей и вокругъ которыхъ обыкновенно сосредоточиваются все способы, какими обладаютъ люди. Я постоянно подвергался упрекамъ за свое невниманіе и небрежность по отношенію къ жизненнымъ мелочамъ. Мой отецъ въ этомъ представлялъ совершенную противоположность; его чувства и понятія были постоянно насторожжены; во всѣхъ своихъ движеніяхъ, въ каждомъ дѣйствіи онъ выказывалъ рѣшительность и энергію, и эти качества въ связи съ его талантами производили живое впечатленіе на людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Но часто бываетъ, что дѣти энергичныхъ родителей страдаютъ отсутствиемъ энергіи, потому что они полагаются во всемъ па отцовъ. Воспитаніе, данное мнѣ отцомъ, вело скорѣе къ развитію во мнѣ знанія, чѣмъ способности дѣйствовать. И въ дѣствїи, и въ юности я безпрерывно подвергался за это строгимъ выговорамъ со стороны отца. Опь ни-

сколько не проявлялъ небрежности или беспечности къ недостаткамъ этого рода, замѣчаемымъ имъ за мною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если онъ и оберегалъ меня отъ деморализующаго вліянія школьнай жизни, то ничего не дѣлалъ, чтобы возмѣстить то знаніе дѣйствительности, какое школа даетъ для жизненой практики. Всѣ свои качества отецъ пріобрѣлъ несомнѣнно бѣзъ труда и бѣзъ особаго воспитанія, а потому, вѣроятно, думалъ, что и я также легко могъ ихъ пріобрѣсти. Я полагаю, что онъ не размышлялъ надъ этимъ предметомъ въ той же степени, какъ надъ другими отдѣлами моего воспитанія и, мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи онъ ожидалъ дѣйствій бѣзъ причинъ.

ГЛАВА II.

Нравственные вліянія. Характеръ и мнѣнія моего отца.

Въ моемъ воспитаніи, какъ и въ воспитаніи каждого человѣка, нравственные вліянія, играющія наиболѣе важную роль въ жизни человѣка, всегда чрезвычайно сложны и много нужно труда для того, чтобы опредѣлить ихъ совершенно ясно. Я не возьму на себя безполезной задачи подробно выяснить обстоятельства, способствовавшія образованію моего характера съ точки зренія нравственности, а ограничусь указаниемъ на пѣкоторыя главныя черты, которые по необходимости должны занимать известное мѣсто въ правдивомъ разсказѣ о моемъ воспитаніи.

Съ самаго начала я не получилъ никакого религіознаго воспитанія, въ томъ смыслѣ, какое обыкно-

венно придаютъ этимъ двумъ словамъ. Отецъ мой былъ воспитанъ въ вѣрѣ шотландской пресвитеріанской церкви, но послѣ изученій и размышеній онъ пришелъ къ тому заключенію, что слѣдуетъ отбросить ея узкія доктрины.

Отецъ мой поступилъ бы совершенно въ разрѣзъ съ своими идеями о долгѣ, если бы позволилъ мнѣ подвергнуться влиянию тѣхъ узкихъ догматовъ, которые были противны его убѣжденіямъ и чувствамъ. Съ самого начала онъ внушилъ мнѣ мысль, что начало мѣра и человѣчества является проблемой всѣмъ неизвѣстной. Въ то же время онъ позаботился дать мнѣ понятіе, что думали люди объ этихъ недоступныхъ решенію проблемахъ. Я еще былъ очень малъ, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, когда онъ заставилъ меня прочесть Исторію Церкви; онъ возбудилъ во мнѣ большой интересъ къ Реформаціи и научилъ меня считать этотъ громадный споръ какъ бы крайнимъ исходомъ борьбы между католическою тираніею и свободою мысли.

Такимъ образомъ я являюсь однимъ изъ очень рѣдкихъ людей въ Англіи, о которыхъ можно сказать, что они исконько не отвергали вѣру въ религію, а прямо не имѣли ея. Въ этомъ отношеніи я выростъ въ отрицательномъ состояніи. Я смотрѣлъ на религію своего времени такъ же, какъ и на религію древнихъ, то есть какъ на вещь, которая мнѣ ничего не объясняла. Я не находилъ страннымъ встрѣтить у англичанъ вѣрованія, которыхъ и не раздѣлялъ, встрѣтая ихъ у патрдовъ, описанныхъ Геродотомъ. Исторія меня учила, что среди людей существуетъ масса совершенно противоположныхъ убѣждений, и въ своемъ отношеніи къ моимъ соотечественникамъ я видѣлъ только поразительный примѣръ упомянутаго различія. Однако этотъ

фактъ имѣть на мое первое воспитаніе и дурныя послѣдствія, о чёмъ я долженъ упомянуть. Преподавая мнѣ мнѣнія, противорѣчащія убѣжденіямъ людей, отецъ считалъ необходимымъ объяснять мнѣ, что было бы неблагоразумно открыто исповѣдывать ихъ передъ всѣми. Я былъ еще ребенкомъ, и совсѣмъ хранить свои мысли про себя самого могъ повлечь за собою дурныя послѣдствія для нравственности. Но, такъ какъ я имѣть мало спошений съ посторонними людьми, особенно съ такими, съ которыми я могъ говорить о религії, то я и не былъ поставленъ въ необходимости или высказывать свое внутреннее убѣженіе или прибѣгать къ лицемѣрію. Я помню, что въ двухъ случаяхъ, въ теченіе моего дѣтства, я быть принужденъ сдѣлать выборъ изъ этихъ двухъ способовъ, и оба раза я высказывалъ мое безвѣріе, поддерживая его доказательствами. Противниками моими были два мальчика гораздо старше меня; одинъ изъ нихъ былъ крайне пораженъ при первомъ разговорѣ, и мы болѣе не возвращались къ этому предмету; другой былъ удивленъ и пѣсколько оскорблѣнъ и изо всѣхъ спѣлъ некоторое время старался разубѣдить меня, но безъ успѣха.

Громадное развитіе свободы мнѣній, которое болѣе, чѣмъ что-либо другое отличаетъ настоящее время отъ эпохи моего дѣтства, значительно измѣнило нравственныя условия того положенія, въ какое ставило меня мое безвѣріе. Я полагаю, что теперь среди людей, наѣденныхъ такимъ же умомъ, какъ и мой отецъ, пропикутыхъ подобно отцу любовью къ общественному благу и поддерживающихъ съ такимъ же твердымъ убѣженіемъ непопулярныя мнѣнія относительно рели-

гіп или какой-нибудь великой философской проблемы, существует чрезвычайно мало такихъ, которые скрывали бы или совѣтовали бы скрывать свои убѣжденія, исключая случаевъ, становящихся съ каждымъ днемъ весь рѣже и рѣже, когда откровенность можетъ повести за собою потерю средствъ къ существованію или къ исключенію изъ области, соотвѣтствующей ихъ способностямъ. Въ области мысли и вѣры, мнѣ кажется, пришло время, когда долгъ всякаго человѣка, обладающаго необходимыми познаніями и послѣ зрелага размышленія пришедшаго къ убѣжденію, что соответствующая теорія не только ложны, но и опасны, открыто объявить, что онъ болѣе ихъ не раздѣляетъ,— это долгъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые занимаютъ извѣстное положеніе или пользуются репутацией, дающей нѣкоторый шансъ ихъ мнѣнію привлечь на себя вниманіе. Такое открытое заявленіе навсегда положило бы конецъ однимъ ударомъ пошлому предразсудку. Свѣть бытъ бы пораженъ, узнавъ, какъ много между людьми, составляющими его самое блестящее украшеніе, даже между тѣми, которые стоять наиболѣе высоко въ общественномъ мнѣніи благодаря своей мудрости и добродѣтели, есть такихъ, которые совершенно скептически относятся къ общепринятымъ вѣрованіямъ. Есть много людей, которые воздерживаются объявить громко о своихъ убѣжденіяхъ не столько изъ личныхъ соображеній, сколько потому что некреинно боятся и, по моему мнѣнію, совершенно напрасно въ нашу эпоху, принести больше зла, чѣмъ добра, исповѣдуя во всеуслышаніе убѣжденіе, которое можетъ ослабить принятія вѣрованій, а егъдовательно расшатать обязанности, на которыхъ они смотрятъ какъ на узду, сдерживающую человѣчество.

Нравственные убеждения моего отца, совершенно не имѣя связи съ религіей, въ высшей степени походили на воззрѣнія греческихъ философовъ; онъ выражалъ ихъ съ силою и ясностью, которая придавалъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Даже въ томъ юномъ возрастѣ, когда я читалъ съ нимъ *Memorabilia* Сократа у Ксенофона я получилъ отъ этого чтенія и изъ комментаріевъ, добавляемыхъ отцомъ, глубокое уваженіе къ характеру Сократа, который остался въ моемъ умѣ примѣромъ идеального совершенства. Я хорошо помню, какъ мой отецъ въ то время особенно обратилъ мое вниманіе на наставленіе, вытекавшее изъ „*Выбора Геркулеса*“. Немного позднѣе возвышенные принципы нравственности, обнаруживающіеся въ сочиненіяхъ Платона, дѣйствовали очень сильно на мой умъ. Нравственные поученія моего отца всегда вообще касались, какъ и поученія *Socratici viri*, справедливости, воздержности, которой самъ онъ придавалъ крайне широкое приложеніе, правдивости, настойчивости, твердости въ перенесеніи горя и особенно въ трудѣ, вниманія къ общественному благу, уваженія людей сообразно съ ихъ заслугами и съ приносимой ими существенной пользой, наконецъ, жизни полной борьбы въ противоположность жизни, проводимой въ изнѣженности и праздности. Эти и другія подобныя правила онъ излагалъ въ краткихъ сентенціяхъ, заключающихъ въ себѣ серьезное увѣщаніе или порицаніе и сильное презрѣніе, которая онъ формулировалъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Хотя уроки нравственности, преподаваемые намъ непосредственно, имѣютъ большое значеніе, но тѣ, которые мы получаемъ косвенно, еще болѣе важны. Мой

характеръ получилъ не только отпечатокъ тѣхъ идей, которыя отецъ высказывалъ или проводилъ въ моемъ нравственномъ воспитаніи, но онъ образовался еще болѣе подъ вліяніемъ его собственной личности.

Въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь отецъ соединялъ наставленія стоиковъ, эпикурейцевъ и циниковъ; эти слова слѣдуетъ понимать не въ современномъ смыслѣ, а такъ, какъ понимали ихъ древніе. Въ его личныхъ качествахъ преобладала мораль стоиковъ. Нравственный свой критерій онъ заимствовалъ у эпикурейцевъ, такъ какъ онъ былъ утилитаристомъ и считалъ единственную мѣрою добра и зла стремленіе принести удовольствіе или страданіе. Но въ немъ также была доля морали философовъ циниковъ. Онъ почти не вѣрилъ въ удовольствіе, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе года своей жизни, о которыхъ я и могу только сказать достовѣрно. Не то, чтобы онъ безстрастно относился къ удовольствіямъ, но онъ считалъ ихъ ниже той цѣны, которой они стоятъ по крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи общества. Большая часть заблужденій въ жизни, по его мнѣнію, бываетъ результатомъ чрезмѣрной цѣнности удовольствія. Вслѣдствіе этого воздержаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, какое ему придавали греческие философы, останавливалась на той точкѣ, когда умѣренность превращается въ ениходительность, ему казалось, какъ и имъ, центральнымъ пунктомъ предписаній, требуемыхъ воспитаніемъ. Уроки умѣренности, преподаваемые имъ мнѣ, занимаютъ большое мѣсто въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Онъ считалъ, что жизнь человѣка представляетъ печальное явленіе, когда изсякаетъ свѣжесть юношества и связанныя съ нимъ любознательность. Объ этомъ предметѣ

онъ говорилъ рѣдко, особенно въ присутствіи молодыхъ людей; но когда приходилось, онъ это высказывать съ твердымъ и глубокимъ убѣжденіемъ. Если бы жизнь, повторялъ онъ не разъ, была тѣмъ, чѣмъ она могла быть въ дѣйствительности при хорошемъ воспитаніи и направленіи, тогда стоило бы труда жить; но, говоря объ этой возможности, онъ никогда не вдавался въ энтузіазмъ. Онъ всегда ставилъ умственный наслажденія выше другихъ, не считая послѣднія даже за удовольствія и не принимая въ расчетъ дальнѣйшихъ преимуществъ, доставляемыхъ ими. Онъ относился съ большимъ уваженіемъ къ удовольствіямъ, которыя проистекали изъ дружескихъ привязанностей и обыкновенно говорилъ, что ему не приходилось знать счастливыхъ стариковъ, которые были бы способны пережить вновь свою жизнь въ удовольствіяхъ молодежи. Онъ высказывалъ глубокое презрѣніе къ возбужденіямъ страсти всякаго рода и къ тому, что говорили или писали по этому поводу, считая это безуміемъ. Слово *intense* было у него обычнымъ выраженіемъ неодобренія или презрѣнія. Онъ думалъ, что важное значеніе, придаваемое чувству, является уклоненіемъ отъ нравственности въ современную эпоху и пониженіемъ въ этомъ отношеніи въ сравненіи съ древними. Данныя чувства, по его мнѣнію, не имѣли справедливыхъ мотивовъ для того, чтобы ихъ хвалить или порицать. Добро и зло, спра-ведливое и несправедливое онъ считалъ результатами дѣйствій или упущеній, по той причинѣ, что нѣтъ чувствъ, которое бы не могло повести человѣка одинаково къ добру и злу, и что даже сама совѣсть, т. е. же-даніе дѣлать добро, заставляетъ часто людей совер-шать дурные поступки. Слѣдя поддерживаемой имъ

теоріи, что похвала и порицаніе должны имѣть цѣлью поощрять доброе и преслѣдоватъ злое, отецъ не допускалъ, чтобы наблюденіе надъ мотивами дѣйствій могло повлиять на его сочувствіе или неодобреніе. Онъ также строго порицалъ всякое дѣйствіе, которое считалъ дурнымъ, хотя оно и было внушено чувствомъ долга, какъ и въ томъ случаѣ, если бы человѣкъ сознательно поступалъ дурно. Онъ никогда не усматривалъ смягчающаго обстоятельства въ пользу инквизиторовъ въ той искренности, съ какой они исповѣдывали вѣру въ то, что долгъ предписывалъ имъ сжигать еретиковъ. Но не позволяя честности намѣренія смягчать свой приговоръ, выносимый имъ о самыхъ поступкахъ, онъ соглашался съ тѣмъ, что она всегда вліяла на оцѣнку характеровъ. Никто не цѣнилъ такъ высоко въ человѣкѣ добросовѣстный умъ и правыя намѣренія. Онъ никогда не уважалъ человѣка, въ которомъ онъ не видѣлъ присутствія этихъ качествъ. Точно также онъ питалъ отвращеніе и къ другимъ порочнымъ людямъ, когда полагалъ, что эти пороки вели ихъ непремѣнно къ дурнымъ поступкамъ. Онъ пенавилъ фанатическихъ сторонниковъ дурного дѣла болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ дѣлѣ изъ личнаго интереса, считая фанатиковъ, вѣроятно, особенно опасными. Такимъ образомъ отвращеніе, высказываемое имъ по отношенію къ массѣ умственныхъ заблужденій и мнѣній, которыя онъ считалъ такими, носило на себѣ до некоторой степени характеристика нравственного чувства. Этимъ я хочу сказать, что къ его мнѣніямъ примѣшивались чувства, черта очень распространенная въ то время и крайне рѣдко встрѣчающаяся нынѣ. Впрочемъ превычайно трудно понять, какъ человѣкъ, который

глубоко чувствуетъ и много мыслитьъ, можетъ воздержаться отъ того, чтобы не впасть въ это излишество. Только люди, ставящіе ни во что свои убѣжденія, будутъ смешивать эту склонность съ нетерпимостью. Человѣкъ же, имѣющій убѣжденія, которымъ онъ придаетъ громадное значеніе и считающей противныя мнѣнія гибельными, долженъ, если его живо интересуетъ благосостояніе человѣчества, и вообще и отвлечено удается отъ тѣхъ, которые называютъ дурнымъ то, что онъ—хорошимъ, и добрымъ то, что, по его мнѣнию, зло. Это, конечно, не мѣшаетъ такому человѣку, какимъ былъ мой отецъ, признавать хорошия качества своихъ противниковъ и судить о каждомъ человѣкѣ не изъ антипатіи къ его взглядамъ, а по совокупности его качествъ. Я согласенъ, что искренній человѣкъ ничуть не менѣе непогрѣшимый, чѣмъ всѣ остальные, можетъ не любить людей за ихъ убѣжденія, которыяничѣмъ не заслуживаютъ отвращенія; но пока онъ не дѣлаетъ имъ зла и не помогаетъ другимъ вредить, онъ не страдаетъ нетерпимостью. Единственная терпимость, возможная для умовъ высоко развитыхъ въ нравственномъ отношеніи можетъ состоять только въ сознаніи того, что необходимо предоставить человѣчеству одинаковую для всѣхъ свободу мнѣній.

Не удивительно поэтому, что человѣкъ съ только что указанными мнѣніями и характеромъ могъ произвести сильное нравственное давленіе на умъ, образованію которого онъ способствовалъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, и ясно, что его нравственное обученіе не должно было страдать отъ спиритуальности или послабленія. Всего болѣе въ отношеніяхъ моего отца къ дѣтимъ было замѣтио отсутствіе пѣжности. Я не думаю,

чтобы этотъ недостатокъ быть природнымъ и полагаю, что отецъ обладалъ болѣею чувствительностью, чѣмъ обыкновенно выказывалъ, но что зародыши этихъ чувствъ, таившіеся въ его душѣ, совершенно не имѣли возможности развиться. Онъ походилъ въ этомъ отношеніи на большинство англичанъ, которые стыдятся выказывать свои чувства и заглушаютъ ихъ, чтобы воспрепятствовать ихъ проявленію. Сверхъ того, если мы обратимъ вниманіе на то, что онъ съ дѣтьми былъ связанъ только отношеніями учителя къ ученикамъ и что отъ природы онъ былъ раздражительнымъ, то какъ не пожалѣть, что отецъ, дѣлавшій столько для своихъ дѣтей и придававшій большую цѣну, безъ сомнѣнія, ихъ любви, долженъ быть чувствовать все - таки, что страхъ, внушаемый имъ, заглушаетъ источникъ привязанности. Совсѣмъ было не такъ впослѣдствіи съ младшими дѣтьми. Они любили его иѣжно, и если я не могу сказать того же на свой счетъ, то тѣмъ не менѣе я былъ ему преданъ всей душою. Относительно моего воспитанія я не рискну прямо сказать, потерялъ ли я или выигралъ отъ его строгости. Конечно, эта строгость не мѣшала моему дѣству быть счастливымъ, и я не думаю, чтобы можно было только съ помощью убѣждений и ласковыхъ словъ побудить дѣтей заниматься съ энергией и, что еще труднѣе, съ настоящимъ вниманіемъ. Есть много вещей, которыхъ дѣти должны дѣлать и изучать, къ чему ихъ можетъ принудить только суровая дисциплина и перспектива наказаній. Безъ сомнѣнія, въ современномъ воспитаніи возникаютъ весьма похвальныя старанія сдѣлать, насколько возможно, обученіе для дѣтей болѣе легкимъ и интереснымъ; но если дойти до того, чтобы требовать отъ дѣтей только зна-

ия тѣхъ предметовъ, которые легки и интересны, то придется жертвовать одною изъ главныхъ цѣлей воспитанія. Я съ удовольствіемъ вижу, что падаетъ грубая и жестокая система прежняго обученія, которая тѣмъ не менѣе возбуждала привычку къ труду, между тѣмъ какъ новая, на мой взглядъ, способствуетъ образованію такихъ людей, которые не будутъ въ состояніи сдѣлать что либо для себя. Я не думаю, чтобы можно было отказаться отъ пользы, приносимой страхомъ, какъ элементомъ воспитанія, но, конечно, онъ не долженъ играть главную роль, и когда страхъ является настолько преобладающимъ факторомъ, что препятствуетъ дѣтямъ высказывать любовь и довѣріе къ тѣмъ, которые должны быть ихъ руководителями, и въ послѣдующіе годы, можетъ быть, губить въ ребенкѣ добровольную и открытую склонность дѣлиться своими впечатлѣніями, — тогда страхъ, повторяю, дѣлается зломъ, значительно уменьшающимъ многія моральныя и интеллектуальные выгоды, которыхъ могутъ получиться въ другихъ частяхъ воспитанія.

Въ теченіе этого періода моей жизни было очень немного людей, посѣдавшихъ обыкновенно домъ отца, да и большинство изъ нихъ мало известны міру, но отецъ высоко цѣнилъ ихъ за личные достоинства и за известную общность взглядовъ, по крайней мѣре по отношенію къ политикѣ, что тогда не было такъ часто, какъ впослѣдствіи. Я вслушивался въ ихъ разговоры съ большимъ интересомъ, и извлекалъ большую выгоду для собственного развитія. Будучи постоянно въ кабинетѣ отца, и близко сопутствуя самому дорогому другомъ его, Давидомъ Рикардо. Его добродушіе и обходительныя манеры привозили къ нему молодежь.

Позднѣе при моемъ изученіи политической экономіи, онъ приглашалъ меня къ себѣ и во время прогулокъ бесѣдовалъ со мною обѣ этомъ предметѣ.

Я часто бывалъ также послѣ 1817 или 1818 года у мистера Юма, бывшаго уроженцемъ одной и той-же мѣстности Шотландіи, какъ и отецъ, и полагаю также, что они воспитывались вмѣстѣ въ одной школѣ... Юмъ, вернувшись изъ Индіи, возобновилъ знакомство съ отцомъ, и подпалъ, какъ и многіе другіе, подъ могущество вліянія его ума и энергичнаго характера. Отчасти благодаря этому вліянію онъ вступилъ въ парламентъ и своею дѣятельностью доставилъ себѣ почетное мѣсто на страницахъ исторіи своей страны. Но всего болѣе мнѣ приходилось встрѣчаться съ мистеромъ Бентамомъ вслѣдствіе близкихъ дружественныхъ отношеній, соединявшихъ его съ отцомъ. Я не знаю, въ какое время по прѣздѣ отца въ Англію началась эта дружба, но отецъ былъ первымъ изъ выдающихся людей Англіи, понявшиі и воспринявшій общія идеи Бентама относительно этики, управления и законодательства. Естественно, что это согласіе породило симпатію, соединившую ихъ, и образовало изъ нихъ задушевныхъ друзей въ ту эпоху, когда Бентамъ принималъ у себя меныше гостей, чѣмъ въ послѣдующіе годы. Въ то время мистеръ Бентамъ проводилъ определенную часть года въ Барро-Гринъ-Гаузѣ, въ красивой мѣстности между Суррейскими горами, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Годстона; каждое лѣто мы вмѣстѣ съ отцомъ довольно долго гостили у него. Въ 1813 году Бентамъ, мой отецъ и я совершили путешествіе въ Оксфордъ, Батъ, Бристоль, Эксетеръ, Плимутъ и Портсмутъ. Въ теченіе этой экскурсіи я встрѣтилъ

много заинтересовавшихъ меня вещей и пріобрѣль впервые любовь къ природѣ въ самой элементарной ея формѣ — въ любви къ прекраснымъ видамъ. На слѣдующую зиму мы поселились въ домѣ, отданномъ внашмы мистеромъ Бентамомъ отцу и находящимся въ близкомъ сосѣдствѣ съ его собственнымъ жилищемъ, въ Квинъ-Скверѣ въ Вестминстерѣ. Отъ 1814 до 1817 года Бентамъ проводилъ половину года въ Фордъ-Аббey въ Соммерсетшерѣ (или скорѣе въ части Девоншайра, заключенного въ Соммерсетшерѣ), и я имѣлъ счастіе жить у него въ это время; пребываніе тамъ играло важную роль въ моемъ воспитаніи. Ничто болѣе не способствуетъ подъему пра-
вственныхъ чувствъ людей, какъ широкій и свободный характеръ ихъ жилищъ. Средневѣковая архитектура, громадная баронская зала, просторныя и высокія ком-
наты этого стариинаго и великолѣпнаго замка пред-
ставляли рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ жалкой и скучной наружностью домовъ средняго класса Англіи. Тамъ впервые во мнѣ зародилось чувство болѣе широкаго и свободнаго существованія наравнѣ съ поэтическими чувствами, которымъ благопріятствовалъ видъ единенной и красивой мѣстности Аббeya, изобилующей тѣнистыми рощами и шумящими водопадами.

Другимъ счастливымъ обстоятельствомъ, которое прі-
несло пользу моему воспитанію и которымъ я обязанъ
брату Бентама, генералу сэру Самюэлю Бентаму, бы-
ло пребываніе мое около года во Франції. Я ви-
дѣлъ сэра Самюэля Бентама и его семейство, въ ихъ
домѣ близъ Госпорта, во время путешествія, о кото-
ромъ я выше говорилъ (онъ былъ тогда смотрите-
лемъ арсенала въ Портсмутѣ), въ теченіе пѣсколькихъ

дней проведенныхъ ими въ Фордъ Аббей недолго спу-
сгя послѣ мира, прежде чѣмъ они переселились на кон-
тинентъ. Въ 1820 году они предложили мнѣ провести
у нихъ на югѣ Франціи мѣсяцевъ шесть, а въ ре-
зультатѣ со свойственной имъ любезностью удержали
меня у себя около года. Сэръ Самюэль Бентамъ не
былъ такимъ мыслителемъ, какъ его знаменитый
брать, но онъ обладалъ обширными познаніями, гро-
мадною рѣшительностью, а также истиннымъ талан-
томъ къ механикѣ. Жена его, дочь известнаго химика
Фордаиса, отличалась силою воли и рѣшительностью
характера, общими свѣдѣніями и прекраснымъ прак-
тическимъ смысломъ, подобно миссъ Эджевортъ. Она
руководила всѣмъ домомъ и вполнѣ заслуживала этого
права, такъ какъ обладала всѣми необходимыми для
этого качествами. Семья ихъ состояла изъ одного сына
(выдающагося ботаника) и трехъ дочерей, изъ кото-
рыхъ самая младшая была на два года старше меня.
Я много обязанъ имъ въ своемъ развитіи, а также
глубоко благодаренъ за то сочувствіе, которое они
высказывали ко мнѣ, какъ будто бы я былъ членомъ
семьи. Когда я прїѣхалъ къ нимъ въ маѣ 1820 года,
они жили въ Помпиньянскомъ замкѣ (еще принадле-
жившемъ потомку врага Вольтера), который располо-
женъ на возвышеностяхъ, господствующихъ надъ
долиною Гаронны между Монтобаномъ и Тулузой. Я
сопровождалъ ихъ въ экскурсіи по Пиринеямъ, где мы
провели некоторое время въ Баньеръ-Бигорѣ, и въ
путешествіи по По, Байоннѣ и Баньеръ-де-Люшонѣ,
кромѣ того мы поднимались на Pic-du-Midi въ Бигорѣ.

Здѣсь впервые я познакомился съ грандіозными
видами горныхъ странъ; я вынесъ глубокое впечатлѣ-

ніе и мои вкусы получили особый отпечатокъ на всю жизнь. Въ октябрѣ мы совершили поѣздку по великолѣпной горной дорогѣ, ведущей черезъ Кастръ и Сенъ-Понсъ отъ Тулузы до Монпелье; по сосѣдству съ послѣднимъ сэръ Самюэль Бентамъ незадолго передъ этимъ купилъ замокъ Рестенклеръ, недалеко отъ подошвы горы настолько причудливой формы, что ее прозвали *Pic Saint Loup*. Во время своего пребыванія во Франціи я близко познакомился съ французскимъ языкомъ и литературой. Я брать также уроки въ различныхъ физическихъ упражненіяхъ, но не оказалъ въ этомъ ни малѣйшаго успѣха. Въ Монпелье въ теченіе зимы я посѣщалъ превосходные курсы факультета естественныхъ наукъ, прослушалъ курсъ химіи у Англада, зоологіи у Провансаля и логики, подъ названіемъ философіи знаній, у Жергоня, образцового представителя школы XVIII вѣка. Браль я также частые уроки у Лантерика, профессора изъ коллегіи въ Монпелье. Но самымъ драгоцѣннымъ изъ выгодъ, которыхъ я извлекъ изъ этого періода своего воспитанія, была та, что я въ теченіе цѣлаго года дышалъ свободной и мягкой атмосферой континентальной жизни. Это преимущество представляло дѣйствительную пользу, хотя я и не былъ еще тогда способенъ не только оцѣнить его, но даже и сознать, будучи чрезвычайно мало знакомъ съ англійскимъ бытомъ. Несколько лицъ, съ которыми я встрѣчался, занимали общественные должности и обладали открытымъ и безкорыстнымъ сердцемъ. Я ничего не зналъ о нравственномъ уровнѣ, господствующемъ въ Англіи въ такъ называемомъ обществѣ; я находился въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что тамъ обыкновенно исповѣдуется не толь-

ко на словахъ, но съ самыи глубокимъ убѣжденiemъ, мнѣніе, что человѣкъ долженъ ставить себѣ за правило стремиться, какъ бы слѣдя естественnoй склонности, къ предметамъ низкимъ и мелкимъ. Я и не подозрѣвалъ о существованіи того недостатка возвышенныхъ чувствъ, который обнаруживается въ насыщливомъ осужденіи, съ какимъ встрѣчается каждый разъ ихъ появленіе, а также и въ томъ, что всѣ секты, за исключеніемъ самыхъ суровыхъ, воздерживаются открыто исповѣдывать какой-либо возвышенный принципъ дѣятствія, кромѣ нѣсколькихъ опредѣленныхъ заранѣе случаевъ, когда это заявленіе составляетъ необходимую часть обычныхъ формальностей. Я не могъ тогда оцѣнить различія такихъ условій жизни отъ обычаевъ французовъ; недостатки послѣднихъ хотя также очень очевидны, но во всякомъ случаѣ совершенно другого рода. Ихъ чувства, которыя можно по сравненію назвать возвышенными, кладутъ свой отпечатокъ на всѣ человѣческія отношенія какъ въ книгахъ, такъ и въ жизни. Часто, правда, они испаряются въ громкихъ выраженіяхъ, но все-таки сохраняются благодаря постоянному употребленію у цѣлаго народа, и возбуждаются симпатіей, такъ что они играютъ активную роль въ жизни громаднаго числа людей, и всѣ ихъ знаютъ и понимаютъ. Я не могъ тогда оцѣнить того общаго развитія ума, которое является результатомъ постояннаго воздействиія чувствъ, и которое доходитъ по этому пути, даже среди наименѣе образованныхъ классахъ у нѣкоторыхъ народовъ континента до такого уровня, какого не встрѣчается въ Англіи даже среди классовъ образованныхъ, а если и встрѣчается, то только у людей съ крайне чувствительною совѣстью, старающихся обык-

новенно напрягать свой умъ для разрѣшенія вопросъ о добрѣ и злѣ. Я не знать, что у большинства англичанъ чувства и умственныя способности потому именно остаются неразвитыми или развиваются односторонне, что они не интересуются ничѣмъ, некасающимся ихъ личнаго интереса, за исключеніемъ очень специальныхъ случаевъ, и не только не говорять другимъ, но часто и сами себѣ не отдаютъ отчета въ томъ, что ихъ дѣйствительно интересуетъ; вслѣдствіе этого они, какъ существа умственныя, ведутъ какую-то отрицательную жизнь. Все это я понялъ много времени спустя, но уже тогда я чувствовалъ, не отдавая себѣясного отчета, контрастъ между обыкновенною общительностью и добродушными отношеніями французовъ и образомъ жизни англичанъ, изъ которыхъ каждый поступаетъ такъ, какъ будто міръ (за немногими исключеніями, если только они бываютъ) состоитъ изъ враговъ или недовольныхъ. Во Франціи дѣйствительно дурныя и хорошія стороны характера, какъ индивидуальная такъ и національная, обнаруживаются и высказываются гораздо рѣзче въ обыденныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, чѣмъ въ Англіи. Во Франціи общимъ обыкновеніемъ является свидѣтельствовать дружескія чувства всѣмъ, и того же они ждутъ отъ всякаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда существуютъ дѣйствительныя причины вражды. Въ Англіи это можно сказать только о высшихъ классахъ или о первыхъ рядахъ средняго сословія.

Пройзжая черезъ Парижъ туда и обратно, я останавливался на нѣкоторое время у Сея, выдающагося экономиста, друга и корреспондента моего отца, съ которымъ онъ сошелся во время поездки въ Англію, годъ или

два спустя послѣ заключенія мира. Онъ принадлежалъ къ послѣднему поколѣнію людей, рожденныхъ французской революціей; это былъ прекрасный типъ настоящаго республиканца; онъ не склонялся передъ Bonapartомъ, несмотря на всѣ обольщенія со стороны послѣдняго, онъ былъ честныи, благородныи, просвѣщенный человѣкъ и вѣль спокойную трудолюбивую жизнь, благополучію которой способствовали пылкія изъявленія почтенія со стороны частныхъ лицъ и общественное уваженіе. Сей былъ знакомъ съ большинствомъ воjakовъ либеральной партіи, и во время моего пребыванія у него я имѣлъ случай видѣть нѣсколькихъ замѣчательныхъ личностей, между которыми я съ удовольствіемъ вспоминаю о Сенъ-Симонѣ, который тогда еще не былъ основателемъ новой философской школы и религіи, а имѣлъ репутацію только какъ умнаго *оригинала*. Изъ общества, въ которомъ я тогда вращался, я вынесъ твердо и горячее сочувствіе къ либераламъ континента и впослѣдствіи я постоянно внимательно слѣдилъ за ихъ дѣйствіями такъ же, какъ и за англійской политикой. Это рѣдко встрѣчалось между англичанами въ ту эпоху и оказало благодѣтельное вліяніе на мое развитіе въ томъ отношеніи, что избавило меня отъ заблужденія, господствующаго постоянно въ Англіи, отъ котораго не былъ изъятъ и самъ отецъ, обыкновенно стоявшій выше всякихъ предразсудковъ. Оно состояло въ томъ, что англичане обсуждаютъ міровые вопросы, держась исключительно своей национальной точки зрѣнія. Проведи нѣсколько недѣль въ Кайениѣ у одного изъ старыхъ друзей отца, я въ юлѣ 1821 года возвратился въ Англію, и мое воспитаніе продолжалось обычнымъ порядкомъ.

ГЛАВА III.

Конецъ моего воспитанія подъ руководствомъ отца и начало самообразованія.

Послѣ моего путешествія во Францію, я гдѣ или два продолжалъ свои прежнія занятія, прибавивъ къ нимъ нѣсколько новыхъ. По прибытіи моемъ въ Англію отецъ только что кончилъ свои „Основанія политической экономіи“ и заставилъ меня по его рукописи, какъ это дѣлалъ Бентамъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, составить на поляхъ sommaires marginaux, т. е. конспектъ каждого параграфа, дозволявшій автору легче судить о порядкѣ мыслей и о ходѣ изложенія. Не много спустя отецъ далъ мнѣ „Traité des sensations“ Кондильяка и его *Cours d'Etudes*, содержащей въ себѣ логику и метафизику. Первое сочиненіе, несмотря на вѣнчанное сходство между системою Кондильяка и своими идеями, онъ заставилъ меня прочесть для того, чтобы предостеречь меня и представить мнѣ примѣръ. Не помню хорошо, въ эту или въ слѣдующую зиму я прочелъ *Исторію французской революціи*. Я узналъ, и не безъ удивленія, что демократические принципы, которые, казалось, имѣютъ въ Европѣ поддержку только незначительного меньшинства и не имѣютъ никакой будущности, тридцать лѣтъ тому назадъ были преобладающимъ направлениемъ во Франціи и сдѣлались тамъ религіей націи. По этому можно судить, что я имѣлъ только очень смутное представление объ этомъ великомъ переворотѣ. Я зналъ только, что французы свергли не-

ограниченную монархію Людовика XIV и Людовика XV, предали смерти короля и королеву, гильотинировали массу людей и въ концѣ концовъ подчинились деспотической власти Бонапарта. Съ этого момента французская революція, вполнѣ естественно, сдѣлалась любимымъ предметомъ моихъ думъ, она придавала окраску всѣмъ моимъ юношескимъ грезамъ. Я не видѣлъ причинъ, почему такія недавнія проиcшествія не могутъ возобновиться, и крайней славой, о которой я мечталъ, было для меня выступить счастливо или иѣтъ въ качествѣ жирондиста въ Англійскомъ Конвентѣ.

Въ теченіе зимы 1821—1822 годовъ Джонъ Остенъ, съ которымъ мой отецъ познакомился во время моего путешествія во Францію, пожелалъ пройти со мною *Римское право*. Отецъ, несмотря на ужасъ, который ему внушалъ варварскій хаосъ англійского законодательства, рѣшилъ выбрать для меня судебную карьеру, въ ней онъ находилъ меныше неудовлетворительныхъ сторонъ, чѣмъ въ другихъ профессіяхъ. Остенъ близко усвоилъ себѣ то, что было лучшаго въ доктринахъ Бентама, прибавивъ къ нимъ много идей, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ или изъ собственнаго запаса знаній; запятія съ нимъ были не только превосходныемъ введеніемъ къ изученію права, но и важнымъ отдѣломъ моего общаго воспитанія. Я прочелъ съ Остеномъ книгу Гейнеція *Объ институтахъ*, его *Римскія древности* и часть изложенія Пандектовъ; ко всему этому мы прибавили еще большую часть Блэкстона. Прежде чѣмъ приступить къ этому изученію, отецъ рекомендовалъ мнѣ какъ необходимое пособіе *Le Traité de Législation* Дюиона изъ Женевы, сочиненіе, которое излагаетъ главныя доктрины

Бентама. Чтение этой книги составило эпоху въ моей жизни и вызвало кризисъ въ развитіи моего ума.

До этой поры мое воспитаніе было въ извѣстномъ смыслѣ курсомъ бентамизма; меня всегда учили примѣнять критеріумъ Бентама «понятіе наибольшаго блага»; я также очень хорошо зналъ отвлеченное обсужденіе этихъ идей, написанное отцомъ въ формѣ діалога по пр. Фру діалоговъ Платона; однако съ первыхъ страницъ Бентама эти доктрины поразили меня своею силою новизны. Всего болѣе произвела на меня впечатлѣніе та глава, въ которой Бентамъ разбираетъ различные способы анализа нравственныхъ и юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ такихъ выражений, какъ «законы природы», «истинный разумъ», «нравственное чувство», «естественная справедливость» и т. д.; онъ доказываетъ, что эти способы не что иное, какъ скрытый догматизмъ, предписывающій свои мнѣнія другому въ видѣ изреченій и формулъ, которыя не даютъ никакого разумнаго начала этимъ понятіямъ, а прямо замѣняютъ ихъ. Меня никогда не поражала раньше эта мысль, пока принципъ Бентама не положилъ конца всей этой морали. Я понялъ, что прежніе философы моралисты были свергнуты съ пьедестала, и что началась новая эра въ человѣческой мысли. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось тѣмъ, что Бентамъ примѣнялъ въ научной формѣ принципъ счастія къ нравственной сторонѣ дѣйствій, анализируя ихъ различные виды и вытекающія изъ нихъ разнорѣчивыя слѣдствія.

Но болѣе, чѣмъ все остальное, меня поразила классификація преступлений, которая изложена въ редакціи Дюмона гораздо болѣе ясно, сжато и увлекательно,

чѣмъ въ оригинальномъ сочиненіи Бентама, откуда она заимствована. Логика и діалектика Платона, игравшія такую важную роль въ моемъ умственномъ развитіи, пробудили во мнѣ сильное влечение къ точной классификациіи. Эта склонность была усиlena и развита изученіемъ ботаники, которой я занимался съ большімъ жаромъ на основаніи принциповъ естествен-наго метода во время моего пребыванія во Франціи, хотя это служило для меня только развлеченіемъ. Когда я увидѣлъ, что Бентамъ вводить научную классификацію въ законодательство, примѣняетъ ее къ самому важному и наиболѣе сложному вопросу о наказуемыхъ дѣйствіяхъ, руководясь этическимъ принципомъ счастливыхъ или бѣдственныхъ послѣдствій, и доходить до самыхъ мелочей, я почувствовалъ себя поднятymъ на высоту, съ которой я могъ окинуть взоромъ безпредѣльную область мысли и видѣть, какъ распространяются, подобно вѣтвямъ одного дерева, далѣе и далѣе философскія слѣдствія громадной важности. Но мѣрѣ того, какъ я подвигался въ этомъ изученіи, я замѣчалъ, какъ къ ясному изложенію идей присоединяется самая обильная перспектива практическихъ улучшеній въ человѣческихъ дѣлахъ. Общія идеи Бентама обѣ устроїствѣ законоподательной системы не были для меня совершенно новы; я читалъ со вниманіемъ замѣчательный очеркъ этихъ мыслей въ статьѣ моего отца обѣ юриспруденціи: однако я просмотрѣлъ эту книгу съ малой для меня пользой и почти безъ интереса, вѣроятно по причинѣ ея произвольной и общей формы, а можетъ быть также и потому, что отецъ занимался болѣе вишиностью, чѣмъ внутреннимъ содержаніемъ *Corpus juris*, скрѣв логикою, чѣмъ этикою зако-

нодательства. Бентамъ обращаетъ особенное вниманіе на законодательства, только формальную часть которыхъ составляетъ юриспруденція; у него съ каждою страною передо мною развертывался болѣе свѣтлый и обширный горизонтъ, гдѣ я видѣлъ цѣль, къ которой должны стремиться мнѣнія и учрежденія людей, а также способъ довести ихъ до этой цѣли и разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ нея въ данное время. Кончивъ послѣдній томъ *Traité de Législation*, я сталъ совершенно другимъ. *Принципъ полезности*, понятый такъ, какъ понималъ его Бентамъ и примѣненный по тѣмъ объясненіямъ, которыя онъ излагаетъ въ трехъ томахъ своего сочиненія, занялъ соотвѣтствующее мѣсто въ моемъ умѣ, сталъ краеугольнымъ камнемъ, соединившимъ въ одно цѣлое всѣ отдѣльные элементы, изъ которыхъ состояли до той поры мои отрывочные знанія и вѣрованія, и придать единство моимъ представленіямъ. Съ этихъ поръ я имѣлъ мнѣнія, вѣрованія, доктрину, философію, религію въ лучшемъ смыслѣ этого слова, изъясненіе и распространеніе которой могло стать главною задачею моей жизни. Передо мною было грандиозное зарожденіе тѣхъ перемѣнъ, которыя могутъ произойти въ человѣческихъ свойствахъ съ помощью этой доктрины. *Le Traité de Législation* представляетъ полную захватывающаго интереса картину того, чѣмъ становится жизнь человѣка, если применить къ ней законы, предлагаемые въ этомъ сочиненіи. Предвидѣнныя дѣйствія практическихъ улучшений были выяснены въ немъ съ разсчитанной умѣренностью; много идей было въ немъ совершиенно отброшены, какъ емутия мечты энтузіазма, который покажутся когда-нибудь настолько же естественными

для людей, что тѣ, кто считалъ ихъ за химеру, въ свою очередь, могутъ стать жертвою несправедливаго нареканія. Но въ тогдашнемъ моемъ умственномъ положеніи это видимое превосходство учений Бентама надъ продуктами иллюзій еще усилило дѣйствіе, произведенное на меня могуществомъ его ума; кромѣ того перспектива улучшенія, открывшаяся передъ моими глазами, была довольно обширна и блестяща для того, чтобы придать опредѣленную форму моимъ стремленіямъ.

Послѣ *Traité de Législation* я прочиталъ постепенно другіе, вышедшия до того времени, наиболѣе важные труды Бентама, какъ напечатанныя имъ самимъ, такъ и въ изданіи Дюмона. Это было моимъ побочнымъ занятіемъ; подъ руководствомъ отца я приступилъ къ изученію высшей области аналитической психологии. Я прочелъ въ то время „Опытъ“ Локка и составилъ отчетъ, содержащій полный конспектъ каждой главы съ своими замѣчаніями. Отецъ ихъ просматривалъ, или скорѣе я читалъ ему и вмѣстѣ мы основательно обсуждали ихъ. Такимъ же порядкомъ я прочелъ *Traité de l'Esprit* Гельвеція уже по своему собственному побужденію. Повѣрка этихъ конспектовъ подъ наблюдениемъ отца сослужила мнѣ большую службу; эта работа заставляла меня додумываться до психологическихъ доктринъ и точно опредѣлять ихъ, какъ тѣ, которыя я самъ считалъ истинными, такъ и тѣ, на которыя я смотрѣлъ только какъ на мѣшкія другихъ. Послѣ Гельвеція отецъ заставилъ меня прочесть книгу, которая, по его мѣнію, представляла образцовое сочиненіе по философіи ума „Наблюденія надъ человѣкомъ“ Гартлея. Хотя эта книга и не произвела, подобно *Traité de Législation*, новаго переворота въ моей умственной

жизни, но она имѣла на меня почти такое же вліяніе относительно своего собственного содержанія. Объясненіе, совершенно неполное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которое Гартлей пытается дать самымъ сложнымъ умственнымъ явленіямъ, при помощи закона ассоціацій, сразу показалось мнѣ вѣрнымъ анализомъ и дало мнѣ понять рѣзкимъ контрастомъ неудовлетворительность чисто словесныхъ обобщеній Кондильяка и даже поучительныхъ стараний и чувствъ Локка дойти ощущью до цѣли психологическихъ объясненій. Въ это время отецъ началъ писать свой „*Анализъ ума*“, въ которомъ гораздо глубже примѣненъ методъ Гартлея. Онъ могъ сосредоточиваться при составленіи этого труда только въ совершенно свободное время, которое доставляли ему ежегодные отпуска на мѣсяцъ или полтора. Онъ началъ этотъ трудъ лѣтомъ 1822 года во время отпуска, въ Доркингѣ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ каждый годъ около шести мѣсяцевъ, (за исключеніемъ двухъ лѣтъ) начиная съ этого времени до конца своей жизни, насколько позволяли служебныя обязанности. Надъ „*Анализомъ*“ онъ работалъ нѣсколько отпусковъ подрядъ до 1829 года, когда этотъ трудъ былъ изданъ въ свѣтъ. Мнѣ онъ давалъ читать рукопись отрывками по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ. Изъ другихъ главныхъ англійскихъ философовъ я читалъ, по собственному желанію, особенно Беркли, опыты Юма, Рида, Дугольда Стюарта и сочиненіе Брауна, озаглавленное „*Причина и сльдствіе*“; съ лекціями же постѣдняго ученаго я познакомился только два или три года спустя, а въ ту эпоху самому отцу онъ не были известны.

Среди прочихъ книгъ, прочитанныхъ мною въ теченіе этого года и весьма способствовавшихъ моему

развитию, я долженъ указать на одно сочиненіе, написанное по нѣкоторымъ рукописямъ Бентама и изданное подъ псевдонимомъ Филиппа Бопана; оно было озаглавлено: „*Вліяніе натуральной религіи на счастіе человѣчества*“. Это было обсужденіе не истинны, но полезности религіозныхъ вѣрованій въ самомъ общемъ смыслѣ. Рукопись была ввѣрена моему отцу; онъ даль мнѣ ее читать, и я составилъ на поляхъ разборъ, подобно тому, который мнѣ приходилось дѣлать при чтеніи «Основаній Политической Экономіи». За исключеніемъ „*Traité de Législation*“ эта была одна изъ книгъ, оказавшихъ на меня самое сильное дѣйствіе пытливыя духомъ своего анализа. Перечитывая ее не такъ давно, по прошествіи столькихъ лѣтъ, я усомнился въ ней нѣкоторые недостатки, а равно и недостатки образа мыслей Бентама; я встрѣтился тамъ, по личному убѣждению, много слабыхъ доказательствъ, недостатки, съ излишкомъ, впрочемъ, вознаграждаемые преосходными аргументами и громаднымъ количествомъ матеріала, которымъ можно воспользоваться при составленіи по этому вопросу новаго болѣе философскаго труда.

Я полагаю, что перечислилъ всѣ книги, которые только произвели значительное дѣйствіе на мое первое умственное развитіе. Съ этого времени я началъ совершенствовать свой умъ уже болѣе съ помощью письменныхъ занятій, чѣмъ чтенія. Лѣтомъ 1822 года я написалъ свой первый опытъ. Въ моей памяти сохранилось о немъ очень немногое; я помню только, что это были нападки на то, что я считалъ аристократическими предразсудкомъ, а именно, что богатый стонть вынужденъ, или по крайней мѣрѣ признается тако-

вымъ. Я разбиралъ вопросъ, не позволяя себѣ никакихъ напыщенныхъ выражений, которые вызывались самою темою моего сочиненія, и могли легко увлечь за собою молодаго писателя. Въ этомъ отношеніи я долженъ сознаться, я былъ и долго оставался мало способнымъ. Я пользовался одними только сухими доказательствами и иныхъ знать не хотѣлъ.

Однако я легко испытывалъ на себѣ вліяніе произведенія поэтическаго или ораторскаго, если только оно обращалось къ чувствамъ, опираясь на разумныя основанія. Отецъ не зналъ ничего объ этомъ опыте, пока онъ не былъ конченъ; онъ остался доволенъ и даже обрадованъ, какъ я узналъ отъ другихъ; но, можетъ быть, желая поспособствовать развитію другихъ сторонъ моего ума, напримѣръ, чисто логической, онъ предложилъ мнѣ сочинить первое упражненіе въ ораторскомъ искусствѣ. Послѣдовавъ этому совѣту и пользуясь близкимъ знакомствомъ съ политической исторіей и идеями Греціи, а также съ афинскими ораторами, я написалъ двѣ рѣчи, одну въ обвиненіе, другую въ защиту Перикла по поводу процесса, который былъ возбужденъ противъ него за отказъ выступить на лакедемонянъ во время вторженія ихъ въ Аттику. Послѣ этого труда я продолжалъ писать статьи о предметахъ, часто превышавшихъ мои способности, но я извлекъ много пользы, какъ изъ такого упражненія, такъ и изъ разговоровъ, происходившихъ по данному вопросу между мною и отцомъ.

Въ это время я началъ также принимать участіе въ бесѣдахъ по общимъ вопросамъ съ учеными людьми, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, а подобные случаи становились естественно болѣе многочи-

сленны. Два друга отца, Гротъ и Остенъ, являются людьми, отъ которыхъ я наиболѣе заимствовалъ полезныхъ свѣдѣній, и къ которымъ я наиболѣе чувствовалъ привязанность. Знакомство ихъ съ отцомъ было недавнее, но оно быстро перешло въ тѣсную дружбу. Гротъ былъ представленъ моему отцу Рикардо, думаю, въ 1819 году, (ему было двадцать пять лѣтъ) и усердно искалъ общества и бесѣды съ отцомъ. Онъ обладалъ превосходнымъ образованіемъ, а между тѣмъ по сравненію съ отцомъ это былъ новичокъ въ великихъ вопросахъ, обсуждаемыхъ человѣчествомъ; онъ не замедлилъ усвоить себѣ лучшія идеи отца относительно политики и сдѣлался извѣстенъ съ 1820 года, выпустивъ брошюру въ защиту радикальной реформы въ отвѣтъ на знаменитую статью сэра Джемса Мэкинтоша, помѣщеннюю въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи. Отецъ Грота былъ банкиромъ и, полагаю, убѣжденнымъ ториемъ, а его мать упорная евангелическая сектантка; развитиемъ же своихъ либеральныхъ мнѣній онъ нисколько не былъ обязанъ вліянію семейства. Въ отличіе отъ большинства людей, имѣющихъ въ перспективѣ богатое наслѣдство, онъ, хотя и дѣятельно занимался банковыми дѣлами, но посвящалъ большую часть своего времени изученію философіи; а близкое знакомство съ отцомъ въ значительной степени способствовало умственному развитію. Я часто посѣщалъ его, и наши бесѣды о политикѣ, нравственности и философіи доставляли мнѣ кромѣ драгоценныхъ воспитательныхъ свѣдѣній, наслажденіе и выгоду полнаго общенія мыслями съ человѣкомъ, отличавшимся интеллектуальными и моральными достоинствами, которыя потомъ обнаружились въ его жизни и сочиненіяхъ.

Остенъ, старшій сынъ мельника въ Суффолькѣ, былъ четырьмя или пятью годами старше Грота. Отецъ его нажилъ состояніе, поставляя войскамъ хлѣбъ во время войны и, по всей вѣроятности, былъ замѣчательнымъ человѣкомъ, судя по сыновьямъ, которые все были чрезвычайно способные и крайне воспитанные люди. Тотъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, и который прославился своими сочиненіями по юриспруденціи, пробылъ некоторое время въ военной службѣ, и служилъ въ Сициліи подъ начальствомъ лорда Вильяма Бентинка. Послѣ заключенія мира онъ вышелъ въ отставку и занялся изученіемъ юриспруденціи, чтобы получить званіе адвоката, котораго онъ и добился незадолго до знакомства съ отцомъ. Онъ не былъ, подобно Гроту, ученикомъ моего отца, но съ помощью книгъ и размышлений онъ достигъ того, что признавалъ одинаковыя съ нимъ мнѣнія относительно многихъ вопросовъ, измѣняя отчасти эти мнѣнія, и налагая на нихъ отпечатокъ собственной индивидуальности. Онъ обладалъ могущественнымъ умомъ, который яркимъ блескомъ проявлялся въ разговорѣ богатствомъ и энергіей выражений, съ какими въ пылу краснорѣчія онъ защищалъ ту или другую идею, касавшуюся общихъ вопросовъ; онъ имѣлъ также не только твердую, но обдуманную и спокойную волю. Въ немъ замѣчалась известная доля горечи, происходившая частію отъ его темперамента, частію отъ общаго характера его чувствъ и размышлений. Недовольство жизнью и міромъ, въ большей или меньшей степени, при нынѣшнемъ состояніи общества, ощущаемое всякимъ проницательнымъ и вполнѣ сознательнымъ умомъ, придавала Остену оттѣнокъ меланхоліи, весьма свойственной

людямъ, нравственная чувствительность которыхъ преобладаетъ надъ стремлениемъ къ дѣятельности. Да и дѣйствительно надо сказать, что сила воли, которая такъ чувствовалась въ его обращеніи, почти вся цѣликомъ въ этомъ и расходовалась. Отличаясь большою ревностью къ улучшенію человѣческаго благосостоянія, глубокимъ сознаніемъ своего долга, а также познаніями, мѣрою которыхъ могутъ служить оставленныя имъ сочиненія, онъ едва успѣлъ окончить хоть одинъ значительный трудъ. Онъ создавалъ себѣ всегда слишкомъ высокій идеалъ того, что онъ долженъ быть сдѣлать и всегда преувеличивалъ недостатки своей работы. Онъ такъ мало удовлетворялся запасомъ свѣдѣній, совершенно достаточныхъ для даннаго предмета и цѣли, преслѣдуемой имъ, что не только портилъ большую часть своего труда, съ точки зрењія практической пользы, переработкой мыслей и выражений, но и издерживалъ такую массу времени и усилий на изученіе и поверхностное обдумываніе, что къ тому времени, когда его задача должна была бы окончиться, онъ становился боленъ, не совершивъ и половины. Всѣдѣствіе этой умственной слабости, примѣры которой я встрѣчалъ не одинъ разъ между людьми образованными и даровитыми, и благодаря тому, что сюда присоединились болѣзnenные припадки, хотя и не опасные для жизни, но мѣшавшіе работать, онъ создалъ очень мало въ сравненіи съ тѣмъ, на что былъ способенъ. Однако то, что онъ сдѣлалъ, имѣть высокую цѣпу даже въ глазахъ самыхъ компетентныхъ судей. Подобно Кольриджу, онъ могъ привести въ свою пользу то обстоятельство, что его бесѣды для многихъ людей являлись источникомъ, откуда они могли почерпнуть не только

образованіе, но и общій подъемъ характера. Его вліяніе было для меня чрезвычайно благодѣтельнымъ: оно было нравственно въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Онъ высказывалъ ко мнѣ искреннее и радушное вниманіе, далеко превосходящее то, что могъ бы ожидать юноша отъ человѣка его лѣтъ, положенія и, по видимому суроваго, характера. Въ разговорѣ и въ обращеніи онъ проявлялъ такое благородство, какого я не замѣчалъ ни въ одномъ изъ людей, посѣщавшихся мною въ ту эпоху, хотя и послѣдніе также обладали этими достоинствами. Особенно было выгодно для меня знакомство съ нимъ въ томъ отношеніи, что онъ по уму совершенно отличался отъ другихъ людей, съ которыми я встрѣчался, и что онъ рѣшительно возставалъ противъ предразсудковъ и узкихъ мыслей, которые почти всегда можно встрѣтить у молодого человѣка, воспитанного въ духѣ узкой философіи или подъ вліяніемъ извѣстной соціальной среды.

Его младшій братъ, Чарльзъ Остенъ, котораго я часто встрѣчалъ въ эту эпоху и еще годъ или два послѣ, производилъ на меня также большое впечатлѣніе, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Будучи нѣсколькоими годами старше меня, онъ только что кончилъ университетъ, гдѣ онъ пользовался извѣстностью за свой умъ и заслужилъ репутацію замѣчательнаго оратора и остроумнаго собесѣдника. Впечатлѣніе, производимое имъ на товарищей въ Кембриджѣ, заслуживаетъ быть переданнымъ какъ историческій фактъ. Ему отчасти принадлежитъ слава за то, что онъ пробудилъ склонность къ либерализму вообще и въ частности къ либерализму, проповѣдываемому идеями Бентама, а также и къ политической экономіи, склонность къ которой обнаружилась

въ наиболѣе энергичныхъ юношахъ высшихъ классовъ, послѣ 1830 года. *Union debating society*, стоявшій въ эту эпоху на вершинѣ своей славы, представлялъ арену, на которой люди, обладавшіе мнѣніями, считавшимися тогда крайними въ философіи и политикѣ, состязались съ своими противниками передъ собраніемъ отборной молодежи Кембриджа. Хотя нѣсколько лицъ, которыхъ стали впослѣдствіи болѣе или менѣе извѣстными, и изъ нихъ самыми знаменитыми Маколей, и заслужили свой первый ораторскій вѣнецъ въ этихъ спорахъ, но человѣкъ, умъ котораго безспорно возвышался надъ этими борцами, былъ Чарльзъ Остенъ. Покинувъ университетъ, онъ продолжалъ, благодаря своему краснорѣчію и личному превосходству, играть роль *leader* среди молодыхъ людей, бывшихъ его товарищами по Кембриджу; къ нимъ онъ причислилъ и меня. Черезъ него я познакомился съ Маколеемъ, Гайдомъ, Чарльзомъ Виллерсомъ, Трутонъ (теперь лордъ Бельперъ), Ромилы и съ многими другими молодыми людьми, занявшими впослѣдствіи видныя мѣста въ литературѣ или въ политикѣ. Въ пхъ обществѣ я услыхалъ обсужденіе многихъ вопросовъ, которые до извѣстной степени были для меня новыми. Вліяніе, оказываемое Чарльзомъ Остеномъ на меня, существенно отличалось отъ вліянія людей, упоминаемыхъ мною прежде; тамъ являлось отношеніе человѣка къ мальчику, здѣсь же взрослаго товарища къ младшему. Благодаря ему, я впервые почувствовалъ себя уже не ученикомъ передъ учителемъ, а человѣкомъ среди равныхъ мнѣ людей. Онъ былъ первымъ талантливымъ человѣкомъ, съ которымъ я сошелся на равной погѣ, хотя я былъ гораздо ниже его въ умственномъ отношеніи. Онъ всегда производилъ

сильное впечатлѣніе на тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться, даже когда ихъ убѣжденія шли въ разрѣзъ съ его собственными. Впечатлѣніе, производимое имъ на людей, было впечатлѣніемъ его безграничной силы характера; въ соединеніи съ дарованіями, поддерживаляемыми также энергию воли, оно дѣлало его, повидимому, способнымъ властвовать надъ людьми. Люди, его знавшіе, были ли они его друзьями или нѣтъ, съ увѣренностью предсказывали, что онъ будетъ играть выдающуюся роль въ общественной жизни. Рѣдко встрѣчается, что люди производятъ такое громадное и непосредственное дѣйствіе сплошь слова, не посвящая себя всецѣло этому искусству, онъ же дѣлалъ это безъ всякаго усиленія. Онъ любилъ поражать и приводить въ изумленіе собесѣдника. Онъ зналъ, что рѣшительность есть главный факторъ эффекта и выставлялъ свои убѣжденія со всею твердостью, на которую только былъ способенъ, и никогда не былъ такъ доволенъ, какъ если ему удавалось ошеломить кого-нибудь своимъ смѣлымъ мнѣніемъ. Расходясь совершенно съ своимъ братомъ, который возставалъ противъ узкихъ толкованій и примѣненій принциповъ, признаваемыхъ ими обоими, Чарльзъ Остенъ представлялъ доктрины Бентама въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, насколько возможно, преувеличивая въ этихъ идеяхъ все то, что вело къ слѣдствіямъ, возмущающимъ предвзятыя чувства людей. Изъ всѣхъ споровъ, въ которые онъ вступалъ съ пылкостью и рѣзкостью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ увлекательностью и энергией, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ или раздѣлялъ почести съ противникомъ. Я убѣжденъ, что миѳиѣ, господствовавшее относительно доктринъ и мыслей, известныхъ

подъ именемъ ученія бентамистовъ или утилитаристовъ, вело свое начало изъ парадоксовъ, придуманныхъ Чарльзомъ Остеномъ. Надо также сказать, что его примѣру слѣдовали *hanc passibus acquis* многіе юные прозелиты; утрировка всего, что могло считаться оскорбительнымъ въ доктринахъ и правилахъ бентамизма, въ теченіе нѣкотораго времени, была девизомъ небольшого общества молодежи. Всѣмъ тѣмъ, кто стоялъ выше посредственности, въ томъ числѣ и мнѣ, опротивъся это ребячество, другимъ же наскучило идти въ разрѣзъ съ другими и они сразу отбросили то, что было хорошаго и дурнаго въ еретическихъ мнѣніяхъ, которыя они нѣкоторое время исповѣдывали.

Зимою 1822—1823 года я составилъ планъ небольшого кружка, который долженъ быть состоять изъ молодыхъ людей, согласныхъ между собою въ основныхъ принципахъ, принимавшихъ полезность критеріумомъ этики и политики и признававшихъ известныя основныя положенія, выведенныя изъ той философіи, которую я признавалъ правильною. Мы должны были собираться разъ въ двѣ недѣли читать сочиненія и обсуждать встрѣчающіеся вопросы сообразно принципамъ, которыхъ мы все придерживались. Не стоило бы труда говорить объ этомъ кружкѣ, составленномъ по моему плану, если бы не встрѣтилось здѣсь одного обстоятельства, а именно: я назвалъ нашъ кружокъ „Общество и Утилитаристовъ“. Въ первый разъ здѣсь было употреблено это выраженіе, и, не взирая на такое низкое происхожденіе, оно пробило себѣ дорогу и получило въ языкѣ право гражданства. Я не самъ изобрѣлъ это слово, а написалъ его въ одной изъ повѣстей Гольта „Приходская Лѣтопись“, гдѣ шотландскій пасторъ въ

своей автобіографії убѣждалъ своихъ прихожанъ не покидать догматовъ писанія, чтобы стать утилитаристами. Съ дѣтскою любовью ко всякаго рода громкимъ прозвищамъ и знаменамъ я пристрастился къ этому слову и въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ я удерживалъ его за собою и давалъ это имя другимъ, какъ бы девизъ секты. Случалось, что имъ пользовались и посторонніе люди, поддерживавшіе мнѣнія, которыя я хотѣлъ выдѣлить изъ ряда другихъ. По мѣрѣ того, какъ эти мнѣнія становились все болѣе и болѣе распространенными, это выраженіе стали употреблять и совершенно посторонніе люди и противники, и оно сдѣлалось обычнымъ достояніемъ языка приблизительно въ то время, когда первые составители отбросили его вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что могло отличать ихъ, какъ сектаторовъ. Кружокъ, получившій такое название, состоялъ вначалѣ только изъ трехъ членовъ; одинъ изъ нихъ, секретарь Бентама, исходатайствовалъ позволеніе собираться въ домѣ послѣдняго. Число членовъ никогда не превышало десяти, и общество распалось въ 1826 году и такимъ образомъ существовало три съ половиною года. Главная польза, какую я извлекъ изъ него, состояла въ словесномъ упражненіи, а затѣмъ въ томъ, что я вступалъ въ сношенія съ различными молодыми людьми, тогда менѣе развитыми, чѣмъ я, но тѣхъ же убѣжденій. Я игралъ одно время роль *leader*-а и имѣлъ значительное вліяніе на ихъ интеллектуальное развитіе. Всѣхъ образованныхъ молодыхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ, и мнѣнія которыхъ были несомнѣнны съ мнѣніями нашего общества, я старался завербовать въ свой кружокъ и между ними встѣщаются такія лица, какихъ я, вѣроятно, никогда бы не узналъ, если бы они

не приняли участіе въ этой затѣї. Изъ членовъ этого кружка, ставшихъ моими близкими друзьями (ни одинъ изъ нихъ не былъ, собственно говоря, моимъ ученикомъ, но всѣ являлись самостоятельными въ сферѣ мышленія), я укажу на сына выдающагося экономиста, Вильяма Эйтана Тука, молодого человѣка, обладавшаго въ высокой степени какъ умственными, такъ и душевыми качествами, но преждевременно похищенаго смертью; далѣе наиболѣе дорогими для меня были: его другъ Вильямъ Эллистъ, оригиналный мыслитель въ области политической экономіи, известный и нынѣ своимъ апостольскимъ усердіемъ въ дѣлѣ улучшенія общественнаго образованія, Джоржъ Грэгемъ, энергично и своеобразно обсуждавшій почти всѣ отвлеченные вопросы; и наконецъ, человѣкъ, который, со дня своего прибытія въ первый разъ въ Англію, для подготовки къ дѣятельности адвоката, въ 1824 или 1825 году надѣгалъ больше шума въ мірѣ, чѣмъ всѣ лица мною названные, — Джонъ Артуръ Робукъ.

Въ маѣ 1813 года моя профессія и карьера окончательно опредѣлились на слѣдующіе тридцать шесть лѣтъ назначениемъ меня на мѣсто въ Остъ-Індской компаніи по ходатайству отца; я былъ причисленъ къ бюро, завѣдывавшему індійской корреспонденціей подъ непосредственнымъ его начальствомъ. Назначеніе я былъ по обыкновенію младшимъ: ими мое фигурировало въ самомъ концѣ списка чиновниковъ, которые должны были, по крайней мѣрѣ на первое время, получать повышенія по старшинству; но подразумѣвалось, что я съ самаго начала буду назначаться для составленія проектовъ депешъ, и что этой работой я буду подготавляться къ тому, чтобы быть способнымъ замѣстить людей, занимавшихъ высшія

должности въ этой конторѣ. Дѣйствительно, въ теченіе нѣкотораго времени я нуждался въ поправкахъ со стороны непосредственныхъ начальниковъ, но вскорѣ я уже совершенно вникъ въ суть дѣла; инструкціи отца, равно и собственные успѣхи черезъ нѣсколько лѣтъ позволили мнѣ взять въ свои руки управлѣніе индійской корреспонденціей въ одномъ изъ главныхъ отдѣловъ, а именно по сношеніямъ съ туземными государствами; и дѣйствительно я выполнилъ это съ успѣхомъ. Таковы были мои служебныя занятія до тѣхъ поръ, пока я не былъ назначенъ инспекторомъ за два года передъ отмѣною Остъ-Индской компаніи, какъ политического учрежденія, что и рѣшило мою отставку. Я не знаю занятія, которое, подобно этому, представляло бы столько удобствъ для человѣка, не обладающаго независимымъ положеніемъ, но желающаго посвятить часть своего дня собственному умственному развитію. Люди, которые чувствуютъ себя способными совершить что-либо въ высшихъ областяхъ литературы и философіи, не найдутъ въ писательствѣ постоянныхъ средствъ къ существованію, не только по причинѣ сомнительности этого источника, особенно если писатель обладаетъ достаточную совѣтостью и рѣшительностью для того, чтобы служить только своимъ убѣжденіямъ, но и потому, что сочиненія, дающія возможность существовать, не принадлежать къ числу долговѣчныхъ и никогда не бываются обработаны авторомъ такъ, какъ онъ могъ бы это сдѣлать. Чтобы написать книгу, предназначенную для образованій будущихъ мыслителей, надо слишкомъ много времени, а когда она написана, то приобрѣтаетъ известность слишкомъ медленно для того, чтобы авторъ могъ надѣяться на ея успѣхъ для

матеріальяй поддержаніи. Человѣкъ, зарабатывающій своимъ перомъ средства къ жизни, принужденъ вступать въ сношенія съ какой-либо книжной фирмой, или по крайней мѣрѣ писать для толпы; онъ можетъ посвящать своимъ занятіямъ только время, свободное отъ обязательной работы, а этого времени въ данномъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ при конторской службѣ. Кромѣ того работа въ конторѣ гораздо менѣе обезсиливаетъ и утомляетъ умъ. Что касается меня, то я въ теченіе всей жизни находилъ въ этой работѣ истинное отдохновеніе отъ другихъ занятій, которымъ я предавался въ то же самое время. Моя служба доставляла мнѣ умственную работу, никогда не превращавшуюся въ надоѣдливый трудъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не напрягала до крайней степени умъ, привыкшій къ размыщленію объ отвлеченныхъ предметахъ и къ составленію литературныхъ произведеній. Неудобства этой карьеры, какъ и всякой, однако давали себя чувствовать. Я не былъ никакъ озабоченъ тѣмъ, что теряю шансы на богатство и почести, которыя составляютъ удѣлъ известныхъ профессій, особенно адвокатской, къ чему, какъ я говорилъ, меня и предназначалъ отецъ, но я чувствовалъ лишеніе въ томъ, что парламентъ и общественная дѣятельность были закрыты для меня и къ тому для меня очень сильна была непріятность быть обреченнымъ на обязательную жизнь въ Лондонѣ. Компания не имѣла обыкновенія давать служащимъ отпуска болѣе одного мѣсяца въ году, а я страшился любилъ сельскую жизнь, и мое пребываніе во Франціи зародило во мнѣ пламенное желаніе путешествовать. Хотя я и не могъ свободно удовлетворить свою склонность, однако, и никогда не приносилъ ей совсѣмъ въ

жертву. Большею часть воскресныхъ дней я проводилъ за городомъ, совершая длинныя прогулки по полямъ, даже когда жилъ въ Лондонѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свой мѣсячный отпускъ я проводилъ въ деревнѣ у отца; впослѣдствіи я употреблялъ часть этого свободнаго времени на экскурсіи, всего чаще пѣшкомъ въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ любимыхъ товарищѣй; еще позднѣе я посвящалъ весь свой отпускъ на путешествія одинъ или съ друзьями. Я свободно могъ въ теченіе ежегодныхъ отпусковъ посѣтить Францію, Бельгію, берега Рейна. Два болѣе продолжительныхъ отпуска, одинъ въ три, другой въ шесть мѣсяцевъ, взятые по совѣтамъ врачей, прибавили къ списку моихъ путешествій Швейцарію, Тироль и Италію. По счастью я предпринималъ эти поездки въ довольно раннюю эпоху моей жизни, такъ что большая часть послѣдующей жизни осталась подъ прекраснымъ впечатлѣніемъ сохранившихся воспоминаній.

Я охотно согласенъ со справедливостью мнѣнія нѣкоторыхъ, что случай, позволившій мнѣ при отправлении своихъ служебныхъ обязанностей изучить необходимыя условія управлениія общественными дѣлами, имѣлъ громадное влияніе на мои теоретическіе проекты реформъ, мыслей и учрежденій нашего времени. Нельзя сказать, чтобы общественные дѣла, которыя я излагалъ на бумагѣ и которыя приводились въ исполненіе на другомъ полушаріи, могли дать мнѣ большое количество практическихъ свѣдѣній, по они пріучили меня замѣчать затрудненія всякаго рода и бороться съ ними, и принимать для побѣды надъ ними мѣры, определенные и точно выясненные съ точки зренія ихъ вы-

полненія. Мне пришлось познакомиться съ такими случаями, когда государственные мѣропріятія не производили дѣйствій отъ нихъ ожидавшихся, и узнать по какимъ причинамъ; сверхъ всего эта дѣятельность была крайне полезна для меня въ томъ отношеніи, что дѣлала изъ меня простое колесо машины, всѣ частіи которой должны были дѣйствовать въ гармоніи. Какъ философъ, я могъ бы совѣтоваться самъ съ собой и не встрѣчалъ бы въ своихъ разсужденіяхъ тѣхъ затрудненій, которыя обнаружились бы впослѣдствіи при примѣненіи ихъ къ практикѣ. Но какъ начальникъ управления общественною корреспонденцію, я не могъ ни отправить приказа, ни выразить свое сомнѣніе, не убѣдивъ въ ихъ правильности другихъ людей, не имѣющихъ со мною ничего общаго. Такимъ образомъ мнѣ представлялся благопріятный случай на практикѣ изучить способъ внушать людямъ то, къ чему они были совершенно не подготовлены; въ то же время я познакомился съ трудностями, какія приходится преодолѣвать, чтобы привести въ движение цѣлое, состоящее изъ группъ людей, понять необходимость компромиссовъ и научился искусству жертвовать ради наиболѣе существенныхъ сторонъ вопроса пунктами менѣе важными. На сколько возможно, я пріобрѣлъ умѣніе довольствоваться малымъ, когда не могъ добиться всего, не погодуя и не приходя въ уныніе, оттого, что не имѣлъ возможности дать полный просторъ своимъ силамъ; я научился довольствоваться и набираться новаго мужества, когда добивался хотя незначительной доли того, къ чему стремился, и переносить совершило хладнокровно полное пораженіе. Во всю жизнь эти способности оказались чрезвычайно важными для моего личаго

счастья; онъ также представляютъ необходимое условіе, безъ котораго ни теоретикъ, ни практикъ не можетъ осуществить все то благо, какое онъ могъ бы сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА IV.

Пропаганда во времена юности. — Вестминстерское Обозрѣніе.

Хотя служебныя обязанности и отнимали большую часть моего времени, однако мое вниманіе къ любимымъ занятіямъ не ослабѣвало, и никогда еще они не подвигались съ такой энергией. Это было въ то время, когда я началъ писать въ газетахъ. Двумя первыми статьями, вышедшими изъ-подъ моего пера, были два письма, напечатанныя въ концѣ 1822 года въ вечерней газетѣ *Traveller*, которая потомъ слилась послѣ своей продажи въ *Globe and Traveller*, а тогда была собственностью известного экономиста, полковника Торренса. Она находилась подъ наблюдениемъ редактора Вальтера Каульсона, который сначала былъ секретаремъ у Бентама, затѣмъ избралъ журнальное по-прище, сдѣлался редакторомъ газеты, позднѣе перешелъ къ дѣятельности адвоката и нотаріуса и въ концѣ концовъ умеръ членомъ совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ. *Traveller* стала однимъ изъ самыхъ значительныхъ органовъ либеральной политики. Полковникъ Торренсъ самъ помѣщалъ много статей въ своей газетѣ по вопросамъ политической экономіи и нападалъ на иѣкоторыя мыслия Рикардо и моего отца.

По совѣту послѣдняго, я попытался отвѣтить на эти обвиненія, и Каульсонъ, изъ уваженія къ отцу и расположенія ко мнѣ, охотно помѣстилъ мое возраженіе. Торренсъ сталъ снова нападать, я опять отпарирова-
валъ новою статьею. Скоро послѣ этого я сдѣлалъ по-
пытку написать что-нибудь болѣе удовлетворяющее
моему честолюбію. Преслѣдованія, направленныя про-
тивъ Ричарда Карлейля, его жены и сестры за сочи-
ненія враждебныя англиканской церкви, привлекали въ
то время вниманіе многихъ, а въ особенности людей,
среди которыхъ я вращался. Многаго недоставало для
того, чтобы свобода слова въ политикѣ, а еще болѣе
въ религії была въ то время въ такомъ положеніи, въ
которомъ она, повидимому, находится теперь, и сторон-
ники мнѣній, противорѣчащихъ общепринятымъ, безпре-
рывно должны были отстаивать свое право свободно
выражать ихъ. Я написалъ подрядъ пять писемъ подъ
псевдонимомъ Виклифа, въ которыхъ основательно разо-
бралъ вопросъ относительно свободы слова въ сферѣ
религії и отправилъ ихъ *Morning Chronicle*.

Три письма были напечатаны въ январѣ и февралѣ 1823 года; два остальныхъ, слишкомъ несоответствую-
щія направленію газеты, совершенно не появились въ
печати. Но статья, написанная мною вскорѣ послѣ это-
го по тому же вопросу, по поводу преній въ палатѣ
общинъ, была помѣщена въ передовой статьѣ газеты. Въ
теченіе 1822 года было напечатаны много моихъ ста-
тей въ *Chronicle* и *Traveller*; частію это были рецен-
зіи о книгахъ, а болѣе всего письма, темою для кото-
рыхъ я бралъ всякое упущеніе въ парламентѣ;
иногда я указывалъ на какое-либо упущеніе въ зако-
нодательствѣ, злоупотребленіе со стороны администра-

тивныхъ и судебныхъ властей. Этимъ вопросамъ *Chronicle* придавалъ въ то время важное значеніе. По смерти Перри редакція и завѣдываніе газетой перешли къ Джону Блоку, раньше редактировавшему её. Это былъ человѣкъ, обладавшій громадною начитанностью и большимъ запасомъ знаній, безукоризненно честный и совершенно простой. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, идеи которого онъ раздѣлялъ наравнѣ съ убѣждѣніями Бентама; онъ воспроизводилъ ихъ въ своихъ статьяхъ въ связи съ другими замѣчательными мыслями необыкновенно легко и искусно. Съ этого времени *Chronicle* пересталъ быть органомъ виговъ, какимъ онъ являлся до той поры, и въ теченіе десяти лѣтъ сдѣлался исключительно выразителемъ взглядовъ радикаловъ-утопистовъ. Въ особенности эти идеи проявились въ статьяхъ самого Блока, а иногда и Фонбланка, который впервые выказалъ свои выдающіяся способности, какъ писатель, въ статьяхъ въ *Chronicle*. Недостатки существующаго законодательства и судебнай администраціи—вотъ предметы, разборомъ которыхъ газета оказала наиболѣе услугъ общественному развитію: до этого времени не находилось никого, кроме Бентама и моего отца, чтобы возставалъ противъ этого пятна, омрачающаго англійскія учрежденія. Между англичанами существовала всеобщая увѣренность въ томъ, что англійскіе законы, судопроизводство и не получающая вознагражденія магістратура представляли образецъ совершенства. Я никакъ не преувеличу, говоря, что послѣ Бентама, доставившаго главные материалы для полемики, только Блокъ более всего употреблялъ усилий, чтобы уничтожить этотъ жалкій предразсудокъ. Относительпо

другихъ вопросовъ *Chronicle* явился органомъ мнѣній, далеко оставлявшихъ за собою тѣ, которыя находили себѣ защитниковъ въ газетахъ. Блокъ часто посѣщалъ моего отца, и Гrotтъ обыкновенно говорилъ, что онъ постоянно по статьѣ, появлявшейся въ понедѣльникъ утромъ, зналъ, бесѣдовалъ ли Блокъ съ отцомъ въ воскресенье. Онъ служилъ самымъ могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ отца, которымъ послѣдній пользовался, чтобы распространять свои убѣжденія между людьми, не прибѣгая ни къ какому средству, кромѣ бесѣды и личнаго превосходства. Этотъ образъ пропаганды, въ связи съ дѣйствиемъ статей, доставилъ отцу такую могущественную силу въ странѣ, какую рѣдко пріобрѣтало частное лицо, благодаря своему уму и характеру; и это вліяніе наиболѣе дѣйствовало тамъ, где всего менѣе можно было подозрѣвать Я уже говорилъ, что Рикардо, Юмъ и Гrotтъ совершили прославившія ихъ имена дѣянія только вслѣдствіе убѣжденій и соображеній моего отца. Онъ явился добрымъ геніемъ для Брума, побудивъ его оказать обществу массу услугъ, какъ по вопросу обѣ образованій, такъ и въ дѣлѣ заподательной реформы, да и во многихъ другихъ случаяхъ. Его вліяніе распространялось и на вещи гораздо менышея важности и слишкомъ многочисленныя, чтобы ихъ можно было указать. Основаніе *Вестминстерскаго Обозрѣнія* должно было дать болѣе широкое распространеніе его идеямъ.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ отецъ не принималъ никакого участія въ основаніи *Вестминстерскаго Обозрѣнія*. Потребность въ радикальному органѣ для оппозиціи *Эдинбургскому Обозрѣнію* и *Quarterly*, которые тогда достигли апогея своей славы и могущества, была

обычною темою разговора Бентама съ отцомъ за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ; это было ихъ воздушнымъ замкомъ, и въ ихъ планѣ входило, чтобы отецъ мой былъ редакторомъ; но этотъ проектъ не былъ осуществленъ. Однако въ 1823 году Бентамъ рѣшился основать журналъ на собственныя средства и предложилъ редакцію моему отцу, но тотъ отказался, такъ какъ эта обязанность была несовмѣстима съ его служебнымъ положеніемъ въ Остъ-Индской компаніи. Тогда Бентамъ обратился къ Баурингу (теперь сэръ Джонъ Баурингъ), который въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ постоянно посѣщалъ его. Выборъ Бентама остановился на Баурингѣ на томъ основаніи, что послѣдній обладалъ многими личными достоинствами—полнымъ уваженіемъ къ нему, солидарностью со многими, если не со всѣми, изъ его мыслей, а также еще и потому, что Баурингъ отличался обширными связями и перепискою съ либералами всѣхъ странъ, что дѣлало изъ него могущественнаго пропагандиста славы и идей Бентама во всемъ мірѣ. Отецъ былъ мало знакомъ съ Баурингомъ, но онъ зналъ его достаточно, чтобы составить о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ совершенно непригоднымъ редактировать политическій и философскій журналъ. Онь вообще предсказывалъ неуспѣхъ этому предприятію и глубоко сожалѣлъ, что Бентамъ началъ его, такъ какъ былъ убѣжденъ, что его другъ не только понесетъ материальные убытки, но и, по всей иѣроятности, изъ этого воспослѣдуетъ унижение радикальныхъ принциповъ въ глазахъ общества. Однако онъ не могъ покинуть Бентама и согласился написать статью для перваго нумера. Въ заранѣе обдуманную программу журнала входило, чому отецъ придавалъ особое значеніе,

—посвятить специальный отдель критикъ другихъ періодическихъ изданій; статья моего отца должна была заключить въ себѣ общую критику *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, съ самаго его основанія. Прежде чѣмъ приступить къ этому труду, онъ заставилъ меня просмотрѣть всѣ книги этого журнала или скорѣе всѣ напечатанныя въ нихъ работы, имѣвшія какую-либо цѣнность (задача, менѣе затруднительная въ 1823 году чѣмъ теперь) и составить замѣчанія изъ тѣхъ статей, которыя, по моему мнѣнію, онъ долженъ быть просмотрѣть для выясненія ихъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ. Эта статья была главной причиной того впечатлѣнія, какое произвело *Вестминстерское Обозрѣніе* по выходѣ въ свѣтъ: и действительно, какъ по замыслу такъ и по выполненію, она представляетъ одно изъ самыхъ увлекательныхъ сочиненій отца. Онъ начинаетъ съ анализа тенденцій періодической литературы вообще, указывая, что она не можетъ, подобно книгѣ, выжидать успѣха, но должна непосредственно имѣть пользоваться или же никогда не будетъ имѣть его, что благодаря этому она почти вынуждена признавать и пропагандировать мнѣнія, уже существующія въ обществѣ, цѣлямъ котораго она служить, вместо того, чтобы исправлять или улучшать эти понятія. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, какъ политического органа, и дѣлается полный анализъ англійской конституціи съ точки зреінія радикаловъ. Онь указалъ на ея исключительно аристократической характеръ, выставивъ напоказъ то обстоятельство, что несолько сотъ семей назначаютъ большинство членовъ палаты общинъ, что самая независимая часть палаты состоитъ только изъ крупныхъ землевладѣльцевъ или изъ

лицъ другихъ классовъ, которымъ эта узкая олигархія удѣлила нѣкоторую долю власти; наконецъ онъ указалъ на два краеугольныхъ камня конституціи: англиканскую церковь и судебное сословіе. Онъ обратилъ внимание на естественное стремленіе аристократического класса дѣлиться на двѣ партіи; изъ которыхъ одна имѣеть въ своихъ рукахъ власть, а другая старается её вытѣснить и захватить первенствующее мѣсто съ помощью общественного мнѣнія, не жертвуя никогда ни однимъ изъ аристократическихъ преимуществъ. Онъ описалъ тотъ путь, котораго держалась аристократическая партія, находящаяся въ оппозиціи, заигрывая съ народными принципами для того, чтобы найти поддержку въ народѣ. Онъ ясно доказалъ что поведеніе партіи виговъ и *Эдинбургскаго Обозрѣнія* было не что иное, какъ осуществленіе на практикѣ этихъ тенденцій. Онъ блестательно доказалъ, что сущность этого журнала состояла въ томъ, что всѣ вопросы, касавшіеся интересовъ или власти правящихъ классовъ, разматривались въ немъ поочередно съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Въ доказательство были приведены многочисленныя выдержки. Никогда не было такого грознаго нападенія на политику партіи виговъ, никогда не наносился болѣе суровый ударъ Англіи во имя радикализма, да, я полагаю, что и не было въ то время никого кромѣ отца, кто бы былъ способенъ написать такую статью *).

*) Продолженіе этой статьи, напечатанное во второмъ нумерѣ журнала, было написано мною подъ наблюденіемъ отца. Эта работа не представляла сама по себѣ никакого значенія и была для меня полезна только какъ практическое упражненіе. Съ этой точки зрѣнія она принесла мнѣ болѣе пользы чѣмъ какое-либо изъ моихъ сочиненій.

Междъ тѣмъ, только что народившійся журналъ слился въ самомъ началѣ съ другимъ изданіемъ, чисто литературнаго содержанія, которымъ завѣдывалъ Генри Саутернъ, тогда еще простой литераторъ, а впослѣдствіи избравшій дипломатическую карьеру. Оба редактора согласились между собою раздѣлить управление журналомъ по отдѣламъ. Баурингъ взялъ на себя редакцію политическаго отдѣла, Саутернъ оставилъ за собою литературную часть. Журналъ Саутерна долженъ былъ печататься у фирмы Лонгмана, которая, хотя и была участницей въ изданіи *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, однако, охотно согласилась взять на себя изданіе новаго журнала. Всѣ приготовленія были окончены и уже разосланы обѣяженія, когда Лонгманъ отказалъ въ своемъ содѣйствіи, вслѣдствіе статьи отца противъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія*. Тогда обратились съ просьбой къ отцу, чтобы онъ употребилъ свое вліяніе на издателя его собственныхъ трудовъ Больдвина, побудить послѣдняго взяться за это дѣло, что отцу и удалось. Такимъ образомъ въ мартѣ 1824 года вышелъ первый нумеръ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ по мнѣнію отца и многихъ, впослѣдствіи способствовавшихъ дальнѣйшему развитію журнала. Этотъ нумеръ былъ для многихъ изъ нась пріятнымъ сюрпризомъ. Статьи вообще отличались гораздо большими достоинствами, нежели мы ожидали. Литературный и художественный отдѣлы были возложены на адвоката Бингама, впослѣдствіи сдѣлавшагося судьею, который часто посѣщалъ Бентама въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ, и между прочимъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ обоими Остенами и съ болѣшимъ одушевленіемъ относился къ философскимъ

теоріямъ Бентама. Отчасти совершенно случайно въ первомъ нумерѣ появилось не менѣе шести статей Бентама, доставившія намъ большое наслажденіе. Я помню хорошо тѣ разнообразныя ощущенія, которыя возбудило во мнѣ содержаніе первой книжки; съ одной стороны я обрадовался, найдя, сверхъ ожиданія, что она обладала несомнѣнными достоинствами, дѣлая честь тѣмъ, мнѣнія которыхъ она поддерживала; съ другой же стороны мнѣ было крайне досадно встрѣтить тамъ не мало недостатковъ. Однако, когда мы узнали, что общественное мнѣніе было благопріятно для журнала и что первый нумеръ необыкновенно скоро разошелся, и когда мы констатировали тотъ фактъ, что появленіе радикального органа съ притязаніями, подобными органамъ другихъ партій, привлекло общее вниманіе, то нечего было болѣе колебаться, и мы рѣшились на весь усиля, чтобы подкрѣпить его и сдѣлать какъ можно лучшее. Время отъ времени отецъ продолжалъ помѣщать свои статьи. Послѣ Эдинбургскаго *Обозрѣнія* дошла очередь и до *Quarterly*. Между другими статьями отца самыя замѣчательныя — это критическій отзывъ о сочиненіи Саути „*Книга церкви*“, въ пятомъ нумерѣ, и политическій обзоръ — въ двѣнадцатомъ. Остенъ даль одну статью, имѣвшую большое значеніе и направленную противъ права первородства, въ отвѣтъ на статью Макъ-Куллоха, которая незадолго передъ тѣмъ появилась въ Эдинбургскомъ *Обозрѣніи*. Гrotъ также помѣстилъ одну статью: для постоянаго сотрудничества у него не было времени, такъ какъ все свободное время онъ посвящалъ *Исторіи Греціи*; статья его трактовала о занимавшемъ его предметѣ и заключала въ себѣ рѣзкій критическій обзоръ сочиненій Митфорда. Бин-

гамъ и Чарльзъ Остенъ продолжали нѣкоторое время писать въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*. Фонбланкъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ съ третьаго нумера. Изъ моихъ товарищей Эллисъ правильно помѣщалъ свои статьи до девятой книжки, а когда онъ удалился, то въ составъ нашего журнала вошли другіе молодые люди: Эйтъонъ Тукъ, Грэгемъ и Робукъ. Самъ я являлся наиболѣе ревностнымъ сотрудникомъ; со второй и до девятнадцатой книжки было помѣщено тринадцать моихъ статей: тутъ были и рецензіи о вышедшихъ книгахъ, и отзывы о сочиненіяхъ по исторіи и политической экономіи, а также статьи относительно современныхъ политическихъ вопросахъ, какъ то: о хлѣбныхъ законахъ, законахъ объ охотѣ и дифамаціи. Иногда нѣкоторые другіе друзья отца присыпали превосходныя статьи, да и нѣкоторые изъ писателей, приглашенныхъ Баурингомъ, оказались на высотѣ своего призванія. Въ общемъ все-таки направлѣніе журнала никогда не удовлетворяло вполнѣ сторонниковъ радикальныхъ принциповъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Почти каждая книжка содержала въ себѣ, по нашему мнѣнію, многое, что противорѣчило нашимъ мнѣніямъ или отличалось недостаткомъ таланта.

Неодобрительныя сужденія отца, Грота, обоихъ Остеновъ и другихъ лицъ повторялись и, конечно, преувеличивались нами, молодежью, и такъ какъ наша юношеская горячность не могла воздерживаться отъ сѣтованій, то мы и доставили много горькихъ минутъ обоимъ редакторамъ. Я не сомнѣваюсь, что мы были такъ же часто неправы, какъ и правы, и я вполнѣ увѣренъ, что если бы журналъ имѣлъ направлѣніе согласно на-

шимъ возрѣніямъ, т. е. возрѣніямъ молодежи, то онъ не улучшился бы, а, по всей вѣроятности, сталъ бы еще хуже. Но не безполезно замѣтить, какъ обстоятельство, которое можетъ служить материаломъ для исторіи бентамизма, что періодический органъ, явившійся главнымъ выразителемъ его идей, былъ съ самаго начала чрезвычайно далекъ отъ того, чтобы удовлетворить людей, мнѣнія которыхъ онъ долженъ быть выражать.

Между тѣмъ новый журналъ надѣлалъ много шума въ обществѣ и доставилъ радикализму въ духѣ Бентама на почвѣ литературы и политики такое положеніе, которое вовсе не соотвѣтствовало числу его сторонниковъ, а также личнымъ заслугамъ и достоинствамъ большинства изъ нихъ. Въ то время либерализмъ дѣлалъ большиіе успѣхи. Когда страхъ и ненависть, возбужденные войною съ Франціею, утихли, наступило время обратить вниманіе на внутреннюю политику. Движеніе въ пользу реформъ можно было уподобить морскому приливу. Старая правящія фамиліи снова начали готовиться къ стѣснительному режиму по отношенію къ континенту. Видимая поддержка Англіи Священному Союзу, имѣвшему цѣлью подавить стремленіе къ свободѣ, чрезмѣрная тягость государственного долга отъ продолжительной и дорого обошедшіяся войны сдѣлали правительство и парламентъ крайне не популярными въ глазахъ народа. Радикализмъ, во главѣ котораго встали Бёрдеть и Кобетъ, принялъ такой характеръ, что возбудилъ серьезныя опасенія въ правительства. Едва эта тревога была на время успокоена знаменитыми законами, посившими название шести актовъ, какъ снова вспыхнуло еще болѣе глубокое

чувство ненависти по поводу процесса противъ королевы Каролины. Внѣшніе признаки этой непріязни исчезли вмѣстѣ съ причиной, вызвавшей ихъ, но повсюду стало обнаруживаться оппозиціонное настроеніе, до той поры еще неизвѣстное въ Англіи. Юмъ съ неутомимымъ постоянствомъ учредилъ строгій контроль за общественными расходами; онъ заставилъ палату общинъ вотировать всякую статью, которая давала поводъ къ спорамъ относительно смыты; такъ какъ общественное мнѣніе было на его сторонѣ, то онъ часто добивался у правительства многочисленныхъ уступокъ. Политическая экономія впервые дала почувствоватъ свое вліяніе на общественные дѣла благодаря петиціи лондонскихъ негоціантовъ о свободѣ торговли, составленной Тукомъ и внесенной въ парламентъ Александромъ Берингомъ. Своимъ же успѣхомъ она обязана благородной дѣятельности Рикардо въ теченіе его кратковременнаго пребыванія въ парламентѣ. Сочиненія Рикардо, слѣдовавшія за полемикой относительно драгоценныхъ металловъ и изслѣдованія и комментаріи отца и Макъ-Куллоха (труды послѣдняго, появившіеся въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи*, представляли большую цѣнность въ ту эпоху) обратили общее вниманіе на политическую экономію и содѣствовали обращенію на эту путь самого министерства. Гескиссонъ, поддерживаемый Канингомъ, нанесъ первый ударъ покровительственной системѣ, которая была уничтожена окончательно однимъ изъ ихъ товарищѣй въ 1840 году, по послѣдніе слѣды этой системы изглажены только недавно, въ 1860 году, благодаря усиленіямъ Гладстона. Ниль, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, осторожно вступилъ на тотъ путь, котораго еще никто не

дерзаль коснуться, и на который указывалъ Бентамъ: онъ приступилъ къ законодательной реформѣ. Въ ту эпоху, когда либерализмъ сталъ входить въ моду, когда улучшеніе учрежденій сдѣлалось предметомъ спора въ высшихъ сферахъ, а въ низшихъ требовали полнаго преобразованія состава парламента, не удивительно, что общее вниманіе было возбуждено появленіемъ новой, повидимому, школы писателей, заявившихъ притязаніе быть законодателями и вождями новаго направлениія. Члены этой группы въ своихъ сочиненіяхъ излагали свои теоріи съ глубокимъ убѣжденіемъ въ то время, какъ никто изъ противныхъ партій, повидимому, не питалъ такой сильной вѣры въ непреложность своихъ теорій. Они высказывали прямо свои мнѣнія относительно обѣихъ существующихъ партій, возставали систематически противъ той и другой, не дѣляя никакихъ послабленій общепринятымъ понятіямъ, такъ что ихъ подозрѣвали въ томъ, что они придерживаются въ душѣ еще болѣе еретическихъ взглядовъ, чѣмъ тѣ, которые они исповѣдываютъ. Статьи, по крайней мѣрѣ отца, носили отпечатокъ энтузіазма и таланта, а послѣ него можно было представить массу писателей, достаточно многочисленныхъ, чтобы способствовать дальнѣйшему развитію журнала. Наконецъ журналъ раскупался, а стало быть его и читали. Все это доставило такъ называемой школѣ Бентама, по вопросамъ философскаго и политическаго характера, чрезвычайно видное мѣсто въ общественномъ мнѣніи, какого она не имѣла сначала, и какого впослѣдствіи не занимала ни одна настолько же серьезная школа въ Англіи. Будучи постоянно въ центрѣ этой школы, я зналъ все, что до нея касалось, а какъ одинъ изъ са-

мыхъ дѣятельныхъ членовъ этой маленькой группы, я могу безъ хвастовства сказать *quorum pars magna fui*, поэтому мнѣ слѣдуетъ болѣе чѣмъ кому другому представить очеркъ ея дѣятельности.

Школа эта составилась изъ молодыхъ людей, сгруппировавшихся вокругъ отца подъ обаяніемъ его разговора и славы его трудовъ и въ болѣшой или меньшей степени усвоившихъ его взгляды на политику и, такъ сказать, пропитавшихся ими. Рассказывали, что Бентамъ былъ окружено толпою учениковъ, жадно схватывавшихъ каждое слово изъ его устъ; ложь этой басни отецъ доказалъ въ своихъ *Fragment on Macintosh*, а нелѣпость ея очевидна для всѣхъ, знавшихъ привычки Бентама и его манеру бесѣдоватъ. Вліяніе Бентама получило такое широкое распространеніе только благодаря его сочиненіямъ: посредствомъ нихъ онъ дѣйствовалъ на сердца людей и до сихъ поръ еще производить на человѣчество дѣйствіе гораздо болѣе глубокое и захватывающее, чѣмъ какое имѣлъ когда-либо отецъ. И поэтому онъ является гораздо болѣе крупною историческою личностью, чѣмъ мой отецъ; послѣдній имѣлъ большое вліяніе только на людей, лично его знавшихъ. Его высоко цѣнили за его полную убѣжденія и поучительности бесѣду, и онъ широко пользовался этой способностью для пропаганды своихъ убѣжденій. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы такъ блестяще выказывалъ свои мысли въ разговорѣ. Необыкновенное умѣніе пользоваться громадными средствами ума, скажность и определенность выраженій и строгое правственное сознаніе дѣлали его однимъ изъ чрезвычайно живыхъ и увлекательныхъ собесѣдниковъ. У него всегда былъ запасъ шутокъ, онъ смеялся отъ

чистаго сердца, и въ кругу своихъ любимыхъ друзей являлся самыи веселымъ и забавнымъ товарищемъ. Его сила выказывалась не только въ пропагандѣ его идей, но и во вліяніи крайне рѣдко встрѣчающейся способности, которую я научился цѣнить только впослѣдствіи; эта способность заключалась въ страстной любви его къ общественному благу и въ рвени, съ которымъ онъ относился къ человѣческому благосостоянію; это рвение вызывало къ дѣятельности и придавало жизненную силу аналогическимъ добродѣтелямъ, зародышіи которыхъ онъ встрѣчалъ у людей его окружавшихъ, и побуждало ихъ къ дѣятельности. Онъ внушалъ въ нихъ желаніе заслужить его похвалу, а своею бесѣдою, а также и жизнью онъ оказывалъ нравственную поддержку всѣмъ, кто стремился къ одной съ нимъ цѣли. Онъ ободрялъ слабыхъ и впавшихъ въ уныніе людей, находившихся вокругъ него, твердою вѣрою въ силу разума, во всеобщій прогрессъ и въ добро, которое можетъ сдѣлать человѣкъ благоразумными усилиями (хотя онъ далеко не былъ увѣренъ въ успѣхѣ каждого дѣла).

Мнѣнія моего отца придавали отличительный характеръ пропагандѣ бентамистовъ и утилитаристовъ того времени. Онъ разбрасывалъ свои идеи по всѣмъ направленіямъ, какъ будто бы онъ изливались изъ неизысканного источника; онъ распространялись главнымъ образомъ тремя путями. Въ-первыхъ я, самъ, единственный умъ, образованный всецѣло подъ его руководствомъ, явился орудіемъ, съ помощью котораго отецъ подчинилъ собственному вліянію многихъ молодыхъ людей, въ свою очередь ставшихъ дѣятельными пропагандистами его идей. Во-вторыхъ, пѣсколько товарищей Чарльза Остена, по Кембриджскому университету, или лично

черезъ него или побуждаемые его вліяніемъ, усвоили себѣ мнѣнія аналогичныя съ убѣжденіями моего отца. Самые замѣчательные изъ нихъ искали общества отца и часто бывали у него. Между ними можно указать на Струта — впослѣдствіи лорда Бельпера и на нынѣшняго лорда Ромилы, съ отцомъ которого сэромъ, Самюэлемъ Ромилы, мой отецъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Наконецъ третьимъ орудіемъ являлось болѣе юное поколѣніе Кэмбриджскихъ студентовъ, сверстниковъ не Остена, а Эйтона Тука, которое группировалось вокругъ этого талантливаго человѣка, благодаря тожественности своихъ мнѣній, пбыли имъ представлены отцу. Изъ нихъ самыми замѣчательными былъ Чарльзъ Бѣллеръ. Сверхъ того и другія лица отдельно подпадали подъ вліяніе отца и способствовали распространению его идей. Такими, напримѣръ, были Блокъ и Фонбланкъ, о которыхъ я уже упоминалъ выше. Однако большая часть этихъ людей являлась для насъ только союзниками, и не всѣ оказывали намъ свое содѣйствіе. Такъ Фонбланкъ постоянно расходился съ нами во многихъ важныхъ вопросахъ. Впрочемъ въ образованныхъ нами группахъ далеко не существовало совершенного единодушія, и никто пзъ насъ не воспринималъ слѣпо всѣхъ идей отца. Вотъ примѣръ этому: мы всѣ считали его „*Очеркъ правительственной системы*“ образцомъ политической философіи, но мы никакъ не были согласны съ той частью этого труда, гдѣ онъ утверждаетъ, что при хорошемъ нравленіи женщины могутъ быть лишены права подачи голосовъ, такъ какъ ихъ интересы сливаются съ интересами мужчинъ. Я и мои избранные товарищи очень рѣзко возставали противъ такого уч-

нія. Надо отдать справедливость отцу, что онъ отрицалъ принципъ исключенія женщинъ изъ участія въ общественной жизни, наравнѣ съ мужчинами, не достигшимъ сорокалѣтняго возраста, относительно чего онъ выставилъ въ слѣдующемъ параграфѣ совершенно сходный тезисъ. Онъ говорилъ (и вполнѣ справедливо), что въ данномъ параграфѣ онъ не занимался обсужденіемъ вопроса, лучше ли бы ограничить подачу голосовъ, а только искалъ исхода изъ того положенія, что это ограниченіе допущено, каковъ крайній предѣлъ этого ограниченія, который не влечеть за собою нарушение условій устойчивости хорошаго правленія. Но я думалъ какъ въ то время такъ и всегда посль, что мнѣніе, которое мой отецъ признавалъ, такъ же какъ и то, которое отрицалъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляли заблужденія подобно тѣмъ, противъ которыхъ онъ воставалъ въ своемъ очеркѣ; я полагаю, что интересы женщинъ настолько же сливаются съ интересами мужчинъ, насколько интересы подданныхъ съ интересами властителей и что всякое основаніе, требующее избирательного права для кого бы то ни было, требуетъ также не лишать этого права женщинъ. Таково было мнѣніе нашихъ юныхъ прозелитовъ, и мнѣ очень приятно сказать, что Бентамъ былъ совершенно солидаренъ съ нами.

Хотя никто изъ нась, по всей вѣроятности, не былъ согласенъ съ моимъ отцомъ во всѣхъ пунктахъ, но его мнѣнія, какъ я уже сказалъ, являлись главнымъ элементомъ, придающимъ известный оттенокъ и характеръ маленькой группѣ молодыхъ людей, первыхъ пропагандистовъ того, что впослѣдствіи получило позваніе *философскаго радикализма*. Обзоръ мыслей этой группы

не можетъ быть названъ бентамизмомъ въ томъ смыслѣ, что Бентамъ былъ ея вождемъ и руководителемъ, но скорѣе его можно назвать такою системою, въ которой идеи Бентама сливались съ современною политической экономіей и метафизикой Гартлея. Принципъ народо-населенія Мальтуса былъ столько же нашимъ знаменемъ, сколько и какое-либо мнѣніе, принадлежащее собственно Бентаму. Эту великую доктрину, первоначально выставленную какъ аргументъ противъ безграничнаго улучшения соціального порядка, мы примѣняли съ пла-меннымъ усердіемъ къ совершенно противоположнымъ доказательствамъ, такъ какъ она указывала намъ единственный способъ къ осуществленію этого прогресса, обезпечивая всему рабочему классу болѣе высокую заработную плату, благодаря добровольному ограниченню возрастанія числа его членовъ. Другія главныя черты нашего ученія, въ которыхъ я былъ вполнѣ солидаренъ съ отцомъ, состояли въ слѣдующемъ: въ политикѣ мы питали почти безграничную вѣру въ цѣлесообразность представительного правительства и полной свободы слова. Убѣженіе отца во вліянії разума на человѣческіе умы во всѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣеть къ нимъ доступъ, было такъ велико, что, по его словамъ, все было бы достигнуто, если бы весь народъ умѣль читать, если бы мнѣнія могли свободно выражаться и путемъ проповѣди и путемъ печати, и если бы, благодаря всеобщему праву голосованія, народъ имѣль возможность избирать такое законодательное собраніе, которое проводило бы на практикѣ господствующія мнѣнія. Онъ полагалъ, что когда законодательное собраніе перестанетъ быть представителемъ интересовъ одного класса, оно будетъ стремиться чест-

нымъ и благоразумнымъ путемъ къ общему благу, такъ какъ народъ, подъ руководствомъ образованныхъ людей, будетъ самъ выбирать достойныхъ представителей и предоставлять имъ разумную свободу въ ихъ дѣйствіяхъ. Поэтому, онъ энергично порицалъ аристократические принципы и олигархическое правлениe въ какой бы то ни было формѣ; въ немъ онъ усматривалъ единственное препятствіе, мѣшавшее людямъ управлять своими собственными дѣлами со всей мудростью, на которую они способны; онъ требовалъ прежде всего какъ главный пунктъ своей политической теоріи, участія демократіи въ подачѣ голосовъ, основывая это не на идеи свободы, правъ человѣка или какихъ-либо иныхъ болѣе или менѣе знаменательныхъ изреченіяхъ, съ помощью которыхъ демократія до той поры защищала этотъ принципъ, а на условіяхъ «устойчивости, безъ которой не можетъ существовать ни одно хорошее правлениe». Въ этомъ отношеніи онъ придерживался того, что казалось ему наиболѣе существеннымъ. Формы правления республиканскія или монархическія были для него почти безразличны. Не такъ думалъ Бентамъ, по мнѣнію котораго феодальный порядокъ управленія былъ чрезвычайно вреденъ. Послѣ аристократіи предметомъ самой глубокой оппозиціи моего отца была англиканская церковь, съ корпораціей пасторовъ, упражнявшихъ религию своими злоупотребленіями и возстававшихъ противъ всякаго развитія человѣческаго ума. Однако лично онъ не питалъ вражды ни къ кому изъ духовныхъ лицъ, который того не заслуживалъ, даже находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ некоторыми изъ нихъ. Въ сферѣ этики его чувства были энергичны и суровы по отношенію ко всемъ пунктамъ, которые онъ

считалъ важными для блага человѣчества, но онъ выказывалъ въ теоріи крайнюю индифферентность (хотя она и не обнаруживалась въ его поведеніи) ко всѣмъ доктринаамъ обычной нравственности, основаннымъ, по его мнѣнію, только на одномъ формализмѣ и клерикализмѣ. Онъ желалъ, напримѣръ, значительнаго увеличенія свободы въ отношеніяхъ между полами, хотя точно не указывалъ, въ чёмъ будутъ состоять или должны состоять условія этой свободы. Это мнѣніе не носило отпечатка чувственности ни въ теоріи, ни на практикѣ. Онъ предполагалъ, напротивъ, что это увеличеніе свободы поведеть къ тому, что умъ, удалившись отъ физическихъ отношеній и ихъ аксессуаровъ, не будетъ ихъ ставить одною изъ главныхъ цѣлей въ жизни, что по его мнѣнію, было самымъ большимъ зломъ и извращеніемъ человѣческой природы. Въ психологіи его основная доктрина заключалась въ образованіи человѣческаго характера обстоятельствами, по всеобщему принципу закона ассоціації, и слѣдовательно, какъ слѣдствіе, онъ допускалъ возможность безграничнаго усовершенствованія моральнаго и интеллектуальнаго положенія человѣчества. Изъ всѣхъ его теорій эта психологическая доктрина была самая важнаe и наиболѣе нуждавшаяся въ распространеніи. Къ несчастью неѣть принципа, который находился бы въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ господствующими направленіями въ философіи, какъ во времена отца, такъ и теперь.

Маленький кружокъ молодыхъ людей, среди которыхъ былъ и я, усвоивалъ себѣ эти различныя мнѣнія съ энтузіазмомъ юности; мы придавали имъ такой сектаторскій духъ, которымъ никогда, по крайней мѣрѣ сознательно, не отличался отецъ. По нелѣпому преувеличе-

нио иѣкоторые утверждали, что наше общество (или скорѣе какой-то призракъ, поставленный на его мѣсто) образуетъ «школу». Иѣкоторые изъ насъ дѣйствительно одно время надѣялись составить школу. Мы взяли себѣ образцомъ французскихъ философовъ XVIII столѣтія, надѣясь достигнуть такихъ-же результатовъ. Ни одинъ членъ нашего союза, какъ я уже сказалъ, не шелъ далѣе меня въ стремлениіи удовлетворить этому юношескому честолюбію; я могъ бы доказать это, приведя много примѣровъ, если бы на это стопло терять мѣсто и время.

Все это, собственно говоря, представляетъ только вѣнчнюю сторону нашей жизни, или по крайней мѣрѣ интеллектуальную часть этой стороны, пожалуй даже исключительно послѣднюю. Если же я попытаюсь проникнуть глубже и дать иѣкоторое указаніе на то, чѣмъ мы были какъ люди, то я прошу читателей не забывать, что я имѣю въ виду только самого себя, единственную личность, о которой я могу говорить вполнѣ сознательно; кромѣ того я не думаю, чтобы составленное мною описание кого-либо изъ товарищѣй, соотвѣтствовало бы оригиналу, по крайней мѣрѣ безъ многочисленныхъ и очень важныхъ поправокъ.

Часто говорить, что бентамистъ не что иное какъ простая разсуждающая машина; это опредѣленіе въ очень малой степени соотвѣтствуетъ большинству тѣхъ, которымъ даютъ такое название; но относительно меня въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ оно не было вполнѣ несправедливо. Это название можно было, вѣроятно, примѣнить и къ каждому молодому человѣку, вступающему на жизненный путь, для котораго обыкновенные предметы человѣческихъ желаній должны въ боль-

шай или меньшей степени имѣть привлекательность новизны. Нѣть ничего необыкновенного въ этомъ фактѣ. Можно ли было требовать отъ молодого человѣка моихъ лѣтъ, чтобы онъ былъ болѣе разностороннѣй, чѣмъ какимъ былъ я. Честолюбіемъ и желаніемъ совершилъ что-либо изъ ряда вонъ выходящее я отличался въ высшей степени; усердіе къ тому, что я считалъ благомъ человѣчества, было моимъ наиболѣе глубокимъ чувствомъ; оно смыщивалось съ другими чувствами и придавало имъ известный оттенокъ. Но въ эти годы мое усердіе распространялось только на умозрительныя мнѣнія. Оно не основывалось на искреннемъ сочувствіи или на симпатіи къ человѣчеству, хотя эти достоинства занимали подобающее мѣсто въ моихъ нравственныхъ понятіяхъ, но они нисколько не сопровождались живымъ энтузіазмомъ, присущимъ благородному идеалу; однако я былъ очень склоненъ въ воображеніи испытывать это чувство, но въ то же время я былъ лишенъ того, что составляетъ его естественную пищу, т. е. поэтической культуры, тогда какъ я былъ воспитанъ полемикою, т. е. чистой логикою и анализомъ. Прибавьте къ этому, что воспитаніе отца стремилось къ тому, чтобы унизить значеніе чувства. Это не оттого, чтобы онъ самъ былъ холоднымъ или безчувственнымъ человѣкомъ; скорѣе наоборотъ, онъ полагалъ, что не стоило заниматься чувствомъ, котораго вполнѣ достаточно у каждого человѣка, если только мы будемъ обращать серьезное вниманіе на наши поступки. Онъ возставалъ противъ того, что въ этикѣ и въ философіи такъ часто пользуются чувствомъ, какъ послѣднимъ доводомъ, что къ нему прибѣгаютъ для оправданія поступковъ тогда, какъ оно должно само искать

оправданий; онъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что поступки, которые производятъ отрицательное дѣйствіе на благо людей, ставятся на практикѣ подъ защиту чувства; онъ отказывался приписывать чувству какое либо значеніе въ оцѣнкѣ людей или ихъ дѣйствій.

Кромѣ этой антипатіи отца къ чувству, оказавшей вліяніе на меня и на другихъ, мы постоянно видѣли, что всѣ важнѣйшія мнѣнія, намъ наиболѣе дорогія, всегда оспаривались нашими противниками съ точки зрѣнія чувства. Принципъ полезности считался холоднымъ разсчетомъ, политическая экономія выставлялась безчеловѣчіемъ, осуществленнымъ на дѣлѣ, а доктрину Мальтуса обѣ уменьшеніи народонаселенія рассматривали, какъ теорію, противорѣчащую естественнымъ человѣческимъ чувствамъ. Въ отвѣтъ мы употребляли выраженія: «сантиментальность», «общія мѣста», «пустыя обобщенія», какъ презрительные термины. Безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ мы были правы, но въ результатахъ развитіе чувства (за исключеніемъ чувства общественнаго или личнаго долга), не пользовалось среди насъ уваженіемъ и не занимало много мѣста въ нашихъ мысляхъ, особенно въ моихъ. Всего чаще думали мы о томъ, чтобы измѣнить мнѣнія людей и заставить ихъ вѣрить только въ очевидность, а также и сознать ихъ истинные интересы. Сознавая вполнѣ высокое достоинство безкорыстія и любви къ справедливости, мы ожидали возрожденія человѣчества не отъ какой-нибудь непосредственной дѣятельности чувствъ, а отъ вліянія умственного развитія, которое даетъ падлежащее направление эгоистическимъ чувствамъ человѣка. Хотя, конечно, это вліяніе чрезвычайно важно, какъ средство къ улучшенію, въ рукахъ людей, одушевленныхъ

самыми благородными побуждениями, однако, никто изъ бентамистовъ или утилитаристовъ тогдашняго времени не считалъ его до сихъ поръ главнымъ факторомъ прогрессивнаго улучшения человѣчества.

Естественнымъ слѣдствиемъ такого отношенія въ теоріи и практикѣ къ развитію чувствъ между прочимъ явилось направленіе, которое не позволяло намъ оцѣнить по достоинству поэзію и вообще воображеніе, какъ элементы человѣческой природы. По общему мнѣнію бентамистъ былъ врагомъ поэзіи; это обвиненіе отчасти справедливо относительно самого Бентама; онъ обыкновенно говорилъ, что «поэзія вносить разладъ въ область мысли». Но то значеніе, которое онъ придавалъ этой шуткѣ, можно отнести и ко всякой увлекательной рѣчи, ко всякому увѣщанію или наставлению болѣе краснорѣчивому, чѣмъ ариѳметическая задача. Статья Бингама, въ первомъ нумерѣ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, доставила превосходный предметъ тѣмъ, которые обвиняли насъ во враждебномъ отношеніи къ поэзіи. Для объясненія одного изъ своихъ критическихъ взглядовъ о Мурѣ, онъ сказалъ: «Муръ — поэтъ, съдовательно онъ не умѣеть мыслить». Въ дѣйствительности нѣкоторые изъ насъ были большими любителями поэзіи, а Бингамъ самъ писалъ стихи.

Что-же касается меня, а также и моего отца, то правильнѣе было бы сказать, что я вовсе не питалъ презрѣнія къ поэзіи, но въ теоріи относился къ ней совершенно индифферентно. Чувства, которыя миѣ не были по сердцу въ поэзіи, я не любилъ и въ прозѣ, а такихъ было много. Я совершенно не признавалъ мѣста, которое поэзія занимала въ воспитаніи человѣка, и ея роль въ развитіи чувствъ. Но лично я чувство-

валъ пристрастіе къ нѣкоторымъ видамъ поэзіи. Въ ту эпоху, когда мой бентамизмъ носилъ на себѣ наиболѣе сектантскій характеръ, мнѣ попался на глаза *Опытъ о человѣкѣ* Попа, и хотя всѣ идеи этого сочиненія шли въ разрѣзъ съ моими собственными, я отлично помню, какое могущественное впечатлѣніе оно произвело на мой умъ. Быть можетъ, въ то время другое поэтическое произведеніе, болѣе возвышенное по мысли, чѣмъ это краснорѣчивое разсужденіе въ стихахъ, и не произвело бы на меня подобнаго дѣйствія. Во всякомъ случаѣ мнѣ очень рѣдко приходилось испытывать такое ощущеніе. Однако, это отношеніе къ поэзіи былъ чисто пассивнымъ; давно уже я въ значительной степени расширилъ основанія моихъ интеллектуальныхъ убѣжденій; въ естественномъ развитіи моихъ умственныхъ способностей я подпалъ подъ вліяніе самаго драгоцѣннаго вида поэзіи, благодаря восторженному удивленію къ дѣятельности и характерамъ герническихъ личностей въ исторіи и философіи. То же самое животворное дѣйствіе, какое испытывали многіе благодѣтели человѣчества при чтеніи жизнеописаній Плутарха, на меня производила характеристика Сократа, сдѣланная Платономъ, а изъ современныхъ біографій «Жизнь Тюрго», написанная Кондорсе; послѣднее сочиненіе способно возбудить самый живой энтузіазмъ, такъ какъ здѣсь разсказана одна изъ самыхъ разумныхъ и благородныхъ человѣческихъ жизней и притомъ описанная однѣмъ изъ разумѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей. Геройская добродѣтель этихъ знаменитыхъ представителей мітній, на сторонѣ которыхъ была вся моя симпатія, производила на меня глубокое впечатлѣніе; я постоянно возвращался къ нимъ, какъ другое къ

своему излюбленному поэту, когда я испытывалъ потребность перенестись въ возвышенную область чувства и мысли. Я долженъ замѣтить мимоходомъ, что эта книга излѣчила меня отъ всѣхъ нелѣпостей сектантства. Двѣ или три страницы, начинающіяся словами: «Онъ считалъ всякую секту безусловно вредной» и объясняющія, почему Тюрго всегда держался вдали отъ общества энциклопедистовъ, глубоко запали въ моемъ умѣ. Я бросилъ привычку давать себѣ и другимъ прозвище утилитаристовъ, точно такъ же какъ и пересталъ употреблять мѣстоименіе *мы* или какое-либо другое обозначеніе сообщества. Однимъ словомъ я пересталъ играть роль сектатора. Внутренній же духъ сектантства я носилъ въ себѣ еще долгое время и отдавался отъ него очень медленно.

Въ концѣ 1824 или въ началѣ 1825 года Бентамъ, получивъ обратно свои рукописи о «Судебныхъ доказательствахъ» отъ Дюмона (сочиненіе котораго *Traité des preuves judiciaires*, основывавшееся на нихъ, было окончено и издано) рѣшился напечатать ихъ въ оригиналѣ. Ему пришло на умъ поручить мнѣ привести ихъ въ порядокъ для печатанія; точно также не задолго передъ тѣмъ были изданы и его «Софизмы» Бингамомъ. Я взялся за это съ удовольствіемъ и посвятилъ на это весь свой досугъ въ теченіе года, не считая времени, потребовавшагося для чтенія корректуръ пяти большихъ томовъ. Бентамъ трижды принимался за этотъ трудъ съ значительными перерывами времени и каждый разъ въ различной формѣ, не ссылаясь вовсе на предыдущіе труды, при чёмъ въ двухъ случаяхъ онъ довѣль свою работу почти до конца. Изъ трехъ рукописей я долженъ быть составить одно цѣлое, принимая за основаніе

позднѣе оконченную часть и заимствуя изъ двухъ другихъ то, что совсѣмъ не вошло въ составъ третьей. Надо было исправить иѣкоторыя выраженія Бентама, непонятныя, изобилующія вводными предложеніями и настолько запутанныя, что никакъ нельзя было надѣяться, чтобы читатель взялъ на себя трудъ вникать въ ихъ смыслъ. Сверхъ того Бентамъ очень желалъ, чтобы я самъ пополнилъ пробѣлы, сдѣланные имъ; для этой цѣли я прочелъ сочиненія, признававшіяся наиболѣе авторитетными относительно доказательствъ въ англійскомъ правѣ, и комментировалъ иѣкоторые пункты предписаній закона, которые ускользнули отъ Бентама. Я отвѣчалъ на критические разборы иѣкоторыхъ изъ его доктринъ, помѣщенные въ журналахъ, которые занимались тогда книгою Дюмона; я прибавилъ небольшое число дополнительныхъ замѣчаній относительно самыхъ отвлеченныхъ сторонъ предмета, напримѣръ, относительно теоріи вѣроятностей или невѣроятностей. Часть этихъ издательскихъ примѣчаній, посвященная возраженіямъ, была написана болѣе рѣшительнымъ тономъ, чѣмъ то приличествовало мнѣ, молодому и неопытному автору; но я никогда не думалъ выставлять себя на первый планъ; я былъ анонимнымъ редакторомъ сочиненія Бентама и перенялъ тонъ автора, полагая, что онъ совершенно соотвѣтствовалъ его обычной манерѣ. Мое имя, какъ редактора, было выставлено на книгѣ только послѣ отпечатанія и то по непремѣнному желанію Бентама, несмотря на всѣ просьбы съ моей стороны.

Время, которое я потратилъ на эту работу, оказалось благодѣтельное вліяніе на мое развитіе. Теорія юридическихъ доказательствъ—одно изъ лучшихъ сочиненій

Бентама по богатству материала. Теорія доказательствъ сама по себѣ составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, разработкою которыхъ онъ занимался; она многочисленными узами связана съ большинствомъ другихъ вопросовъ, такъ что въ ней изложены многія изъ его лучшихъ идей. Кромѣ того между другими болѣе специальными предметами въ сочиненіи Бентама можно найти самое обстоятельное изложеніе недостатковъ и пробѣловъ въ англійскомъ законодательствѣ того времени; тамъ находился также обстоятельный очеркъ полнаго судопроизводства Вестминстерской судебной палаты. Свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ этого сочиненія, болѣе глубоко запечатлѣлись въ моемъ умѣ, чѣго не могло случиться, если-бы я ограничилъся однімъ чтеніемъ, а это было не маловажное пріобрѣтеніе. Но это занятіе принесло мнѣ еще и другую пользу, которую, повидимому, всего менѣе можно было ожидать; оно само возбудило во мнѣ способности сочинять. Все, написанное мною послѣ изданія этой книги, было несравненно выше, чѣмъ то, что я писалъ раньше. Слогъ Бентама въ послѣднемъ сочиненіи былъ тяжелый и запутанный, что происходило отъ хорошаго качества, а именно отъ любви къ точнымъ опредѣленіямъ, которая и заставляла его вставлять въ каждую фразу иѣсколько вводныхъ предложенийъ; онъ хотѣлъ, чтобы читатель сразу понялъ основное положеніе и все вытекающія изъ него послѣдствія и подробности. Это обыкновеніе приводило къ тому, что его фразы становились при чтеніи крайне утомительными для людей, непривыкшихъ къ его манерѣ. Но слогъ первыхъ его трудовъ «*Отрывка о правительственной системѣ*» и «*Плана юридическихъ учрежденій*» является образцомъ живого, легкаго и

обстоятельного изложения, примѣры котораго крайне рѣдки; много подобныхъ мѣсть встрѣчалось и въ рукописяхъ «*Teorii доказательствъ*» причемъ я старался сохранить ихъ во всей неприкословенности. Такое продолжительное общеніе съ этимъ удивительнымъ трудомъ имѣло громадное вліяніе на мой слогъ; я продолжаль совершенствовать его членіемъ другихъ авторовъ, какъ англійскихъ такъ и французскихъ, у которыхъ сила слога удивительнымъ образомъ соединялась съ простотою; таковы Гольдемитъ, Фильдингъ, Паскаль, Вольтеръ и Курье. Благодаря всему этому мой слогъ потерялъ сухость, которая была замѣтна въ моихъ первыхъ сочиненіяхъ; на костяхъ и хрящахъ остова стало прибавляться мяса, и мой стиль пріобрѣлъ наконецъ жизненность, почти легкость.

Это улучшеніе обнаружилось на совершенно новой аренѣ. Маршаль изъ Лисса, родоначальникъ нынѣшнихъ Маршаловъ, былъ посланъ въ парламентъ отъ Уоркмира, которому только что досталось представительство, за уменьшеніемъ числа жителей въ мѣстечкѣ Грампаундъ. Этотъ человѣкъ, убѣжденный сторонникъ парламентской реформы, обладатель громаднаго богатства, употреблявшій его на полезныя дѣла, былъ крайне пораженъ книгою «*Софизмовъ*» Бентама; у него явилась мысль, что было бы полезно публиковать парламентскіе дебаты, но не въ хронологическомъ порядке, принятомъ Ганзардомъ, а располагая ихъ по предметамъ и снабжая комментаріями, указывающими на промахи ораторовъ. Для выполненія этого онъ естественно обратился къ редактору книги о «*Софизмахъ*», и Бингамъ съ помощью Чарльза Остена, предпринялъ изданіе такого труда, который получилъ название «*Исторія и обзоръ Парла-*

мента», но въ виду недостаточнаго сбыта, выходилъ только въ теченіе трехъ лѣтъ. Однако онъ возбудилъ нѣкоторое вниманіе въ средѣ политическихъ и парламентскихъ дѣятелей. Радикальная партія употребила всѣ старанія и дѣйствительно добилась репутаціи, какую никогда не могла пріобрѣсти посредствомъ *Вестминстерской Обозрѣнія*. Бингамъ и Чарльзъ Остенъ много писали тамъ такъ же, какъ Струтъ, Ромпли и нѣкоторые другіе либеральные юристы; мой отецъ далъ одну прекрасную статью; Остенъ старшій помѣстилъ одну и Каульсонъ написалъ также одну статью, заслуживающую большого вниманія. На мою долю выпало написать первую статью въ первой книжкѣ о главномъ вопросѣ сессіи (1825) «Объ ассоціаціяхъ» и объ «Ограничениіи правъ католиковъ».

Во второй книжкѣ я помѣстилъ очеркъ торгового кризиса въ 1825 году и дебатовъ относительно денежнаго обращенія. Въ третьемъ нумерѣ было двѣ моихъ статьи, одна о второстепенномъ вопросѣ,—другая о принципѣ взаимности въ торговлѣ, по поводу знаменитой дипломатической корреспонденціи между Канингхомъ и Галатиномъ. Эти статьи не являлись уже болѣе воспроизведеніемъ и примѣненіемъ заученныхъ мною теорій, но обнаруживали и оригинальныя мысли, если только можно такъ назвать старинныя идеи въ обновленной формѣ и съ новой точки зрѣнія. Я могу сказать, никакъ не грѣша противъ истины, что эти сочиненія отличались зрѣлостью мысли, какая не встрѣчалась ни въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ трудовъ. Но выполнению они уже не были юношескими трудами, по ихъ предметы или потеряли всякий интересъ, или были впослѣдствіи г҃раздо лучше обработаны, такъ что

ихъ надо предать забвению, вмѣстѣ съ другими моими произведеніями, помѣщеннымыи, въ первое время существованія *Вестминстерскаго Обозрѣнія*.

Занимаясь составленіемъ статей для печати, я не пренебрегалъ и другими средствами къ самообразованію. Въ эту эпоху я изучилъ нѣмецкій языкъ по Гамильтоновскому методу; для этой цѣли мы съ нѣкоторыми товарищами образовали специальный классъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наши общія занятія принали особую форму, способствовавшую въ значительной степени развитію моего ума. Намъ пришла мысль соединиться для того, чтобы изучить посредствомъ чтенія и разговора нѣкоторыя отрасли знанія, которыя мы хотѣли усвоить себѣ. Гrotъ предложилъ для этого комнату въ своемъ домѣ въ улицѣ Threadneedle, а его другъ Прескоттъ, одинъ изъ трехъ членовъ-основателей общества утилитаристовъ, присоединился къ намъ. Мы собирались два раза въ недѣлю по утрамъ отъ $8\frac{1}{2}$ до 10 часовъ, послѣ чего большинство изъ насъ должны были возвращаться къ своимъ обыденнымъ занятіямъ. Первымъ предметомъ нашихъ изученій была политическая экономія; мы хотѣли выбрать систематическое руководство для болѣе успѣшнаго ознакомленія съ ней, и нашъ выборъ палъ прежде всего на книгу моего отца «Основы Политической Экономіи». Одинъ изъ насъ прочитывалъ вслухъ главу, или часть ея, а затѣмъ начиналось обсужденіе; всѣ, имѣвшіе что-либо возразить или замѣтить, высказывали свои мнѣнія. Мы поставили себѣ за правило исчерпывать каждый возбуждаемый вопросъ, крупный или мелкій, до конца; мы дали препіе до тѣхъ поръ, пока всѣ, принимавши въ немъ участіе, не были удовлетворены выводами; мы

продолжали рассматривать каждый вопросъ, какъ и всякое побочное воззрѣніе, представлявшееся намъ при чтеніи какой-либо главы или при обсужденіи, до тѣхъ поръ, пока затрудненія, встрѣчавшіяся на нашемъ пути, не были разрѣшены. Мы часто обсуждали извѣстные вопросы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, серьезно обдумывая ихъ въ промежутки между нашими собраніями и разрѣшая новыя затрудненія, мотуя возникнуть въ будущемъ засѣданіи. Когда мы покончили съ «Основами» моего отца, то принялись за «Основанія экономіи» Рикардо и за «Разсужденіе о цѣнностяхъ» Бэлл. Эти сжатыя и точныя разсужденія не только способствовали развитію тѣхъ, которые принимали въ нихъ участіе, но и заставили вырабатывать новые взгляды относительно нѣкоторыхъ сторонъ отвлеченной политической экономіи. Теорія международныхъ цѣнностей, которую я напечаталъ впослѣдствіи, была результатомъ этихъ разговоровъ, также и измѣненія, какія я внесъ въ теорію Рикардо относительно прибыли, и которая я изобразилъ въ «Очеркѣ Прибыли и Процентовъ». Главнымъ образомъ новыя идеи являлись у Эллиса, Грэгема и у меня; остальные также вносили въ пренія драгоцѣнную долю, особенно Прескоттъ и Робукъ, одинъ своими знаніями, другой за конченностью своей діалектики. Теорія международныхъ цѣнностей и прибыли была изслѣдована и разработана почти равномѣрно мною и Грэгемомъ, и если-бы нашъ первоначальный проектъ осуществился, то были бы изданы мои *Очерки нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ политической экономіи* съ прибавленіемъ нѣсколькихъ статей Грэгема и съ фамиліями авторовъ.

Но когда мое сочиненіе было окончено, я нашелъ,

что я слишкомъ полагался на свою солидарность съ Грэгемомъ и что его мнѣніе настолько расходилось съ тѣмъ, которое я выразилъ въ наиболѣе оригинальномъ изъ двухъ очерковъ, а именно въ очеркѣ о международныхъ цѣнностяхъ, что я долженъ былъ признать эту теорію исключительно принадлежавшей мнѣ, и я издалъ ее подъ своимъ именемъ несолько лѣтъ спустя. Я могу подтвердить, что измѣненія, которые были сдѣланы отцомъ въ его *Основахъ Политической Экономіи* при третьемъ изданіи, были основаны на критическихъ взглядахъ, выработанныхъ нашими совмѣстными разсужденіями; онъ измѣнилъ свои мнѣнія относительно упомянутыхъ мною вопросовъ, хотя совершенно и не былъ согласенъ съ нами.

Усвоивъ въ достаточной степени политическую экономію, мы перешли такимъ же порядкомъ къ силлогистической логикѣ. Въ нашихъ собраніяхъ принялъ тогда участіе Гротъ. Первая книга, за которую мы взялись, было сочиненіе Альдриха, но оно скоро намъ надоѣло своимъ поверхностнымъ характеромъ, и мы приступили къ изученію одного изъ самыхъ совершенныхъ трудовъ по схоластической логикѣ (находившагося въ библіотекѣ моего отца, большого любителя подобныхъ книгъ) *Manuductio ad Logicam*, іезуита Дю-Тrie. Покончивъ съ этимъ сочиненіемъ, мы перешли къ логикѣ Ветлея, которая только что была перепечатана изъ «*Encyclopaedia Metropolitana*» и наконецъ къ *Computatio sive Logica* Гоббса. Эти книги, изучаемыя нами принятымъ порядкомъ, открыли намъ обширное поле метафизическихъ умозрѣній, а результатомъ этихъ разсужденій явилась большая часть тѣхъ измѣненій, которыхъ мною сдѣланы въ первой части «*Системы Ло-*

ики» для исправлениі принциповъ и отличій схоластическихъ логиковъ и усовершенствованія теорії значенія предложенія. Грэгемъ и я предлагали большинство новыхъ идей. Гrotъ и другіе являлись ихъ критиками и составляли превосходный трибуналъ. Съ этого времени у меня зародилась мысль написать сочиненіе по логикѣ, хотя въ гораздо болѣе скромномъ видѣ, чѣмъ я это выполнилъ.

Когда мы покончили съ логикой, то приступили къ аналитической психологіи. Мы избрали руководствомъ трудъ Гартлея и подняли цѣны на изданіе Пристлея до баснословныхъ размѣровъ, такъ какъ отыскивали по всему Лондону по экземпляру для каждого изъ насъ. Послѣ изученія Гартлея мы прекратили наши собранія, но когда немного позднѣе вышелъ въ свѣтъ «Анализъ ума», мы снова стали собираться. Этимъ закончились всѣ наши занятія. Я всегда пріурочивалъ ко времени этихъ собраній ту эпоху, когда я сталъ оригинальнымъ и независимымъ мыслителемъ; благодаря имъ я пріобрѣлъ или по крайней мѣрѣ подкрѣпилъ привычку мыслить, которой я обязанъ всѣмъ, что я когда-либо сдѣлалъ или сдѣлаю въ области умозрѣній — привычка никогда не удовлетворяться разрѣшеніемъ только на половину какого-либо труднаго положенія, но безпрестанно возвращаться къ нему до тѣхъ поръ, пока оно не станетъ яснымъ какъ день, — никогда не оставлять безъ разъясненія запутанныхъ деталей вопроса подъ предлогомъ, что онѣ не представляютъ большого значенія; наконецъ никогда не считать, что понимаешь часть предмета, пока не составишь представленіе о цѣломъ.

Участіе, которое мы принимали въ общественныхъ

дебатахъ отъ 1825 до 1830 года, занимало видное мѣсто въ этомъ періодѣ моей жизни, и такъ какъ оно оказалось громадное вліяніе на мое развитіе, то я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Въ то время существовало въ Лондонѣ общество овѣнистовъ, подъ названіемъ *Кооперативнаго Общества*, которое собиралось каждую недѣлю для публичныхъ диспутовъ въ Чансери-Ленъ. Въ началѣ 1825 года Робукъ случайно сопелся съ нѣкоторыми изъ членовъ этого общества и присутствовалъ на одномъ или двухъ засѣданіяхъ; онъ принялъ участіе въ преніяхъ и говорилъ противъ овенизма. Одинъ изъ насъ предложилъ отправиться, въ полномъ составѣ, туда и дать генеральное сраженіе.

Чарльзъ Остенъ и нѣсколько товарищей, обыкновенно не принимавшихъ участія въ нашемъ собраніи, заявили свое одобреніе такому плану. Мы вошли въ сношеніе съ главными членами общества овѣнистовъ, которому эта борьба была весьма пріятна; они на самомъ дѣлѣ предпочитали пренія съ противниками обсужденію вопросовъ въ тѣсномъ кружкѣ, среди сторонниковъ одинаковыхъ взглядовъ. Предметомъ дебата былъ выбранъ вопросъ о народонаселеніи. Чарльзъ Остенъ блестящей рѣчью поддержалъ наши мнѣнія, и борьба продолжалась безпрерывно въ теченіе пяти или шести недѣль передъ переполненной залой, гдѣ присутствовали, кромѣ членовъ общества и ихъ друзей, многочисленные посторонніе слушатели и нѣсколько ораторовъ изъ *Inns of Court*.

Когда эти пренія пришли къ концу, мы начали обсуждать другія достоинства системы Овена; новые дебаты продолжались около трехъ мѣсяцевъ. Это была

борьба на жизнь и на смерть между овенистами и политико-экономистами, на которыхъ первые смотрѣли какъ на своихъ заклятыхъ враговъ; но диспутъ происходилъ въ дружелюбномъ тонѣ. Мы, представители политической экономіи, имѣли въ виду тѣ же цѣли, какъ и овенисты, и старались доказать имъ это. Главнымъ ораторомъ овенистовъ былъ очень уважаемый человѣкъ, съ которымъ я хорошо былъ знакомъ, Вильямъ Томсонъ изъ Корка, авторъ книги «*O разделении богатства*» и «*Воззванія*» въ пользу женщинъ, направленного противъ мнѣній моего отца относительно этого предмета въ его «*Очеркѣ правительственной системы*». Эллісъ, Робукъ и я приняли дѣятельное участіе въ спорахъ, а между ораторами изъ *Juus of Court*, пришедшихъ къ намъ на помощь, я припоминаю Чарльза Виллерса. Наши противники получили также серьезную поддержку со стороны. Очень извѣстный Гэль Джонсъ, тогда уже пожилой человѣкъ, произнесъ передъ нами цвѣтистую рѣчъ, но самое глубокое впечатлѣніе произвѣлъ на меня, хотя я и не былъ согласенъ ни съ однимъ изъ его возраженій, историкъ Тирльваль, сдѣлавшійся впослѣдствій епископомъ св. Давида; тогда онъ былъ адвокатомъ и былъ извѣстенъ только какъ блестящій краснорѣчивый ораторъ, стяжавшій свою репутацію въ Кэмбриджѣ до эпохи Остена и Маколея. Его рѣчъ слѣдовала непосредственно за моей.

Онъ не произнесъ еще десяти фразъ, какъ я уже призналъ въ немъ наиболѣшаго оратора, какого я когда либо встрѣчалъ, и съ тѣхъ поръ я не слыхалъ никого, кого бы могъ поставить выше его въ этомъ отношеніи.

Большой интересъ съ нашей стороны къ этимъ де-

батамъ, предрасположилъ нѣкоторыхъ изъ нась къ воспринятію идеи, выработанной Макъ-Куллохомъ. Онъ думалъ, что было бы полезно имѣть въ Лондонѣ общество, подобное «Умозрительному Обществу» въ Эдинбургѣ, гдѣ между прочимъ Брумъ и Гарнеръ начали свое изученіе ораторскаго искусства. Опытъ, который мы сдѣлали въ *Кoopеративномъ Обществѣ*, не позволялъ намъ сомнѣваться, что въ Лондонѣ найдутся желающіе вступить въ подобный союзъ. Макъ-Куллохъ сообщилъ эту идею нѣсколькоимъ влиятельнымъ молодымъ людямъ, которымъ онъ давалъ частные уроки по политической экономіи. Нѣкоторые изъ нихъ горячо взялись за этотъ проектъ, въ особенности Джорджъ Виллерсъ (впослѣдствіи лордъ Кларендонъ). Онъ съ своими братьями Гайдомъ и Чарльзомъ, Ромилы, Чарльзъ Остенъ, я и нѣкоторые другие, мы соединились и выработали программу общества. Мы рѣшили сходиться въ тавернѣ *Free mason's* и составили блестящій списокъ членовъ, гдѣ на ряду съ именами нѣкоторыхъ членовъ парламента фигурировали почти всѣ наиболѣе знаменитые ораторы Кэмбриджа и Оксфорда. Любопытнымъ фактомъ, который можетъ служить характеристикой направлений того времени, явилось затрудненіе, при набираніи членовъ нашего общества, въ томъ, что мы не могли найти достаточнаго количества торійскихъ ораторовъ. Почти всѣ тѣ, которыхъ мы завербовали въ нашъ союзъ, были либералы всѣхъ оттенковъ и степеней. Кромѣ уже вышеизложенныхъ къ намъ присоединились: Маколей, Тирльваль, Прэдъ, лордъ Говикъ, Самюэль Вильберфорсъ, впослѣдствіи епископъ Оксфордскій, Чарльзъ Пулетъ Томсонъ (позднѣе лордъ Сайденгемъ), Эдуардъ и Генри Литтонъ Бульверъ, Фон-

бланкъ и много другихъ, которыхъ я теперь не припомню, но которые стали известны болѣе или менѣе впослѣдствіи на политическомъ или литературномъ по-прищѣ. Все предвѣщало успѣхъ; но когда наступило время открытия собраній и необходимо было выбрать предсѣдателя, и найти кого-нибудь, кто произнесъ бы вступительную рѣчъ, то никто изъ нашихъ знаменитыхъ членовъ не согласился взять на себя ни одну изъ этихъ обязанностей. Въ числѣ лицъ, къ которымъ мы обращались, только одинъ снизошелъ на наши просьбы, а именно человѣкъ, котораго я зналъ очень мало, но который пользовался громаднымъ успѣхомъ въ Оксфордѣ; говорили, что онъ стяжалъ тамъ славу великаго оратора. Нѣсколько времени спустя онъ вступилъ въ парламентъ представителемъ торіевъ. Онъ былъ избранъ нами для того, чтобы занять предсѣдательское мѣсто и съ тѣмъ, чтобы произнести вступительную рѣчь. Великій день наступилъ; скамьи были переполнены; всѣ знаменитые ораторы находились здѣсь, чтобы критиковать наши усиленія, но не для того, чтобы оказывать намъ помощь. Рѣчъ оксфордскаго оратора была совершенно неудачна. Такое начало неблагопріятно отразилось и на всемъ ходѣ собранія; ораторы, слѣдовавшіе за нимъ, были немногочисленны и посредственны.

Предпріятіе потерпѣло вполнѣ фіаско; знаменитые ораторы, на которыхъ мы разсчитывали, исчезли со сцены и больше не появлялись. Что касается до меня, то я по крайней мѣрѣ получилъ урокъ въ знаніи людей. Эта неожиданная неудача вполнѣ измѣнила роль, которую я игралъ въ нашемъ обществѣ. Я никогда не мечталъ ни занимать первенствующее мѣсто, ни говорить много и часто; но я отлично видѣлъ, что успѣхъ

предпріятія зависѣль отъ людей новыхъ, и я горячо принялъся за это дѣло. Я открылъ препія по второму вопросу, и съ этого времени говорилъ почти въ каждомъ засѣданіи. Въ теченіе нѣкотораго времени намъ приходилось бороться съ большими затрудненіями. Троє Виллерсовъ и Ромилы оставались вѣрными намъ еще въ продолженіе нѣкотораго времени; но наконецъ терпѣніе основателей общества истощилось, за исключеніемъ Робука и меня. Въ слѣдующій сезонъ 1826—1827 положеніе дѣль улучшилось.

Мы завербовали двухъ ораторовъ-торіевъ, Гэйварда и Ши; радикальная партія получила подкѣпленіе въ лицѣ Чарльза Буллера, Кокбурна и нѣсколько другихъ изъ второго поколѣнія бентамистовъ Кэмбриджа, которые примкнули къ нашей сторонѣ. Съ помощью ихъ, а также и другихъ случайныхъ членовъ, благодаря обоимъ торіямъ, Робуку и мнѣ въ качествѣ настоящихъ ораторовъ, почти каждое преніе являлось генеральнымъ сраженіемъ между философскими радикалами и юристами - торіями; въ концѣ концовъ о нашихъ спорахъ стали говорить, и многія известныя лица пріѣзжали слушать наши дебаты. Еще болѣе сталъ замѣтенъ успехъ въ слѣдующіе сезоны 1828—1829 года, когда послѣдователи Кэмбриджа въ лицѣ Мориса и Стерлинга вступили въ наше общество, гдѣ они образовали вторую партію либераловъ и даже радикаловъ на основахъ, совершенно противоположныхъ бентамизму и даже крайне враждебныхъ этой доctrинѣ; они внесли въ наши пренія общія идеи и методы реакціи, свирѣпствовавшіе въ Европѣ противъ философіи XVIII-го столѣтія; эта была третья партія и партія совершенно серьезная, принявшая участіе въ нашей борьбѣ и яв-

лявшаяся полнымъ отраженіемъ политическихъ мнѣній въ наиболѣе образованной части новаго поколѣнія. Наши споры въ значительной степени отличались отъ обыкновенныхъ преній; у насъ было правило, что всѣ обязаны выставлять только наиболѣе убѣдительныя свои доказательства и опровергать противниковъ въ самыхъ точныхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Это упражненіе естественно чрезвычайно полезно для насъ, а въ особенности для меня. Я никогда, правда, не научился искусству краснорѣчія и всегда говорилъ чрезвычайно дурно, но я добивался того, чтобы меня слушали; кромѣ того, такъ какъ я постоянно излагалъ письменно свои рѣчи, въ томъ случаѣ, если они казались мнѣ имѣющими особое значеніе, когда идеи или чувства въ нихъ выражаемыя требовали внимательнаго изложенія, то я этимъ въ значительной степени усовершенствовалъ свою способность писать; я не только пріучилъ свое ухо къ гладкости и размѣру слога, но и пріобрѣлъ практическій навыкъ въ выборѣ выражений, наиболѣе производящихъ эффектъ на слушателей, и научился понимать, какое изъ нихъ особенно дѣйствуетъ на смѣшанное собраніе.

Участіе въ обществѣ и подготовительныя работы, которыхъ оно требовало, вмѣстѣ съ приготовленіемъ къ утреннимъ чтеніямъ въ домѣ Грота поглощало все мое свободное время, и поэтому я почувствовалъ облегченіе, когда весною 1828 года я пересталъ участвовать въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*. Журналъ этотъ очутился въ крайне стѣснительномъ положеніи, хотя первый нумеръ предвѣщалъ большой успѣхъ, но постоянныхъ доходовъ не было достаточно, чтобы покрыть необходимыя издержки по изданію журнала.

Затраты были действительно покрыты, но это было еще мало. Один из редакторовъ, Саутернъ, вышел из состава редакціи, а нѣкоторые изъ сотрудниковъ, въ томъ числѣ отецъ и я, получавшіе вознагражденіе за первые статьи, подъ конецъ писали даромъ. Однако основной капиталъ, который далъ начало журналу, былъ совершенно израсходованъ и нельзя было продолжать изданія журнала безъ какого-либо новаго фонда. Отецъ и я имѣли по этому поводу нѣсколько совѣщаній съ Баурингомъ. Мы были готовы на все, чтобы поддержать журналъ, органъ нашихъ мнѣній, но мы не желали болѣе имѣть Бауринга редакторомъ. Къ тому же и не было возможности сохранить редактора, получающаго жалованье и потому мы имѣли предлогъ предложить ему удалиться, не оскорбляя ничѣмъ его самолюбіе. Мы съ нѣсколькими друзьями были совершенно готовы дать ходъ журналу въ качествѣ бесплатныхъ сотрудниковъ, и если не найдется среди насъ редактора, то раздѣлять редакторскій трудъ между собою. Между тѣмъ какъ это происходило съ мнимаго одобренія Бауринга, самъ онъ преслѣдовалъ другую цѣль въ сообществѣ съ полковникомъ Перронетомъ Томсономъ; мы получили первое увѣдомленіе объ этомъ изъ письма Бауринга, въ которомъ онъ извѣщалъ, настѣ, какъ редакторъ, о приведеніи дѣлъ въ порядокъ и предлагалъ намъ писать для журнала за плату. Мы отнюдь не оспаривали права Бауринга входить въ сдѣлку, наиболѣе для него выгодную и болѣе благопріятную для его личныхъ интересовъ, чѣмъ тѣ, которыя мы ему предлагали, но тайна, которою онъ облекался по отношенію къ намъ, въ то время какъ, повидимому, его интересы совершенно совпадали съ нашими, показалась,

для насть чрезвычайно оскорбительной; къ тому же мы не считали его подходящимъ редакторомъ и не были расположены болѣе тратить свое время, употребляя его на поддержку журнала подъ его редакцію. Вслѣдствіе этого мой отецъ отказался отъ сотрудничества; однако два или три года спустя, уступая настойчивымъ просьбамъ, онъ написалъ еще одну политическую статью.

Что касается до меня, то я положительно отказался отъ всякаго участія въ журналѣ. Такимъ образомъ кончились мои отношенія къ *Вестминстерскому Обозрѣнію* въ его первоначальномъ видѣ. Послѣдняя статья, которую я тамъ помѣстилъ, стоила мнѣ гораздо больше труда, чѣмъ какая-либо изъ предшествующихъ; но это оттого, что въ нее я вложилъ всю свою душу; это была защита первыхъ виновниковъ французской революціи противъ ложныхъ нападокъ, которыя привель сэръ Вальтеръ Скоттъ въ предисловіи къ своей «Исторіи Наполеона». Количество сочиненій, прочтенныхъ мною для этой статьи, масса замѣтокъ и выписокъ, сдѣланныхъ мною, а также книги, которыя я долженъ былъ купить (въ то время не было ни одной публичной или частной библіотеки, откуда можно бы было доставать книги на домъ), въ значительной степени превышали важность той незначительной цѣли, которую я преслѣдовалъ. Но тогда я имѣлъ планъ написать исторію французской революціи; я никогда не исполнилъ это намѣреніе, но собранные мною материалы оказались впослѣдствіи чрезвычайно полезными Карлейлю для той же цѣли.

ГЛАВА V.

Кризисъ въ умственномъ развитіи.—Шагъ впередъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ я писалъ очень мало и не имѣлъ никакой литературной работы; но изъ этого воздержанія я извлекъ для себя большую пользу. Для меня представляло большую важность—имѣть время усовершенствовать и ассимилировать вполнѣ свои идеи, не будучи вынужденнымъ отдавать ихъ для печати. Если бы я продолжалъ писать, то та глубокая перемѣна, которая произошла въ моихъ мнѣніяхъ, какъ и въ характерѣ, была бы серьезно нарушена. Чтобы объяснить происхожденіе этой перемѣны, или по крайней мѣрѣ размышленій, которыя ее подготовили, я долженъ вернуться немного назадъ.

Начиная съ зимы 1821 года, когда я прочелъ въ первый разъ Бентама, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стало издаваться *Вестминстерское Обозрѣніе*, я нашелъ, какъ говорится, цѣль въ жизни: я хотѣлъ приложить всѣ старанія, чтобы преобразовать міръ. Понятіе, которое я имѣлъ о собственномъ счастьѣ, всецѣло сливалось съ этой цѣлью. Лица, сочувствія которыхъ я добивался, были именно тѣ, которыя могли способствовать мнѣ въ выполненіи этого предпріятія. На своеемъ жизненномъ пути я не отказывался отъ нѣкоторыхъ удовольствій, но единственнымъ личнымъ удовлетвореніемъ серьезнымъ и прочимъ, на которомъ я основывалъ свое счастье, была вѣра въ эту цѣль; и я ласкалъ себя надеждою провести счастливую жизнь, такъ какъ мой идеалъ счастья былъ такъ далекъ, что

можно было постоянно подвигаться, но никогда его не достичь. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; сознаніе прогресса всего міра, мысль, что я самъ принимаю участіе въ борьбѣ, и что съ своей стороны я способствую движенію впередъ, казалась мнѣ совершенно достаточнаю для того, чтобы сдѣлать жизнь интересною и разнообразною. Настало время, когда эта вѣра исчезла, какъ мечта. Это было осенью 1826 года; я находился въ тупомъ раздражительномъ состояніи духа, какъ случается со всяkimъ; безчувственный ко всему удовольствію, какъ и ко всякому пріятному ощущенію, въ одномъ изъ тѣхъ дурныхъ настроеній, когда все то, что нравится въ другое время, кажется нелѣпымъ и безразличнымъ; въ такомъ состояніи, полагаю я, обыкновенно находятся методисты, когда ихъ впервые посещаетъ внутреннее сознаніе грѣха. Таково было моедушевное состояніе, когда мнѣ случилось предложить себѣ слѣдующій вопросъ: Если бы все твои цѣли, которыя ты преслѣдуешь въ жизни, осуществились, если бы все измѣненія въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, къ которымъ ты стремишься, могли бы произойти немедленно, то испыталъ ли-бы ты отъ этого величайшую радость и былъ ли-бы ты вполнѣ счастливъ? — «Нѣть», отвѣчалъ мнѣ прямо внутренній голосъ, котораго я не могъ заглушить. Я чувствовалъ, что мои силы ослабѣли, все, что поддерживало меня въ жизни, рушилось. Все свое счастье я полагалъ въ постоянномъ преслѣдованіи этой цѣли. Все обаяніе, окружающее меня, исчезло; цѣль для меня была потеряна, могъ ли я интересоваться средствами? Я не зналъ ничего, чему я могъ посвятить свою жизнь.

Сначала я надѣялся, что облако, затмившее мой горизонтъ, разсвѣтится само собой, но этого не случилось.

Сонъ, вѣрное средство противъ утомительныхъ мелочей обыденной жизни, былъ бессиленъ по отношенію къ моимъ страданіямъ. Проснувшись, я снова обратился къ своему сознанію и получилъ тотъ же печальный отвѣтъ. Это скорбное чувство не оставляло меня ни на минуту во всѣхъ моихъ занятіяхъ. Ничто не могло заставить меня забыть мою печаль, хотя бы на нѣсколько минутъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ облако сгущалось все болѣе и болѣе. Точное опредѣленіе того, что я перестрадалъ, можно найти въ слѣдующемъ стихотвореніи Кольриджа «Уныніе», котораго въ то время я еще не зналъ.

Вотъ оно:

«A grief without a pany, void, dork and drear,
A drawsy, stifled, unimpassioned grief,
Which pind's no natural outlet or relief
In word, or sigh, or tear»*).

Тщетно я искалъ утѣшения въ моихъ любимыхъ кни-
гахъ, — этихъ памятникахъ прошаго благородства и
величія, въ которыхъ я до тѣхъ поръ почерпалъ силу
и мужество; теперь я читалъ ихъ безъ всякаго новаго
чувства, или съ обычнымъ чувствомъ, но безъ обаянія,
которое они производили на меня раньше, и я былъ
убѣжденъ, что моя любовь къ человѣчеству и страсть
къ совершенствованію людей отнынѣ совершенно ис-
чезла. Я не искалъ облегченія своего горя въ сочув-
ствіи другихъ. Если бы я былъ привязанъ къ кому

*) Горе безъ муки, безъ потери, тоски или угрызенія, горе тя-
желое, подавленное, безстрастное, не находящее себѣ никакого
естественнаго исхода и облегченія ни въ словѣ, ни во вздохѣ, ни
въ слезѣ.

нибудь настолько, чтобы почувствовать потребность излить ему свою тоску, то я никогда бы не очутился въ подобномъ положеніи. Я сознавалъ, что мое страданіе вовсе не интересно, и что въ немъ нѣтъ ничего достойнаго возбудить состраданіе. Добрый совѣтъ, если бы я зналъ, гдѣ его найти, былъ бы для меня очень полезенъ. Слова Макбета своему врачу часто приходили мнѣ на память, но не было никого, отъ кого бы я могъ ожидать подобной помощи. Мой отецъ, къ которому мнѣ было бы естественно прибѣгнуть за разрѣшеніемъ всѣхъ охватившихъ меня сомнѣній, былъ послѣдній человѣкъ, къ которому я рѣшился бы прибѣгнуть въ этомъ случаѣ. Все меня убѣждало, что онъ и не догадывался вовсе о моемъ умственномъ недугѣ, а даже, если бы онъ и могъ его понять, то не могъ бы быть врачомъ, способнымъ совершить исцѣленіе. Мое воспитаніе было всецѣло дѣломъ его рукъ, и онъ никогда не думалъ, что оно могло повести къ такому результату; да я и не видѣлъ пользы огорчать его, показавъ ему, что его планъ не удался, когда дѣло, по всей вѣроятности, было непоправимо. Я могъ бы довѣриться своимъ друзьямъ, но въ то время у меня не было никого, кто быль въ состояніи понять мое душевное настроеніе. Самъ же я не только хорошо понималъ свое состояніе, но чѣмъ болѣе я думалъ о немъ, тѣмъ болѣе находилъ его безнадежнымъ.

Мое воспитаніе вселило въ меня твердое убѣженіе, что всѣ нравственные и умственные чувства и качества, хорошия или дурныя, являются результатами ассоціаціи идей, что одно мы любимъ, другое ненавидимъ, что мы чувствуемъ удовольствіе въ одномъ дѣйствіи или созерцаніи и страданіе въ другомъ благодаря опять-таки

вліянню ідей удовольствія или страданія, приданихъ этимъ предметамъ воспитаніемъ или жизненнымъ опытомъ. Изъ этой доктрины, какъ я часто слыхаль отъ отца, да и самъ былъ убѣжденъ, вытекало, что воспитаніе должно было стремиться развивать, какъ можно сильнѣе, ассоціацію ідей удовольствія со всякимъ предметомъ, способствующимъ общему благу и ідеи страданія со всѣмъ, что мѣшаетъ ему. Эта теорія казалась мнѣ непреложной; но я хорошо видѣлъ, бросая взглядъ назадъ, что мои учителя мало занимались укрѣплениемъ и развитіемъ такой полезной ассоціації ідей съ известными предметами. Они, повидимому, исключительно полагались скорѣе на обычные способы педагогики, на похвалу или порицаніе, на награду или наказаніе. Я не сомнѣвался, что эти средства, примѣняемыя безпрерывно съ раннихъ лѣтъ, образуютъ твердыя представленія о страданіи и удовольствіи, особенно о страданіи, и что они могутъ вселить чувства желанія или отвращенія, способныя продолжить свое дѣйствіе со всею силою до конца жизни. Но всегда есть доля чего-то искусственного и случайного въ ассоціаціяхъ, возбуждаемыхъ такимъ образомъ. Страданія и удовольствія къ известнымъ предметамъ, возникающія благодаря этому способу, не связаны съ ними никакими естественными узами; и поэтому я полагалъ необходимымъ для долговѣчности этихъ ассоціацій, чтобы онѣ совершенно окрѣпли и проникли въ умъ и, такъ сказать, стали неразрывныи до начала обычной дѣятельности могучей силы анализа.

Дѣйствительно я замѣчалъ или скорѣе я думалъ, что замѣчу истину того, къ чему я прежде постоянно относился съ недовѣріемъ: я узналь, что привычка къ

анализу убиваетъ чувства, и это совершенно справедливо въ томъ случаѣ, когда никакая другая умственная привычка не получаетъ развитія и когда духъ анализа остается безъ его естественныхъ дополненій и поправокъ. Главное превосходство анализа, какъ я уже сказа-
лъ, заключается въ томъ, что онъ стремится ослабить, подорвать всѣ убѣжденія, происходящія отъ пред-
разсудковъ, въ томъ, что онъ даетъ намъ средства от-
дѣлять идеи, только случайно соединенные; ни одна
ассоціація, какова бы она ни была, не могла бы про-
тивостоять окончательно этой всеразрушающей силѣ,
если бы мы не были обязаны анализу яснымъ сознаніемъ
связи между причинами и слѣдствіями вещей, испытана-
наго соотношенія между явленіями, независимо отъ
нашѣй воли и чувствъ, естественныхъ законовъ при-
роды, въ силу которыхъ въ большинствѣ случаевъ, одно
явление неразлучно съ другимъ.

По мѣрѣ того какъ законы эти становятся все болѣе
ясными и понятными, наши представленія о явленіяхъ,
неразрывно соединенныхъ съ нашей природой, входятъ
другъ съ другомъ все въ болѣе и болѣе близкія отно-
шенія. Такимъ образомъ привычка анализа можетъ
дѣйствительно усилить соотношенія между причиной и
слѣдствіемъ, средствами для достижения цѣли и самой
цѣлью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабить тѣ ассоціаціи
идей, которыя, говоря обыкновеннымъ языкомъ, осно-
вываются на чувствѣ. Поэтому (я полагалъ) духъ ана-
лиза благопріятствуетъ развитію точности и ясности
взглядовъ, но онъ разрушаетъ нежданно основанія
всѣхъ страстей и добродѣтелей, а въ особенности под-
рываетъ всѣ желанія и ощущенія удовольствія, кото-
рыя являются слѣдствіемъ ассоціацій, т. е. разрушаетъ,

все, исключая чисто физическихъ или органическихъ чувствъ, которыхъ, по моему убѣжденію, совершенно недостаточны, чтобы скрасить жизнь. Вотъ какіе законы человѣческой природы привели меня, казалось, къ подобному положенію. Всѣ люди, на мнѣнія которыхъ я полагался, думали, что удовольствія въ симпатіи къ людямъ и чувства, ставящія благодѣнствіе другихъ, особенно человѣчества, главною задачею жизни, являются самыми обильными и самыми неизсякающими источникомъ счастья. Я былъ увѣренъ въ истинѣ этого убѣжденія, но сознаніе, что подобное чувство могло бы доставить мнѣ счастіе, если бъ я имѣлъ обладать, не давало мнѣ этого чувства. Моему воспитанію не удалось развить во мнѣ этого чувства или хотя придать ему достаточно силы, чтобы противостоять разрушающему вліянію анализа, а вѣдь оно неуклонно было направлено къ тому, чтобы съ помощью ранняго и преждевременного анализа вкоренить эту привычку въ моемъ умѣ. Слѣдовательно, говорилъ я самъ себѣ, я стать на мель, только что выйдя изъ гавани, имѣя хорошо оснащенный корабль, компасъ, но только безъ парусовъ; у меня не было никакого истиннаго желанія достигнуть той цѣли, къ достижению которой я былъ такъ основательно подготовленъ. Я не испытывалъ никакого наслажденія ни въ добродѣтели, ни въ стремлениі къ общему благу, а также ни въ чемъ другомъ. Источники тщеславія и честолюбія, казалось, изсякли въ моей душѣ такъ же, какъ и сочувствіе. Мои чувства тщеславія, насколько я припоминаю, были удовлетворены гораздо раньше; и какъ всѣ удовольствія, которыми прежде временно пользуются, это наслажденіе притупило мои чувства и сдѣлало меня равнодушнымъ къ

нимъ. Ни эгоистической удовольствія, ни противоположная имъ не доставляли мнѣ ничего отраднаго. Мнѣ казалось, что никакая могущественная сила въ природѣ не могла бы вновь укрѣпить мой характеръ и образовать въ моемъ умѣ неумолимо аналитическомъ новыя ассоціаціи идеи удовольствія съ необходимыми предметами человѣческихъ желаній.

Вотъ мысли, овладѣвшія мною во время того мрачнаго унынія, которое подавляло меня въ печальную зиму 1826—1827 гг. Я не былъ способенъ бросить свои обычныя занятія, но выполнялъ ихъ машинально единственно въ силу привычки. Я былъ такъ пріученъ къ извѣстнаго рода умственному упражненію, что могъ его исполнять, не питая къ нему никакого интереса. Я даже составилъ и произнесъ нѣсколько рѣчей въ нашемъ обществѣ. Имѣли ли онъ успѣхъ, и въ какой степени, я право не знаю. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, когда я принималъ участіе въ засѣданіяхъ общества, я единствено не помню, что происходило въ этомъ году. Я часто припоминалъ два стиха Кольриджа, у котораго я находилъ вѣрное изображеніе моего тогдашняго настроенія; со стихами этими я познакомился въ болѣе поздній періодъ моего умственнаго разлада.

«Work without hope draws nectar in a sieve;
And hope without an object cannot live» *).

По всей вѣроятности мое бѣдствіе вовсе не было такимъ исключительнымъ, какъ я воображалъ, и я не сомнѣваюсь, что многие другіе переживали подобные умственные кризисы. Но по свойству моего воспитанія

*) Работать безъ надежды—это значитъ лить нектаръ въ сито—а надежда безъ цѣли не можетъ существовать.

этот кризисъ получилъ специальный оттѣнокъ. Я часто спрашивалъ себя, могу ли и обязанъ ли я продолжать жить, когда моя жизнь должна пройти въ такомъ отчаяніи. Невозможно, отвѣчалъ я самъ себѣ, чтобы я могъ выдержать больше года. Однако, прежде чѣмъ прошла половина этого срока, лучь солнца блестнуль сквозь мракъ, окружающій меня. Я прочелъ случайно мемуары Мармонтеля и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разсказываетъ о смерти своего отца, о скорби семьи и о внезапной рѣшимости, съ какою онъ, еще ребенокъ, почувствовалъ и далъ понять своимъ роднымъ, что онъ отнынѣ будетъ для нихъ вѣмъ и замѣнить отца, котораго они лишились. Живая картина этой сцены прошла передо мною; я былъ тронутъ до слезъ. Съ этого времени тяжесть, обременявшая меня, стала легче. Страшная мысль, что всякое чувство заглохло во мнѣ, исчезла. Я снова нашелъ надежду и не былъ уже безчувственъ подобно камню или дереву. Во мнѣ еще сохранилась частица того огня, который придаетъ достоинство характеру и является залогомъ счастія. Освободившись отъ постоянного сознанія непоправимости моего несчастія, я мало-по-малу стала убѣждаться, что обыкновенные явленія жизни способны еще доставлять мнѣ наслажденіе, можетъ быть не слишкомъ живое, но по крайней мѣрѣ достаточное, чтобы удовлетворить меня; я не оставался равнодушнымъ къ сіянію солнца, находилъ прелестъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ интересѣ къ общественнымъ дѣламъ. Моя дѣятельность на пользу общаго блага и распространеніе своихъ мнѣній стали доставлять мнѣ нѣкоторое, хотя и слабое, удовольствіе. Облако печали по-немногу разсѣивалось, и я снова началъ наслаждаться

жизню. Впослѣдствіи нѣсколько разъ повторялись по-добные припадки, между прочимъ одинъ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, но никогда я не былъ въ такомъ мучительномъ положеніи, какъ въ первый разъ.

Мои впечатлѣнія этого периода оставили глубокій слѣдъ на моихъ убѣжденіяхъ и на моемъ характерѣ. Во-первыхъ, мои понятія о жизни, какія мною руководили до той поры, совершенно измѣнились; они во многихъ пунктахъ походили на анти-сознательную теорію Карлейля, направленную противъ разслабляющаго вліянія самонаблюденія. Я никогда не сомнѣвался въ правильности своего наблюденія, что счастье есть пробный камень всѣхъ жизненныхъ правиль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣль жизни. Но теперь я сталъ думать, что единственное средство достигнуть этой цѣли—это поставить ее на второй планъ, а не дѣлать изъ нея непосредственной цѣли существованія. Только тѣ счастливы, думалъ я, которые ставятъ себѣ задачею въ жизни какой-либо иной предметъ, а не личное счастье, напримѣръ, счастье другихъ, благоденствіе человѣчества, а также всякое дѣло, всякое изслѣдованіе, которое они преслѣдуютъ не какъ средства, но какъ идеальную цѣль. Такимъ образомъ, стремясь къ чему-нибудь другому, они находятъ счастье такъ сказать на пути. По моей новой теоріи, въ жизни достаточно удовольствій для того, чтобы сдѣлать ее привлекательной, если только мы беремъ ихъ мимоходомъ, а не дѣлаемъ изъ нихъ главной задачи существованія. Попробуйте сдѣлать изъ нихъ главную цѣль въ жизни и вы сразу найдете ихъ недостаточными. Они не могутъ выдержать строгой критики. Спросите у себя, счастливы ли вы, и вы тотчасъ перестанете быть довольны. Чтобы

стать счастливымъ, есть только одно средство, которое состоить въ томъ, чтобы избирать цѣлью жизни не счастье, но какой-либо посторонній путь, ведущій къ счастью. Если вашъ умъ, ваша способность къ анализу, ваше сознаніе будетъ поглощено этими поисками, вы будете счастливы, вдыхая въ себя счастіе вмѣстѣ съ воздухомъ, не замѣчая его, не думая о немъ, и не анализируя. Эта теорія сдѣлалась теперь основаніемъ моей жизненной философіи; и я считаю ее до сихъ поръ наиболѣе пригодною для людей, обладающихъ умѣренной чувствительностью и такой же умѣренной способностью къ наслажденію, т. е. для большинства человѣчества.

Другая важная перемѣна въ моихъ убѣжденіяхъ въ эту эпоху заключалась въ томъ, что я впервые отвергъ внутренней культурѣ индивидуального человѣка подобающее мѣсто среди главныхъ условій счастья. Я пересталъ придавать почти исключительную важность расположенню вицѣальныхъ обстоятельствъ и воспитанію человѣка для умозрительной и практической дѣятельности.

Я изъ опыта увидалъ, что пассивныя чувства требуютъ такого же развитія, какъ и активныя, и что они нуждаются не только въ питаніи и укрѣпленіи ихъ, но и въ руководствѣ ими. Я ни на минуту не потерялъ изъ вида и не пренебрѣгъ ни одной долей истины, какую я прежде замѣтилъ. Я не отринулъ интеллектуальной культуры и не пересталъ считать способность и практику анализа основными условіями развитія какъ отдельныхъ людей, такъ и цѣлаго общества. Но я понималъ, что некоторые слѣдствія анализа требуютъ исправленія и добавленія въ развитіи и другихъ способностей. Развитіе чувства сдѣлалось однимъ изъ

главныхъ пунктовъ моей нравственной и философской теоріи. Мои мысли и чувства стали все болѣе и болѣе стремиться къ тому, что могло служить орудіемъ для этого развитія. Я началъ находить смыслъ въ томъ, что читаль или слышалъ относительно вліянія поэзіи и искусства на воспитаніе человѣка. Но прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ я дошелъ до этого сознанія по личному опыту. Изъ всѣхъ искусствъ, вліяющихъ на воображеніе, я съ дѣствія находилъ удовольствіе только въ музыкѣ. Самое драгоцѣнное свойство этого искусства, въ чёмъ оно по всей вѣроятности превосходитъ всѣ остальные—это способность возбуждать энтузіазмъ, возводя до преобладанія возвышенія чувства, которая уже присущи характеру, и придавая имъ пылкость, можетъ быть скоропроходящую въ ихъ проявленіяхъ, но поддерживающую эти чувства во всякое время. Я часто испытывалъ на себѣ такое дѣствіе музыки, но какъ и всѣ ощущенія, доставлявшія мнѣ удовольствіе, она перестала вліять на меня въ мрачный периодъ моей жизни. Я много разъ искалъ въ ней утѣшения и не находилъ его. Когда же начался кризисъ, и мое выздоровленіе окончательно выяснилось, музыкаоказала мнѣ значительную помощь, но только въ менѣ возвышенной формѣ. Въ это время я въ первый разъ услыхалъ „Оберона“ Вебера и крайнее удовольствіе, которое доставили мнѣ эти прелестныя мелодіи, оказало на меня благотворное вліяніе, показавъ мнѣ, что существуетъ источникъ наслажденій, къ какимъ я былъ такъ же чувствителенъ, какъ и прежде.

Однако это благотворное вліяніе въ значительной степени уменьшалось мыслию, что наслажденіе, доставляемое музыкой (что справедливо, если дѣло идеть объ

удовольствії, получаемомъ отъ одной мелодії), пропадаетъ по мѣрѣ привыканія и требуетъ постоянного обновленія черезъ извѣстныя промежутки времени или поддержанія интереса новыми мелодіями. О моемъ положеніи и умственномъ настроеніи въ ту эпоху моей жизни можно судить уже по слѣдующему факту, крайне меня озабочивавшему; меня серьезно мучила мысль, что музыкальныя сочетанія могли истощиться. Октава состоитъ только изъ пяти тоновъ и двухъ полутоновъ, которые могутъ образовать между собой только ограниченное число сочетаній; а среди послѣднихъ очень малое количество пріятныхъ. Большинство изъ нихъ мнѣ кажется уже найдены и нельзя ожидать безконечнаго ряда Моцартовъ и Веберовъ, которые постоянно создавали бы все новые сочетанія, поражающія несравненнымъ богатствомъ своихъ красивыхъ музыкальныхъ эффектовъ. Можетъ быть скажутъ, что такая заботливость, причинявшая мнѣ дѣйствительную тоску, сильно походила на муки философовъ Лапуты, боявшихся, чтобы солнце не израсходовало своей теплоты. Однако это беспокойство вытекало изъ наилучшихъ сторонъ моего характера и было единственной интересной чертой въ моемъ странномъ положеніи. Хотя мое уныніе имѣло свое основаніе, но его нельзя не назвать эгоизмомъ. Оно происходило отъ разрушенія возведенного мною зданія моего личнаго счастья, хотя судьба человѣчества никогда не переставала интересовать меня. Я чувствовалъ, что то, чего не доставало мнѣ лично, недоставало и всему человѣчеству, что вопросъ заключается въ томъ, перестанутъ ли удовольствія жизни быть удовольствіями, когда исчезнутъ борьба и лишнія благодаřя преобразованію общества и правленія и

благодаря тому, что каждый членъ общества сдѣлается свободнымъ и будетъ обладать материальными довольствомъ. Я чувствовалъ, что если не найду другой болѣе утѣшительной надежды на общее счастье, то мое отчаяніе будетъ длиться вѣчно; но напротивъ, если бы я замѣтилъ какой-либо другой исходъ, то сталъ бы смотрѣть на міръ съ удовольствіемъ, вполнѣ довольствуясь (для себя лично) тою частью благополучія, которая выпала на мою долю.

Такое состояніе моихъ мыслей и чувствъ въ достаточной мѣрѣ выясняетъ, почему оказало на меня такое влияніе чтеніе Вордсвортъ, съ которымъ я впервые познакомился въ это время, осенью 1828 года. Я взялся за его поэмы изъ любопытства; я не ожидалъ найти въ нихъ никакого облегченія, хотя уже прибѣгалъ къ поэзіи съ этой надеждой. Въ самый мрачный періодъ моего унынія я прочелъ съ начала до конца Байрона, тогда совершенно новаго для меня поэта, желая испытать, не возбудить ли во мнѣ какого-либо ощущенія, этотъ писатель, считавшійся особеннымъ мастеромъ въ изображеніи пламенныхъ чувствъ. Какъ и можно было ожидать, я не извлекъ никакой пользы изъ этого чтенія; напротивъ настроеніе поэта слишкомъ соотвѣтствовало моему собственному. Его жалобы дышали тоскою человѣка, исчерпавшаго всѣ жизненные удовольствія, который, повидимому, полагалъ, что жизнь для всѣхъ, кто пользуется ея благами, неминуемо должна привести къ тому гнетущему состоянію духа, въ какомъ я тогда находился. Его Чайльдъ Гарольдъ, его Манфредъ изнемогали подъ тѣмъ же бременемъ, какъ и я. И я не былъ въ такомъ настроеніи, чтобы искать утѣшения въ пламенной чувственной страсти Гиура или

въ мрачной меланхолії Лары. Но насколько Баіронъ не соотвѣтствовалъ моему положенію, настолько Вордсвортъ являлся именно такимъ поэтомъ, какого мнѣ было нужно. Года два или три передъ этимъ я прочелъ его *Excursion*, но не нашелъ въ ней ничего особеннаго; вѣроятно, если бы я прочелъ и всѣ произведенія Вордсворта въ ту эпоху, то не вынесъ бы о нихъ хорошаго сужденія. Но въ томъ особенномъ положеніи, въ какомъ я находился, его поэмы въ изданіи 1815 года, гдѣ почти не было прибавлено ничего замѣчательнаго, оказались именно тѣмъ, въ чемъ особенно нуждались въ то время мои умственныя потребности.

Во-первыхъ, эти поэмы живо затрогивали одно изъ чувствъ, служившихъ для меня источникомъ самаго большого удовольствія, а именно любовь къ деревнѣ и природѣ, которой я обязанъ большею частію своихъ жизненныхъ наслажденій, и которая еще недавно доставила мнѣ облегченіе въ одномъ изъ моихъ припадковъ унынія. Вліяніе, оказываемое на меня деревенскими красотами, можетъ отчасти объяснить то наслажденіе, съ какимъ я читалъ стихотворенія Вордсворта тѣмъ болѣе, что у этого поэта большая часть сценъ происходитъ въ горныхъ странахъ, а послѣ моего путешествія по Пиринеямъ горы остались въ моихъ глазахъ идеаломъ красоты природы. Вордсвортъ никогда бы не имѣлъ на меня большого вліянія, если бы онъ ограничивался прекрасными картинами природы. Вальтеръ Скоттъ описываетъ природу еще лучше Вордсворта, а всякий второстепенный художникъ можетъ оказать своей картиной дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ любой поэтъ. Если поэмы Вордсворта оказали цѣлебное дѣйствіе на мой умъ, то это потому, что онъ

изображали не только внешнюю красоту, но и мысли и идеи, проникнутые чувствомъ, и возникающія подъ вліяніемъ этой красоты. Онъ, казалось мнѣ, въ высшей степени соответствовали развитію тѣхъ чувствъ, которыя я искалъ. Его поэзія была для меня источникомъ, откуда я почерпалъ радость и удовольствія симпатіи и воображенія, и откуда всѣ могутъ брать то же самое; этотъ источникъ не подвергался бѣдствіямъ борьбы и жизненныхъ невзгодъ и становился все обильнѣе съ каждымъ улучшеніемъ въ физическомъ и соціальномъ положеніи человѣчества. Эти поэмы, говорили мнѣ, въ чемъ будетъ состоять вѣчный источникъ счастья, когда все зло въ жизни будетъ уничтожено. Я почувствовалъ себя лучше и счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ подпалъ подъ вліяніе этой поэзіи. Безъ сомнѣнія, даже въ наше время существуютъ болѣе великие поэты, чѣмъ Вордсвортъ, но поэзія, изображающая болѣе глубокія или возвышенныя чувства не произвела бы на меня въ то время такого благотворнаго дѣйствія, какъ поэзія Вордсворта. Мнѣ было необходимо, чтобы меня заставили почувствовать, сколько истиннаго и постояннаго счастья заключается въ спокойномъ созерцаніи красоты природы. Вордсвортъ научилъ меня этому, не только не оттолкнувъ отъ сочувствія къ судьбѣ человѣчества, но усиливъ то участіе, которое я принималъ въ нихъ. Искреннее наслажденіе, доставленное мнѣ его поэзіей, доказало мнѣ, что, при развитіи чувствъ подобнаго рода, нечего опасаться самой сильной привычки къ анализу. Въ концѣ произведеній Вордсворта я прочелъ знаменитую оду, ошибочно названную платоновскою: „Доказательства безсмертия“, изъ которой я между прочимъ уѣдился, что онъ переживалъ такія же минуты унынія и тоски, какъ и я.

Онъ также испыталъ, что первая свѣжестъ юношескаго наслажденія недолговѣчна; онъ искалъ что либо замѣнъ этого и нашелъ средство, которому я самъ научился отъ него. Чтеніе это постепенно избавило меня вполнѣ отъ моего постояннаго унынія, и благодаря ему я никогда не подвергался припадкамъ тоски въ такой сильной степени какъ прежде. Въ теченіе долгаго времени я продолжалъ чтить Вордсвортъ не столько за его внутреннія достоинства, сколько за то вліяніе, которое онъ оказалъ на меня. Сравнивая его съ самыми великими поэтами, можно сказать, что онъ поэтъ непоэтическихъ натуры. Натуры спокойныя и склонныя къ созерцанію, но лишенныя поэтическаго чувства, дѣйствительно нуждаются въ поэтическомъ развитіи, и Вордсвортъ можетъ способствовать этому гораздо болѣе, чѣмъ другіе поэты, стоящіе неизмѣримо выше его.

Достоинства поэзіи Вордсворта доставили мнѣ случай впервые сдѣлать публичное заявленіе о моемъ новомъ образѣ мыслей, и этимъ разорвать съ тѣми изъ товарищей, которые не подверглись подобной перемѣнѣ. Въ то время я всего болѣе имѣлъ привычку обмѣниваться мыслями относительно этихъ вещей съ Робукомъ. Я уговорилъ его прочесть Вордсвортъ, и онъ также нашелъ въ немъ много хорошаго. Но какъ всѣ поклонники Вордсворта, я былъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Байрона, на котораго я нападалъ какъ на его поэзію, такъ и на его вліяніе. Робукъ, инстинктивно стремившійся къ дѣятельности и борьбѣ, напротивъ, питалъ пламенное чувство къ Байрону. Байронъ былъ для него поэтомъ человѣческой жизни; Вордсвортъ же поэтомъ цвѣтовъ и бабочекъ. Мы рѣшили обсудить нашъ споръ публично въ нашемъ об-

ществѣ, и посвятили два вечера на разсмотрѣніе отличительныхъ достоинствъ Байрона и Вордсвортъ; каждый изъ насъ излагалъ свою теорію поэзіи, приводя въ доказательство длинныя цитаты. Въ этомъ спорѣ принялъ участіе Стерлингъ и изложилъ передъ нами свои убѣжденія въ блестящей рѣчи. Въ этомъ вопросѣ впервые я разошелся съ Робукомъ. Скоро послѣ этого разрывъ еще болѣе усилился между нами, хотя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы продолжали посѣщать другъ друга. Сначала нашъ главный пунктъ несогласія заключался въ развитіи чувствъ. Робукъ во многихъ отношеніяхъ раздѣлялъ обыкновенный вульгарный понятія о бентамистахъ или утилитаристахъ. Онъ любилъ поэзію и изящныя искусства, находилъ удовольствіе въ музыкѣ, въ драматическихъ произведеніяхъ, особенно въ живописи; онъ самъ рисовалъ пейзажи съ большимъ мастерствомъ и изяществомъ. Но никогда нельзя было привести его къ сознанію, что эти искусства могутъ чѣмъ либо послужить въ образованіи характера. Самъ онъ никогда не былъ такимъ, какимъ представляютъ обыкновенно бентамиста, т. е. лишеннымъ всякихъ чувствъ, напротивъ опь чувствовалъ быстро и глубоко. Но какъ и большинство англичанъ, обладающихъ чувствительностью, онъ видѣлъ въ ней помѣху. На него гораздо болѣе дѣйствовали грустныя впечатлѣнія, чѣмъ веселыя, и въ поискахъ за счастьемъ онъ желалъ скорѣе заглушить свои чувства, нежели дать имъ развиваться. При англійскомъ характерѣ и при общественныхъ условіяхъ Англіи очень рѣдко встрѣчается, чтобы развитіе симпатій привело къ счастью, такъ что нечего удивляться, если эти чувства играли маловажную роль въ жизни англичанина. Въ большинствѣ

другихъ странъ важное мѣсто, отводимое сочувственными симпатіями, въ счастіи отдѣльного человѣка, составляеть аксіому, которую не оспариваются и не доказываются. Большинство англійскихъ мыслителей, по-видимому, убѣждены, что эти чувства составляютъ необходимое зло, съ которымъ слѣдуетъ примириться, чтобы не уничтожить совсѣмъ въ людяхъ доброту и состраданіе. Робукъ былъ или казался такимъ англичаниномъ. Онъ полагалъ, что мало пользы развивать чувства, и никакой—развивать ихъ съ помощью воображенія; по его мнѣнію это значило питать иллюзіи. Тщетно доказывать я ему, что душевное волненіе, производимое на наше воображеніе какой либо ясно выраженою мыслію, вовсе не иллюзія, но фактъ настолько же реальный, какъ любое свойство предметовъ; что оно вовсе не обусловливаетъ ошибочнаго и ложнаго представленія предметовъ, а напротивъ допускаетъ самое точное изслѣдованіе и практическое признаніе всѣхъ законовъ и отношеній природы, какъ въ области физическихъ явлений такъ и въ области ума. Самое живое сознаніе красоты облака, освѣщенаго заходящимъ солнцемъ, нисколько не мѣшаетъ мнѣ знать, что это облако состоитъ изъ водяныхъ паровъ и подчиняется всѣмъ законамъ пара. Я буду поступать также относительно всѣхъ физическихъ законовъ и пользоваться ими каждый разъ, когда къ этому представится случай, какъ будто бы я былъ неспособенъ понимать различіе между красотою и безобразіемъ.

Между тѣмъ, какъ моя дружба съ Робукомъ приходила къ концу, я завязывалъ все болѣе и болѣе дружескія отношенія съ послѣдователями Кольриджемъ, моими противниками въ нашемъ обществѣ, Фредерикомъ

Морисомъ и Джономъ Стерлингомъ. Эти люди впослѣдствіи достигли большой извѣстности, первый своими сочиненіями, второй — біографіями Гера и Карлейля. Морисъ былъ мыслителемъ, Стерлингъ — краснорѣчивымъ и увлекательнымъ ораторомъ, излагавшимъ исключительно тѣ идеи, которыя втолковывалъ ему Морисъ.

Я былъ уже нѣкоторое время знакомъ съ Морисомъ, благодаря Эйтону Туку, который познакомился съ нимъ въ Кэмбриджѣ и хотя мои разговоры съ нимъ носили почти всегда характеръ диспутовъ, я извлекъ изъ нихъ много полезныхъ свѣдѣній, послужившихъ мнѣ основаніемъ при возведеніи новаго филосовскаго зданія; вмѣстѣ съ тѣмъ я заимствовалъ многое у Кольриджа, Гете и у другихъ нѣмецкихъ писателей, которыхъ я читалъ въ теченіе этихъ лѣтъ. Я питалъ такое глубокое уваженіе къ характеру и мнѣніямъ Мориса, а также и къ громаднымъ достоинствамъ его ума, что неохотно упоминаю обо всемъ, что могло бы низвергнуть его съ того высокаго пьедестала, на которомъ я желалъ бы его помѣстить. Но мнѣ всегда казалось, что Морисъ расходовалъ даромъ свой талантъ и умъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ моихъ современниковъ. Дѣйствительно немногіе могли тратить столько, какъ онъ. Правда, опь обладалъ могучею способностью обобщенія, рѣдкимъ искусствомъ выраженія, что и давало ему возможность открывать скрытые истины; но онъ не пользовался ими для того, чтобы критически отнестись къ общепринятымъ вѣрованіямъ и замѣнить ихъ другими болѣе здравыми понятіями; напротивъ, онъ умудрялся убѣждать себя и другихъ въ превосходствѣ англиканской церкви и въ непреложности ея основаній.

Я никогда не могъ объяснить себѣ этого явленія иначе, какъ боязливостью и чрезмѣрною природною чувствительностью, которая такъ часто толкала даровитыхъ людей въ лоно католической церкви, гдѣ они надѣялись найти болѣе твердую точку опоры, чѣмъ въ самостоятельныхъ заключеніяхъ ихъ собственного разсудка. Я не хочу говорить объ обыкновенной трусивости; никто изъ знатныхъ Мориса не могъ бы его упрекнуть въ этомъ тѣмъ болѣе, что онъ далъ публичное доказательство своей независимости, несогласясь съ нѣкоторыми общепринятыми мнѣніями англиканской церкви и положивъ начало христіанскому соціалистическому движению. Его можно было сравнить въ нравственномъ отношеніи только съ Кольриджемъ, котораго, я полагаю, онъ превосходилъ сплошь своего ума, а не поэтическимъ творчествомъ. Въ это же время онъ являлся послѣдователемъ Кольриджа, а Стерлингъ—ученикомъ Кольриджа и Мориса. Перемѣна, происходившая тогда въ моихъ уображеніяхъ, установила въ нѣкоторомъ отношеніи тѣсную связь между нами, и они оба въ значительной степени способствовали моему развитию. Съ Стерлингомъ я скоро сошелся очень близко и привязался къ нему такъ, какъ ни къ одному человѣку въ теченіе всей жизни. И дѣйствительно это былъ одинъ изъ самыхъ увлекательныхъ людей. Его честный, сердечный и общительный характеръ, его любовь къ испытывалась, какъ въ самыхъ возвышенныхъ, такъ и въ самыхъ мелочныхъ вопросахъ; его пылкая и благородная натура особенно проявлялась при защитѣ тѣхъ мнѣній, сторонникомъ которыхъ онъ являлся; онъ также охотно отдавалъ справедливость известнымъ доктринаамъ и людямъ, ихъ

утверждавшимъ, какъ и нападалъ на нихъ за ихъ ошибки; онъ признавалъ только два принципа главными основами жизни—свободу и долгъ. При совокупности такихъ качествъ, обаятельно действовавшихъ какъ на меня, такъ и на всѣхъ, кто зналъ его близко, онъ обладалъ широкимъ сердцемъ и умомъ, и никакъ не поколебался протянуть мнѣ руку черезъ бездну, раздѣлявшую наши убѣжденія. Онъ выяснилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ другими онъ смотрѣлъ на меня сообразно общепринятымъ слухамъ, какъ на человѣка искусственнаго, какъ на продуктъ выдѣлки, который могъ повторять только тѣ мнѣнія, печать которыхъ была на него наложена. Онъ измѣнилъ свои убѣжденія относительно меня, когда увидалъ, въ дебатахъ по поводу Вордсворта и Байрона, что Вордсвортъ и все, что подразумѣвается подъ его именемъ, настолько же принадлежало мнѣ, какъ ему и его друзьямъ. Вскорѣ, однако, болѣзнь разстроила всѣ его планы и заставила жить вдали отъ Лондона, такъ что послѣ года или двухъ близкой дружбы, мы встрѣчались очень рѣдко и то на короткое время, но какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ Карлейлю, мы встрѣчались всегда братьями. Онъ не былъ глубокимъ мыслителемъ во всемъ значеніи этого слова; но его открытый умъ и нравственное мужество, въ которомъ онъ далеко превосходилъ Мориса, побудили его освободиться отъ влиянія Кольриджса и Мориса на его мыслительныя способности, хотя онъ до самой своей смерти питалъ глубокое, но разумное уваженіе къ ничьимъ обоимъ, а къ Морису еще теплое чувство привязанности. За исключеніемъ того переходнаго и короткаго фазиса своей жизни, когда онъ сдѣлалъ ошибку, вступивъ на духовное поприще, его умъ постоянно былъ

на пути прогресса. Его умственное движение впередь, особенно когда мнѣ нѣкоторое время не приходилось съ нимъ встречаться, напоминало мнѣ слова Гете о Шиллерѣ: «*Er hatte eine furchterliche Vorschreitung*». Мы съ нимъ вступили въ жизнь съ двухъ противоположныхъ полюсовъ, но пространство, раздѣлявшее нась, постоянно уменьшалось. Если я едѣлъ нѣсколько шаговъ къ нѣкоторымъ изъ его мнѣній, то и онъ въ теченіе своей кратковременной жизни не переставалъ приближаться понемногу къ моимъ возврѣніямъ; и если бы онъ продолжалъ жить и пользоваться достаточнымъ здоровьемъ для постоянной работы надъ самимъ собою, то нельзя знать, до какихъ предѣловъ могло бы дойти его добровольное сближеніе съ моими взглядами.

Съ 1829 года я удалился изъ нашего общества. Мнѣ наскучили эти обсужденія и я отдался всецѣло своимъ обыкновеннымъ занятіямъ и размышленіямъ безъ обязательного оглашенія этихъ результатовъ внутренней работы. Я видѣлъ, что зданіе, возведенное моими прежними заученными убѣжденіями, во многихъ мѣстахъ дало трещины. Я никогда не давалъ ему совсѣмъ обрушиться и постоянно старался восстановить. Во все время моего кризиса я никогда не оставался, даже на самое незначительное время, со смутными и колеблющимися мнѣніями. Какъ скоро я усвоивалъ новую идею, то не давалъ себѣ покоя, пока не опредѣлялъ ея отношенія къ своимъ прежнимъ мнѣніямъ, пока не узнавалъ съ точностью, до какой степени она находится съ ними въ согласіи. Умственная борьба, которую мнѣ такъ часто приходилось выдерживать при защитѣ идей Бентама и моего отца о теоріи правительства, и знакомство съ учениемъ

другихъ политическихъ школъ значительно уяснили мнѣ то явленіе, почему эта доктрина, имѣвшая притяженіе быть всеобщей, должна была бы предусмотрѣть многое и не предусмотрѣла. Но я не считалъ это недостаткомъ въ теоріи, а полагалъ, что на практикѣ необходимо сдѣлать поправки. Я чувствовалъ, что политика не могла быть наукой чисто опытной и что обвиненіе теоріи бентамистовъ въ томъ, что она была только теорія, основанная на общихъ разсужденіяхъ *a priori*, въ силу разсуждка, а не на опытномъ методѣ Бэкона, доказывало вполнѣйшее незнакомство съ принципами Бэкона и съ необходимыми условіями экспериментального изслѣдованія. Въ такомъ настроеніи я былъ, когда въ Эдинбургскомъ *Обозрѣніи* появилась знаменитая критическая статья Маколея противъ «*Очерка Правительственной системы*» моего отца. Эта статья навела меня на разныя размышенія. Я видѣлъ, что Маколей плохо понималъ логику политики, что онъ держался системы, которая эмпирическимъ путемъ излагаетъ политическія явленія, возставая противъ применения философскаго метода. Я понималъ, что въ физической науцѣ тотъ методъ, который употреблялъ Маколей, заставилъ бы его, можетъ быть, признать Кеплера, но отвергнуть Ньютона и Лапласа. Однако я не могъ не почувствовать, что несмотря на несдержанность его тона (ошибка, въ которой авторъ впослѣдствіи принесъ публичное покаяніе), многое въ его критикѣ убѣжденій моего отца было справедливо. Я созидалъ, что посылки моего отца были действительно слишкомъ узки и что онъ заключали въ себѣ только малое количество общихъ принциповъ, которые въ политикѣ производятъ важныя послѣдствія. Тождество

интересовъ между правительствомъ и обществомъ, какое бы значеніе ему ни придавали съ практической точки зрењія, не является единственою основою того, отъ чего зависитъ хорошее управлениe; вмѣстѣ съ тѣмъ такое тождество интересовъ не можетъ быть достигнуто простыми условіями избирательного права. Я никакъ не былъ удовлетворенъ возраженіемъ отца на критику Маколея. Онъ не сказалъ ничего, что надо было сказать, по моему убѣждѣнію, говоря: «Я не писалъ научнаго изслѣдованія о политикѣ, а защищалъ только парламентскую реформу». Онъ обвинилъ Маколея въ томъ, что тотъ нерационально нападаетъ на разумъ и этимъ доставляетъ примѣръ, какъ нельзя болѣе подходящій къ афоризму Гоббса: когда разумъ противъ человѣка, то и человѣкъ противъ разума. Это мнѣ подало мысль, что, дѣйствительно, во мнѣніяхъ моего отца относительно примѣненія философскаго метода въ политикѣ скрывается болѣе глубокая ошибка, чѣмъ я предполагалъ сначала, но я долго не могъ уяснить себѣ, гдѣ именно кроется это заблужденіе. Наконецъ, наступило то время, когда я понялъ это, благодаря моимъ занятіямъ въ другихъ отрасляхъ науки. Въ началѣ 1830 года я началъ набрасывать на бумагу свои мысли о логикѣ (особенно о различіи между терминами и содержаніемъ предложеній), которые были внушены и отчасти выработаны мною во время вышеупомянутыхъ утреннихъ прогулокъ. Предохранивъ эти мысли отъ исчезновенія, я углубился въ другія сферы этой области, чтобы испытать, не могу ли я сдѣлать болѣе, чтобы освѣтить теорію логики вообще. Я прежде всего приступилъ къ проблемѣ индукціи, отложивъ разсмотрѣніе вопроса о заключеніи, полагая, что сначала не-

обходимо установить посылки, а погомъ уже извлекать изъ нихъ слѣдствія. Индукація—это въ сущности процессъ нахожденія причинъ извѣстныхъ послѣдствій, и стараясь вникнуть въ примѣненіе этого метода къ естественнымъ наукамъ, я скоро увидѣлъ, что путемъ обобщенія частныхъ случаевъ мы поднимаемся къ опредѣленію причинъ, рассматриваемыхъ отдельно, и потомъ уже дѣлаемъ заключеніе, исходя отъ этихъ отдельныхъ причинъ къ опредѣленію слѣдствій тѣхъ же причинъ въ ихъ соединеніи. Я спрашивалъ себя, въ чёмъ состоитъ конечный анализъ такого дедуктивнаго метода, такъ какъ общая теорія силлогизма, очевидно, не проливаетъ никакого свѣта на этотъ вопросъ.

Привыкнувъ, по примѣру Гоббса и моего отца, изучать абстрактные принципы съ помощью самыхъ лучшихъ извѣстныхъ мнѣ конкретныхъ примѣровъ, я остановился на томъ, что законъ соединенія силъ въ динамикѣ представляетъ самый лучшій примѣръ того логического *метода*, который подлежалъ моему изученію. Разбирая, процессъ при примѣненіи закона соединенія силъ, я нашелъ, что умъ дѣлаетъ простое сложеніе. Онъ прибавляетъ отдельное слѣдствіе одной силы къ отдельному слѣдствію другой и сумму ихъ принимаетъ, какъ выражение общаго слѣдствія. Но правильный ли этотъ процессъ? Да, въ динамикѣ и во всѣхъ отрасляхъ физики, которые подчинены математикѣ, и—пѣть въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ химії. Я вспомнилъ тогда, что на пѣчто подобное указывалось, какъ на различіе между химическими и механическими явленіями въ предисловіи къ любимой книгѣ моего дѣтства „*Система Химіи*“ Томсона. Это различіе сразу освѣтило то затрудненіе, которое охва-

тывало меня въ области политической философіи. Я наконецъ увидалъ, что эта наука можетъ быть или дедуктивной или экспериментальной, смотря по тому, составляютъ или неѣтъ слѣдствія причинъ, въ ихъ совокупности, сумму слѣдствій, производимыхъ тѣми же самыми причинами отдельно одна отъ другой. Отсюда вытекало, что политика по необходимости является дедуктивной наукой. Я видѣлъ теперь, что Маколей и мой отецъ были оба не правы: Маколей, потому что онъ уподобилъ политической философской методъ чисто экспериментальному химическому, а мой отецъ, хотя онъ и правильно избралъ дедуктивный методъ, однако такъ же сдѣлалъ ошибку, принявъ за примѣръ дедукціи не методъ дедуктивныхъ отраслей естественныхъ наукъ, соответствующей политическимъ наукамъ, а методъ чистой геометріи, который къ нимъ не примѣнимъ; на самомъ дѣлѣ геометрія не будучи наукой причинъ, не требуетъ и не допускаетъ какого бы то ни было сложенія дѣйствій. Я набросалъ такимъ образомъ основанія наиболѣе важныхъ главъ логики нравственныхъ наукъ, которую я издалъ впослѣдствіи, и мое новое положеніе относительно моего прежняго воззрѣнія на политику окончательно опредѣлилось.

Если меня спросятъ, какою системою философіи я замѣнилъ ту, которую оставилъ, то я отвѣчу, что ничѣмъ не замѣнилъ ее; я убѣдился въ томъ, что истинная система гораздо сложнѣе и многостороннѣе того, что я когда-либо воображалъ и что ея назначеніе представить рядъ не образцовыхъ учрежденій, но принциповъ, изъ которыхъ можно было бы вывести тѣ учрежденія, которые соответствовали бы даннымъ обстоятельствамъ. Вліяніе европейскихъ, т. е. конти-

нентальныхъ идей стало ясно сказываться на мнѣ. Оно достигало до меня со всѣхъ сторонъ, и изъ сочиненій Кольриджа, которыя я сталъ читать съ интересомъ до перемѣны, произшедшей въ моихъ убѣжденіяхъ, и изъ бесѣдъ съ другими послѣдователями Кольриджа, наконецъ изъ чтенія Гёте и статей Карлейля въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи* и въ *Foreign Review*. Въ теченіе долгаго времени я не находилъ ничего хорошаго въ этихъ журналахъ, а мой отецъ всегда видѣлъ въ нихъ только безумныя рапсодіи. Изъ этихъ источниковъ, равно какъ и изъ французской литературы того времени я почерпнулъ идеи, которыя были слѣдствіемъ переворота въ убѣжденіяхъ европейскихъ мыслителей, особенно во Франціи. Отсюда я увидалъ, что человѣческій умъ подчиняется известному порядку возможнаго для него прогресса, при чёмъ некоторые явленія должны предшествовать другимъ; и этотъ порядокъ можетъ быть измѣненъ, безъ сомнѣнія, правительствами и общественными преобразователями только до известной степени, но не безгранично. Я узналъ, что всѣ вопросы, касавшіеся политическихъ учрежденій, относительны и не безусловны и что различныя степени человѣческаго прогресса не только обусловливаютъ въ данное время, но и всегда будутъ обусловливать различныя учрежденія; правительство находится въ рукахъ или переходитъ въ руки общественнѣйшей силы въ обществѣ, и дѣятельность этой силы не зависитъ отъ учрежденій, а, напротивъ, учрежденія зависятъ отъ нея; что всякая теорія или философія политики предполагаетъ предыдущую теорію человѣческаго прогресса, и то же самое можно сказать о философіи исторіи. Всѣ эти воззрѣнія, справедливыя по существу, поддерживались въ преувеличенной и рѣз-

кой формѣ тѣми мыслителями, съ которыми я обыкновенно разсуждалъ объ этихъ вопросахъ; они, какъ всегда бываетъ во время реакціи, не знали и половины тѣхъ истинъ, которыя исповѣдовали философы XVIII столѣтія. Хотя я одно время относился съ небольшимъ уваженiemъ къ этому великому вѣку, но я никогда не принималъ участія въ реакціи. Мнѣ постоянно приходило на умъ, что борьба, возгорѣвшаяся между XIX и XVIII столѣтіями, походила на споръ, въ которомъ шель вопросъ о цвѣтѣ щита, одна сторона котораго была бѣлая, другая—черная; я постоянно удивлялся слѣпой ярости, съ какой противники бросались другъ на друга. Я примѣнялъ къ нимъ, такъ же и къ Кольриджу многія изрѣченія самого Кольриджа о полуистинахъ, и девизъ Гете: «Смотрѣть на явленія со всѣхъ сторонъ»—былъ однимъ изъ принциповъ, которые я наиболѣе былъ расположенъ взять за правило для себя въ ту эпоху.

Писателями болѣе, чѣмъ всѣ остальные, заставившими меня замѣтить перемѣну, происшедшую въ моихъ политическихъ доктринахъ, были послѣдователи французской школы Сен-Симона. Въ 1829 и 1830 годахъ я познакомился съ нѣкоторыми изъ ихъ сочиненій. Они въ то время только что начинали свои работы и не превращали еще свою философию въ религию, а также не организовали своей системы соціологии. Они только что начинали свое нападеніе противъ принципа наследственной собственности. Я не былъ никакъ расположенъ слѣдовать ихъ теоріямъ, особенно въ такой крайней степени; но я былъ крайне пораженъ тѣмъ сдѣланнымъ идеемъ, которое прежде всего мнѣ бросилось въ глаза въ ихъ теоріи естественнаго порядка человѣческаго общества.

вѣческаго прогресса. Я въ особенности удивился ихъ раздѣленію исторіи на органическіе и критическіе періоды. Во время органическихъ періодовъ, говорили они, человѣчество признаетъ съ непоколебимымъ убѣженіемъ какую-нибудь систему положительныхъ вѣрованій, распространяющуюся на всѣ дѣйствія и заключающую въ себѣ большее или меньшее количество истинъ, соотвѣтственно потребностямъ человѣчества. Подъ вліяніемъ этихъ вѣрованій люди двигаются впередъ по пути указаннаго имъ прогресса; наконецъ они выходятъ изъ опредѣленныхъ границъ и тогда наступаетъ періодъ критики и отрицанія, въ которой человѣчество теряетъ свои старыя убѣженія, не пріобрѣтая новыхъ, а только вѣрить въ то, что прежнія убѣженія ложны. Періодъ греческаго и римскаго политеизма, когда образованные греки и римляне вѣровали въ эти религіозныя системы, былъ органическимъ; за нимъ послѣдовалъ періодъ критической и скептической греческихъ философовъ. Другой органическій періодъ наступилъ съ появлениемъ христіанства. Съ реформаціи начался соотвѣтствующій критической періодъ; онъ продолжается до сихъ поръ и будетъ существовать, пока не будетъ открытъ новый органическій періодъ торжествомъ какой-либо системы выспыхъ вѣрованій. Эти идеи, конечно, не принадлежали исключительно послѣдователямъ Сенъ-Симона; они были достояніемъ всей Европы, по крайней мѣрѣ Германіи и Франціи. Но никто, по моему убѣженію, не могъ воплотить ихъ въ такую совершенную теорію, какъ это сдѣлали послѣдователи Сенъ-Симона; впрочемъ тогда я еще не былъ знакомъ съ сочиненіемъ Фихте «Характеристика настоящаго времени». Правда я видѣлъ, какъ Карлейль

съ горечью называетъ наше время вѣкомъ безвѣрія; но, какъ и почти всѣ, я видѣлъ тогда въ этомъ только пламенный протестъ въ защиту старинныхъ вѣрованій. Все, что было справедливо въ его сѣтованіяхъ, я встрѣтилъ у писателей школы Сен-Симона, но только въ гораздо болѣе спокойномъ тонѣ и въ болѣе философской формѣ. Между ихъ сочиненіями я нашелъ одно, показавшееся мнѣ по достопиству выше другихъ, въ которомъ общая идея представлялась въ болѣе ясной и поучительной формѣ. Это былъ одинъ изъ первыхъ трудовъ Огюста Контя, который тогда называлъ себя ученикомъ Сен-Симона и указывалъ на это въ началѣ своей книги. Въ этомъ сочиненіи Контъ выставилъ въ первый разъ доктрину, которую впослѣдствіи онъ такъ подробно развивалъ; онъ указывалъ на естественную постепенность трехъ ступеней въ каждой отрасли человѣческихъ знаній; теологической, метафизической и положительной. Онъ доказывалъ, что соціальная наука должна повиноваться тому-же закону, что феодальная и католическая системы были послѣднимъ фазисомъ, заключеніемъ ея теологического периода; протестантизмъ былъ началомъ, а доктрины французской революціи концомъ метафизического периода, положительный же еще не наступалъ. Эта доктрина вполнѣ согласовалась съ моими убѣжденіями того времени и, повидимому, придала имъ научную форму. Я уже тогда смотрѣлъ на методъ физической науки, какъ на лучший методъ для политической. Но главная польза, извлеченія мною изъ идей послѣдователей Сен-Симона и изъ взглядовъ Контя, та, что я получилъ болѣе ясное сознаніе о характерѣ переходной умственной эпохи, вѣдѣствие чего я пересталъ принимать отличительныя

нравственные и интеллектуальные черты этого периода за нормальные атрибуты человечества. Я смотрѣлъ впередъ, не останавливаясь на настоящемъ вѣкѣ громкихъ споровъ, но слабыхъ убѣждений, я предвидѣлъ эру, которая соединить самыя лучшія свойства критическихъ периодовъ съ самыми драгоценными достоинствами органическихъ: съ одной стороны безпрепятственную свободу мысли и безпределную свободу индивидуальной дѣятельности (во всѣхъ случаяхъ, когда изъ этого не слѣдуетъ нарушенія правъ ближняго), съ другой стороны правильныя убѣжденія о добрѣ и злѣ, о полезномъ и вредномъ, глубоко запечатленныя въ чувствахъ благодаря воспитанію и общему строю морального сознанія, убѣжденія, достаточно твердо основанныя на правѣ и законныхъ потребностяхъ жизни, чтобы отразить всѣ нападенія и не испытать одинаковой участіи со всѣми религіозными, нравственными и политическими вѣрованіями, прошедшими и настоящими, которыхъ неизбѣжными переворотами периодически отбрасываются и замѣняются новыми.

Конть вскорѣ вышелъ изъ школы Сен-Симона. Я потерялъ изъ виду на нѣсколько лѣтъ какъ его самого, такъ и его сочиненія, но я продолжалъ свои сношенія съ послѣдователями Сен-Симона. Я получалъ свѣдѣнія обѣ ихъ успѣхахъ отъ одного изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ этой школы, М. Густава д'Эйхталя, который въ то время довольно долго жилъ въ Англіи. Я познакомился съ вождями этой школы Базаромъ и Аифантепомъ въ 1830 году.—Вообще пока продолжалась ихъ общественная и литературная дѣятельность, я читалъ почти все, что они писали. Ихъ критика общепринятыхъ доктринахъ либерализма казалась мнѣ весьма

важной и цѣнной; они своими сочиненіями открыли мнѣ глаза на то ограниченное и временное значеніе, которое имѣла въ свое время старинная политическая экономія, признававшая частную собственность и право наследованія ненарушенными законами, а свободу производства и торговли—послѣднимъ словомъ соціального прогресса. Въ системѣ, постепенно развивающей сень-симонистами, гдѣ трудъ и капиталъ должны эксплуатироваться на общую пользу всего общества, каждый отдельный человѣкъ долженъ вносить свою долю труда, безразлично, будь онъ мыслитель, профессоръ, артистъ или производитель, все будуть раздѣляться на классы, сообразно своимъ способностямъ и получать плату соразмѣрно своимъ трудамъ; въ такой системѣ я усматривалъ несомнѣнно болѣе возвышенный родъ соціализма, чѣмъ соціализмъ Овэна. Ихъ цѣль казалась мнѣ желательной и рациональной, средства же нѣсколько недостаточными для этого; и хотя я никогда не вѣрилъ, чтобы ихъ политической механиズмъ могъ выдержать на практикѣ, или произвести выгодные результаты, однако я чувствовалъ, что провозглашеніе такого идеального человѣческаго общества не преминеть оказать благотворное вліяніе уже тѣмъ, что внушить желаніе приблизить нынѣ существующее общество къ известному идеальному типу. Я чувствовалъ особенное уваженіе къ этимъ мыслителямъ за то, что они смѣло и прямо поставили семейный вопросъ, самый важный въ настоящее время. Превозглашая полное равенство между мужчинами и женщинами, а также новый порядокъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, послѣдователи Сенъ-Симона, равно какъ и Овэнъ и Фурье, приобрѣли себѣ право на признательность будущихъ поколѣній.

Разсказывая объ этомъ періодѣ моей жизни, я указа-
зать только на тѣ новыя впечатлѣнія, которыя я счи-
таль и тогда и впослѣдствіи какъ бы поворотными
пунктами моего умственнаго развитія. Но эти не-
многіе избранные пункты даютъ только незначительное
понятіе о томъ количествѣ философскихъ книгъ,
которыя мнѣ приходилось читать для разрѣшенія
массы вопросовъ въ эту переходную эпоху моей жиз-
ни. Многое изъ этого чтенія открывало мнѣ впер-
вые такія вещи, которыя давно извѣстны міру, поня-
тія, отъ которыхъ я до того времени отвертывался или
презиралъ; но эти открытія имѣли для меня все зна-
ченіе новизны. Все-таки я усвоивалъ себѣ истины прямо
изъ источника, а не бралъ ихъ на вѣру, какъ общія мѣста,
основанныя на преданіи; притомъ онѣ являлись мнѣ
въ новомъ свѣтѣ, который приводилъ ихъ въ согласіе
и связь со многими прежними истинами, уже заключав-
шимися въ моихъ прежнихъ мнѣніяхъ, которымъ я
всегда оставался вѣренъ въ существенныхъ пунктахъ.
Всѣ мои новыя мысли только сплюнѣе подкрѣп-
ляли прежнія и глубже запечатлѣвали ихъ въ моемъ
умѣ, устрания совершенно ложныя мысли и запутан-
ныя идеи, мѣшавшія полезнымъ изъ нихъ выводамъ.
Напримеръ, въ теченіе моего послѣдняго припадка
унынія доктрина, носящая въ философіи название *необ-
ходимости*, давила меня подобно кошмару. Я чувство-
валъ — и это было какъ бы научнымъ путемъ доказа-
но,—что я только рабъ предыдущихъ обстоятельствъ,
что мой характеръ и характеры другихъ людей обра-
зованы факторами, вполнѣ независимыми отъ нашей
воли и нашей власти. Я часто говорилъ себѣ, какъ
быть бы я счастливъ, если бы могъ доказать лож-

ность теоріи, по которой характеръ образуется съ помощью обстоятельствъ, находящихся въ нашей власти. Припоминая желаніе Фокса, чтобы теорія сопротивленія правительству никогда не изглаживалась изъ памяти королей, а изъ ума подданныхъ исчезла, я думалъ, что было бы очень хорошо, еслибы было возможно допустить доктрину необходимости, когда дѣло идетъ о характерѣ другихъ, и отвергать ее по отношенію къ самому себѣ! Я печально размышлялъ объ этомъ вопросѣ, пока свѣтъ понемногу не озарилъ меня; я понялъ, что слово *необходимость* какъ название теоріи причинъ, примѣненное къ человѣческой дѣятельности, влечетъ за собою ассоціацію идей, приводящихъ насъ въ заблужденіе; я увидѣлъ, что эта ассоціація идей и была той причиной, которой я былъ обязанъ своимъ уныніемъ. Я понялъ, что хотя нашъ характеръ образуется обстоятельствами, но наши собственные желанія могутъ имѣть сильное вліяніе на измѣненіе этихъ обстоятельствъ, что самая возвышенная и благородная черта въ теоріи свободной воли — заключается въ убѣждениіи, что мы на самомъ дѣлѣ можемъ оказывать вліяніе на образованіе нашего характера, что наша воля, вліяя на обстоятельства, можетъ измѣнить наше будущее. Все это вполнѣ соответствовало теоріи обстоятельствъ или, лучше сказать, составляло эту самую теорію, правильно понятую. Съ того времени я провелъ въ своемъ умѣ ясное различіе между теоріею обстоятельствъ и фатализмомъ, совершенно отбросивъ слово необходимость. Поэтому теорія, которую я такимъ образомъ впервые уяснилъ себѣ, сразу перестала отнимать у меня бодрость; духъ мой успокоился, я не чувствовалъ себя болѣе подавлен-

нымъ этимъ бременемъ, тягостнымъ для каждого, кто, намѣреваясь быть реформаторомъ въ области мысли, видить, что одна теорія—истинна, а другая противоположная—нравственно благодѣтельна. Рядъ мыслей, который освободилъ меня отъ этой дилеммы, казался мнѣ и впослѣдствіи способнымъ оказать такую же услугу другимъ, поэтому я помѣстилъ его въ главѣ, озаглавленной «Свобода и Необходимость» въ послѣдней книжкѣ моей «Системы Логики».

Въ области политики я уже не признавалъ болѣе доктрины моего отца, выраженной въ его «*Очеркъ Правительственной Системы*», научною теоріей; я не считалъ больше представительную демократію абсолютнымъ принципомъ, а думалъ, что это вопросъ времени, места и обстоятельствъ. Я смотрѣлъ теперь на выборъ политическихъ учрежденій скрѣе съ моральной и воспитательной точки зрѣнія, чѣмъ съ точки зрѣнія материальныхъ интересовъ, полагая, что такие вопросы слѣдовало рѣшать, пользуясь наблюденіями надъ прогрессомъ, задавая себѣ вопросъ, какое улучшеніе въ жизни и воспитаніи народа составляеть для этого народа условіе его будущаго развитія и какія учрежденія всего болѣе имѣютъ шансовъ способствовать ему. Однако эти перемѣны въ моихъ свѣдѣніяхъ по политической экономіи не измѣнили моихъ практическихъ мнѣній относительно потребностей нашего времени и страны. Я болѣе чѣмъ когда-либо былъ радикаломъ и демократомъ въ отношеніи всей Европы, особенно Англіи. Я думалъ, что преимущества аристократическихъ классовъ, знатность и богатство являются въ англійской конституції такимъ зломъ, для избавленія отъ которого была бы полезна всякая борьба, не по причинѣ какихъ-либо на-

логовъ, или сравнительно мелкихъ неудобствъ, но вслѣдствіе ихъ деморализующаго вліянія на всю страну. Деморализующимъ это вліяніе являлось, во первыхъ потому что поведеніе правительства представляло примѣръ общественной безнравственности самого грубого вида, такъ какъ здѣсь мы видимъ вполнѣ господство личнаго интереса надъ общественнымъ и злоупотребленіе законодательною властью въ пользу нѣкоторыхъ классовъ. Во-вторыхъ, потому что богатство и окружающая его условія составляли единственный предметъ всеобщаго уваженія и всѣхъ стремленій народа и потому что въ английской конституціи наслѣдственное или приобрѣтенное богатство было почти единственнымъ источникомъ политического значенія. Я полагалъ, что пока высшіе и богатые классы будутъ держать въ своихъ рукахъ власть, образованіе и прогрессъ народной массы будутъ противорѣчить собственному интересу правящихъ сословій, такъ какъ они доставили бы народу силу сбросить давящее ярмо. Но если бы демократія овладѣла большей, даже главной долей власти, то въ интересахъ богатыхъ классовъ было бы способствовать народному образованію, чтобы отразить дѣйствительныя опасности, пропиекавши отъ заблужденій въ особенности отъ тѣхъ, которыхъ могли бы повести къ несправедливому нарушенію правъ собственности. На этомъ основаніи я не только болѣе, чѣмъ когда-либо съ жаромъ высказывался въ пользу демократическихъ учрежденій, но и искренно желалъ, чтобы теоріи овѣнистовъ, сень-симонистовъ и другихъ широко распространились между бѣдными классами,—не потому, чтобы я считалъ ихъ истинными или желалъ ихъ осуществленія на практикѣ, но потому, что высшіе

классы принуждены были бы открыть глаза и увидать, что народъ необразованный для нихъ гораздо опаснѣе образованаго.

Таково было настроеніе моего ума, когда во Франціи вспыхнула польская революція. Я былъ охваченъ энтузіазмомъ и, такъ сказать, для меня открылась заря новой жизни. Я поспѣшилъ въ Парижъ, былъ представленъ Лафайету и завязалъ сношеніе съ нѣкоторыми вождями передовой народной партіи; эти сношенія я поддерживалъ потомъ долгое время. По возвращеніи въ Англію, я принялъ горячее участіе въ печатномъ обсужденіи политическихъ вопросовъ того времени, которые приняли наиболѣе оживленный характеръ по вступленіи на постъ министра лорда Грея и послѣ внесенія билля о реформѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ я много и постоянно писалъ въ periodическихъ изданіяхъ. Почти въ то же время Фонбланкъ, помѣщавшій долгое время политическія статьи въ «*Examiner*», сдѣлался собственникомъ и редакторомъ этого изданія. Никто не забылъ, вѣроятно, съ какимъ талантомъ, жаромъ и остроумiemъ онъ вѣль эту газету во все время министерства лорда Грея и какое значеніе пріобрѣла она, въ качествѣ главнаго органа радикальныхъ мнѣній. Отличительный характеръ органа Фонбланка происходилъ исключительно отъ его собственныхъ статей, составлявшихъ по крайней мѣрѣ три четверти всего, что было оригиналнаго въ каждой нумерѣ. Что касается до меня, то я болѣе чѣмъ кто-либо способствовалъ составленію послѣдней четверти. Я писалъ почти всѣ статьи, посвященные французскимъ дѣламъ, и еженедѣльный обзоръ французской политики, достигавшій иногда довольно значитель-

ныхъ размѣровъ; въ то же время я помѣщалъ много передовыхъ статей обѣй общей политикѣ, о коммерческомъ и финансовомъ законодательствѣ, а также различные разборы по вопросамъ, интересовавшимъ меня, а иногда и рецензіи о вышедшихъ книгахъ. Въ началѣ 1831 года я попытался въ рядѣ статей подъ общимъ заглавиемъ «*Духъ вѣка*» изобразить иѣкоторыя изъ моихъ новыхъ мнѣній и особенно указать въ характерѣ нашего времени аномалии и недостатки, которые присущи переходной эпохѣ отъ старой системы къ новой, еще не вполнѣ сложившейся. Эти статьи были, я полагаю, тяжелы по слогу, лишены одушевленія и недостаточно интересны для обыкновенныхъ газетныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что во время своего появленія, когда великая политическая событія были на виду и занимали умы всѣхъ людей, статьи эти были совершенно несвоевременны и не достигали своей цѣли. Единственный человѣкъ, на которого они произвели впечатлѣніе, былъ Карлейль, жившій тогда въ Шотландіи. Онъ прочелъ ихъ въ своемъ уединеніи и сказалъ самъ себѣ (какъ я узналъ отъ него впослѣдствіи): «вотъ новый мистикъ». Проехавшая въ слѣдующую осень черезъ Лондонъ онъ справился обѣй имени автора, и мы познакомились.

Я уже говорилъ, что первыя сочиненія Карлейля ознакомили меня съ иѣкоторыми новыми идеями, которые расширили слишкомъ узкій горизонтъ моихъ прежнихъ уображеній; но я не думаю, чтобы эти сочиненія сами по себѣ имѣли какое нибудь вліяніе на мои мнѣнія. Истины, высказанныя въ нихъ, были уже известны мнѣ изъ другихъ источниковъ, а у Карлейля они были выражены въ формѣ наименѣе соответствовавшей моему уму. Я видѣлъ въ нихъ только иѣменецкую туман-

ную поэзию и метафизику, среди которыхъ предо мною ясно выступала сильная непріязнь къ тому, что составляло основу моихъ мнѣній: къ религіозному скептицизму, къ утилитаризму, къ теоріи обстоятельствъ и къ признанію важнаго значенія демократіи, логики и политической экономіи. Такимъ образомъ, я не только не усвоилъ сразу ничего изъ принциповъ Карлейля, но сталъ понимать его сочиненія только по мѣрѣ того, какъ началъ усваивать ихъ по другимъ источникамъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ внутреннему строю моего ума. Однако, удивительный талантъ, съ какимъ онъ ихъ выражалъ, производилъ громадное впечатлѣніе на меня, и я долгое время былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его почитателей, но польза, приносимая мнѣ его сочиненіями, заключалась не въ увеличеніи моихъ философскихъ идей, а въ развитіи поэтическаго настроения. Даже въ то время, когда началось наше знакомство, я не достаточно подвинулъся впередъ въ своихъ мнѣніяхъ, чтобы вполнѣ его оцѣнить; доказательствомъ служитъ то, что я вынесъ очень мало изъ рукописи его *«Sartor Resartus»*, его наилучшаго и величайшаго труда: однако, когда онъ издалъ его черезъ два года въ *«Fraser's Magazine»*, я прочелъ его съ восторженнымъ удивленіемъ и самымъ живымъ удовольствиемъ. Я не добивался знакомства съ Карлейлемъ и не поддерживалъ его дружбу, можетъ быть, по причинѣ существеннаго различія между нашими убѣжденіями;—онъ скоро убѣдился, что я не былъ «новымъ мистикомъ», и когда я честосердечно написалъ ему полную исповѣдь своихъ мнѣній, гдѣ я выражалъ всѣ мои убѣжденія, какія могли быть ему непріятны, онъ мнѣ отвѣтилъ, что главное различіе между нами заключалось въ томъ,

что я «еще не былъ сознательно мистикомъ». Не знаю, въ какую эпоху онъ отказался отъ надежды видѣть меня мистикомъ, но хотя наши мнѣнія въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ подвергались значительнымъ измѣненіямъ, мы никогда не были такъ близки другъ къ другу, какъ въ первые годы нашего знакомства. Однако я не считалъ себя компетентнымъ критикомъ Карлейля; я чувствовалъ, что онъ былъ поэтъ, а я не былъ имъ, что онъ былъ созерцательнымъ мыслителемъ, а я нѣть, что въ этихъ отношеніяхъ онъ открывалъ передо мною много такихъ предметовъ, которыхъ я не могъ видѣть безъ посторонняго указанія и что я, наконецъ, быть высокочкой, ощупью доказывавшей ихъ, но что очень вѣроятно онъ видѣть вещи, не видимыя для меня даже послѣ того, какъ мнѣ ихъ указали. Я чувствовалъ, что я не могъ вполнѣ оцѣнить Карлейля и тѣмъ менѣе былъ увѣренъ, что обладаю болѣе широкимъ мысленнымъ кругозоромъ, чѣмъ онъ; я никогда не осмѣливался произносить о немъ окончательный приговоръ и все ожидалъ, что мнѣ объяснить это кто-нибудь, стоящий выше насть обоихъ вмѣстѣ, кто былъ бы болѣе поэтъ, чѣмъ онъ, и болѣе мыслитель, чѣмъ я.

Между мыслителями, которыхъ я зналъ съ давнихъ поръ, наиболѣе всего я сошелся въ это время съ Остеномъ старшимъ. Я уже упоминалъ, что онъ постоянно порицалъ нашъ сектантскій духъ; впослѣдствіи онъ, подобно мнѣ, подвергся дѣйствію новыхъ вліяній. Назначенный профессоромъ права въ Лондонскомъ университете (теперь университетская коллегія), онъ провелъ нѣсколько времени въ Бопіѣ, чтобы подготовиться къ чтенію своего курса; вліяніе нѣмецкой литературы, нѣмецкаго характера и общества въ значи-

тельной степени измѣнили его взгляды на жизнь; его нравъ сдѣлался гораздо болѣе мягкимъ; онъ сталъ съ меньшимъ пыломъ относиться къ полемикѣ; его вкусы уже клонился къ поэзіи и къ созерцанію. Онъ придавалъ теперь гораздо менѣе значенія внѣшнимъ перемѣнамъ общества, если ихъ не сопровождало наиболѣшее развитіе внутренней природы человѣка; онъ питалъ глубокое отвращеніе къ образу англійской жизни, съ его отсутствіемъ широкихъ понятій и благородныхъ стремленій, и преобладаніемъ эгоистическихъ интересовъ, къ которымъ стремятся всѣ классы англійского общества. Даже общественные интересы, которыми занимаются англичане, онъ ставилъ довольно низко. Онъ полагалъ, что въ прусской монархіи существуетъ гораздо лучшее правительство съ политической точки зре-
нія и что тамъ неизмѣримо болыше заботятся объ образованіи и умственномъ развитіи всѣхъ классовъ общества, чѣмъ въ Англіи при представительномъ образѣ правленія; онъ, вмѣстѣ съ французскими экономистами, держался того мнѣнія, что действительная гарантія хорошаго правленія—«образованный народъ», а послѣднее явленіе вовсе не есть слѣдствіе народныхъ учрежденій, и если бы можно было достигнуть его безъ ихъ помощи, то оно бы замѣнило ихъ съ выгодаю. Хотя онъ относился одобрительно къ биллю о реформѣ, но предсказывалъ, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ, что онъ не произведетъ тѣхъ значительныхъ улучшеній, которыхъ отъ него ожидали. По его словамъ въ нашей странѣ не было людей, способныхъ сдѣлать эти вели-
кія перемѣны. Между мною и имъ было много общаго, какъ въ его новыхъ мнѣніяхъ, усвоенныхъ также и мною, такъ и въ старыхъ, которыхъ онъ еще придер-

живался. Подобно мнѣ, онъ никогда не переставалъ быть утилитаристомъ и при всемъ своемъ пристрастіи къ нѣмцамъ и ихъ литературѣ онъ никогда не примирялся съ метафизикой врожденныхъ принциповъ. Мало-по-малу въ немъ стало развиваться нѣчто въ родѣ нѣмецкаго культа, составленнаго изъ поэзіи и чувства съ незначительной долею положительныхъ догматовъ: къ политикѣ, гдѣ я наиболѣе расходился съ нимъ, онъ относился съ равнодушіемъ, близко граничащимъ съ презрѣніемъ къ развитію народныхъ учрежденій, но онъ сочувствовалъ прогрессу соціализма и видѣлъ въ немъ наиболѣе действительное средство принудить могущественные классы содѣйствовать народному образованію, а также внушить пролетаріямъ, что единственный способъ улучшенія ихъ материальнаго положенія состоить въ уменьшениі ихъ численности. Онъ не былъ тогда кореннымъ противникомъ собственно соціализма, какъ конечнаго результата прогресса. Онъ мало уважалъ то, что онъ называлъ «всеобщими принципами политico-экономистовъ относительно человѣческой природы» и настаивалъ на доказательствахъ, доставляемыхъ исторіей и ежедневнымъ опытомъ, въ пользу «необыкновенной гибкости человѣческой натуры» (выраженіе, заимствованное мною изъ его сочиненій): онъ считалъ невозможнымъ поставить положительныя границы моральными способностями, которыя могли бы развиться въ человѣчествѣ при разумномъ направленіи условій соціального строя и образования. Сохранилъ ли онъ эти мысли, выраженные имъ въ послѣдніе годы, а особенно въ его послѣднемъ сочиненіи, отличались гораздо болѣе аристократическимъ характеромъ, чѣмъ въ описываемую мною эпоху.

Я чувствовалъ, что сталъ теперь очень далекъ отъ мыслей и чувствъ моего отца; въ этомъ можно было убѣдиться спокойнымъ объясненіемъ и общимъ обзоромъ нашихъ обоюдныхъ мнѣній. Но мой отецъ не былъ такимъ человѣкомъ, съ которымъ можно было бы вести спокойное и основательное обсужденіе относительно коренныхъ пунктовъ его доктрины, и въ особенности этого не могъ сдѣлать тотъ, кого онъ считалъ, до нѣкоторой степени, дезертиромъ своего знамени. По счастью, мы были всегда солидарны съ нимъ относительно главныхъ политическихъ вопросовъ, которые владѣли всецѣло его вниманіемъ и были почти исключительною темой его разговоровъ. О вопросахъ, въ которыхъ мы расходились съ нимъ, мы говорили очень мало. Онъ зналъ, что привычка самостоительно мыслить, которую онъ развила во мнѣ своею системою воспитанія, заставляла меня въ нѣкоторыхъ случаяхъ думать иначе, чѣмъ онъ, и замѣчалъ время отъ времени, что я не говорилъ ему, до какой степени далеко доходило это различіе. Я не ожидалъ ничего хорошаго, кромѣ непріятностей какъ для него, такъ и для меня, отъ совмѣстнаго обсужденія этихъ разногласій; поэтому я никогда не высказывалъ ихъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда высказанное имъ мнѣніе или чувство настолько противорѣчили моимъ убѣжденіямъ, что молчаніе съ моей стороны могло дать поводъ усомниться въ искренности моихъ къ нему отношений.

Мнѣ остается сказать о томъ, что я написалъ въ теченіе этихъ лѣтъ, такъ какъ на ряду съ статьями, помѣщеными въ periodическихъ изданіяхъ, я занимался и другими трудами. Въ 1830 или 1831 году я написалъ пять очерковъ, которые впослѣдствіи я издалъ

подъ заглавіемъ «*Очерки нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ политической экономіи*», гдѣ они перепечатаны почти безъ всякихъ измѣненій, кромѣ пятаго очерка, передѣланнаго мною въ 1833 году. Я писалъ ихъ, не имѣя намѣренія немедленно издать, и когда я предложилъ ихъ спустя нѣсколько лѣтъ одному издачу, то получилъ ихъ обратно. Они были напечатаны только въ 1844 году послѣ успѣшнаго выпуска моей «*Системы Логики*». Я возобновилъ также свое изученіе логики и долго возился, какъ и другіе мои предшественники, надъ великою задачею открытия новыхъ истинъ съ помощью общихъ умозаключеній. Фактъ самъ по себѣ не давалъ повода къ сомнѣнію. Также несомнѣнно было, что всякое разсужденіе можно привести къ силлогизму, а въ каждомъ силлогизме заключеніе фактически содержится и подразумѣвается въ посылкахъ. Какъ заключеніе, содержимое въ посылкахъ и подразумѣваемое ими, можетъ быть новой истиной? Какъ могутъ геометрическія теоремы, столь отличающіяся по виду отъ опредѣлений и аксиомъ, заключаться въ нихъ? Въ этомъ-то и была трудность, которую, по моему мнѣнію, никто не сознавалъ въ достаточной степени, и которую во всякомъ случаѣ никому не удалось выяснить. Объясненія Уэтлея и другихъ писателей по логикѣ, хотя временно удовлетворяли умъ, оставляли, по моему мнѣнію, вопросъ попрежнему въ туманѣ. Наконецъ, читая во второй или третій разъ главу объ умозаключеній Дугальда Стюарта и останавливаясь на каждомъ пункѣ, я былъ пораженъ встрѣченной мною тамъ идею о пользѣ аксиомы въ умозаключеніи, которой я, помнится, прежде не замѣчалъ при чтеніи этого философа, по котораго послѣ зрелага обсужденія показалась

мнѣ справедливою не только по отношенію къ аксіомамъ, но и ко всѣмъ общимъ предложеніямъ, какого-бы рода они ни были; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ показалось, что въ этомъ-то и лежитъ ключъ къ разрѣшенію трудностей. Это было зародышъ той теоріи силлогизма, которую я выставилъ во второй книгѣ «Системы Логики»; я тогда же набросалъ вкратцѣ ея содержаніе. Тогда листя себя надеждой, что я могу составить оригинальный и хоть сколько-нибудь цѣнныи трудъ по логикѣ, я началъ писать первую книгу, пользуясь планомъ, набросаннымъ мною раньше. То, что я теперь написалъ, послужило основаніемъ первого отдѣла моего сочиненія, въ его окончательной формѣ; тогда еще не было у меня изложенія теоріи пяти родовъ сказуемаго, которое было прибавлено послѣ, во время изслѣдованія затрудненій, встрѣтившихся при разсмотрѣ содерянія послѣднихъ главъ третьей книги. Достигнувъ этого, я сдѣлалъ перерывъ на пять лѣтъ; я сдѣлалъ все, что могъ, и не былъ въ состояніи добиться чего-нибудь въ то время относительно индукціи. Я продолжалъ читать всѣ книги, которыя, повидимому, обѣщали пролить новый свѣтъ на этотъ вопросъ и старался усвоить себѣ насколько возможно ихъ результаты; по въ продолженіе долгаго времени я не находилъ ничего, чтобы могло открыть новый путь моимъ размышленіямъ.

Въ 1832 году я написалъ нѣсколько статей для первой серии *Tait's Magazine* и одну для трехмѣсячнаго журнала *Jurist*, основаннаго и поддерживаемаго въ течіе нѣкотораго времени кружкомъ товарищѣй, юристовъ и сторонниковъ законодательной реформы; съ нѣсколькими я былъ знакомъ. Послѣдняя статья трактовала о правахъ и обязанностяхъ государства отно-

сительно корпоративныхъ и церковныхъ владѣній и по-
мѣщена въ началѣ собранія моихъ *Изслѣдований и Разсужденій*, гдѣ находится также одна изъ статей, написанныхъ для *Tait's Magazine*:— *Фокусъ денежной обращенія* (*Currency Joggle*). Во всемъ, что я писалъ до этихъ двухъ статей, нѣть ничего заслуживающаго быть перепечатаннымъ. Статья въ *Jurist*, которая, я полагаю, является вполнѣ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ правъ государства на церковную собственность и завѣщанные капиталы, выражала два моихъ взгляда старый и новый. Во-первыхъ, я утверждалъ также энергично, какъ сдѣлалъ-бы и во всяко другое время, что церковные доходы есть национальная собственность, что правительство можетъ и обязано наблюдать за ними; во-вторыхъ, я не осуждалъ, какъ прежде, всѣ церковные доходы вообще и не предлагалъ государству воспользоваться ими для уплаты государственного долга, а, напротивъ, энергично поддерживалъ необходимость сохранить для воспитанія ресурсы, не зависящіе отъ простого спроса на рынкѣ, то есть отъ знанія и здраваго смысла родителей, но дававшіе бы возможность поддерживать уровень воспитанія болѣе высокій, чѣмъ какой требуютъ покупатели этого товара. Впослѣдствіи миѣнія эти укрѣпились и усилились дальнѣйшими моими размышленіями.

ГЛАВА VI.

Начало самой драгоценной дружбы моей жизни. — Смерть отца. — События и сочинения до 1840 года.

Въ періодъ такого умственного развитія я завязаль дружбу, которая была для меня величайшимъ счастіемъ моей жизни; она также послужила источникомъ почти всего, что я сдѣлалъ до сихъ поръ, и что я надѣюсь еще сдѣлать на пользу человѣческаго благосостоянія. Въ 1830 году я въ первый разъ былъ представленъ женщинѣ, которая послѣ двадцатилѣтней дружбы согласилась выйти за меня замужъ. Мнѣ было въ то время двадцать пять лѣтъ, ей двадцать три года. Это знакомство возобновило старинныя отношенія между мною и семействомъ ея мужа. Дѣдъ послѣдняго жилъ въ Невингтонѣ-Гринѣ пососѣству съ моимъ отцомъ, и въ теченіе моего детства старый джентльменъ иногда приглашалъ меня играть въ его саду. Это былъ прекрасный типъ старого шотландскаго пуританина, строгаго, суроваго, могучаго, но крайне добраго къ детямъ, на которыхъ подобные люди производятъ всегда глубокое впечатлѣніе. Прошло нѣсколько лѣтъ нашего знакомства съ мистриссъ Тэйлоръ, прежде чѣмъ между нами установилась тѣсная дружба и совершенное довѣріе; но я съ самаго начала почувствовалъ, что она была самыи удивительнымъ человѣкомъ, какого я когда-либо встрѣчалъ. Безъ сомнѣнія она не была, да и никто не могъ быть въ тѣ лѣта, когда я впервые увидаль её тѣмъ совершенствомъ, какимъ она сдѣлалась впослѣдствіи.

По отношению къ ней это было еще менѣе справедливо, чѣмъ къ кому-либо другому. Казалось, что основнымъ закономъ ея натуры было постоянное саморазвитіе въ лучшемъ и самомъ возвышенномъ видѣ; это было какъ бы потребностью, проходившею отъ той пылкости, съ какою она стремилась къ самоусовершенствованію, и отъ той природной наклонности ума, которая не могла поддаться какому-либо впечатлѣнію, не обративъ его въ источникъ умственного развитія. Когда я увидѣлъ её въ первый разъ, ея богато одаренная и мочучая натура еще только развивалась и выражалась въ обычной формѣ женского совершенства. Для свѣта она была красивой и умной женщиною, обращавшей на себя вниманіе благородствомъ, поражавшемъ всѣхъ приближавшихся къ ней. Для своихъ друзей это была женщина съ глубокими и сильными чувствами, съ проницательнымъ и быстрымъ умомъ, съ мечтательною и поэтическою натурой. Выйдя замужъ рано за человѣка честнаго, прекраснаго, уважаемаго, отличавшагося хорошимъ воспитаніемъ и либеральными взглядами, по неимѣвшаго тѣхъ умственныхъ и артистическихъ наклонностей, которыя поставили бы его на одномъ уровнѣ съ его женой, она нашла въ немъ вѣрнаго и нѣжнаго друга, и съ своей стороны питала къ нему самое искреннее уваженіе и самую сильную привязанность въ теченіе всей его жизни, а послѣ его смерти она высказывала по немъ самое глубокое сожалѣніе.

Линиенша вслѣдствіе общественной неправоспособности, тяготѣющей надъ женщинами, всякой возможности примѣнить къ дѣлу свои громадныя способности, она проводила жизнь большую чаѣть въ созерцаній, разнообразя еї только близкимъ знакомствомъ съ не-

большимъ кружкомъ друзей. Между ними только одна даровитая женщина, нынѣ уже умершая, походила на нее складомъ своего ума и своими душевными качествами; весь другій также болѣе или менѣе раздѣляли ея чувства и убѣжденія. Я имѣлъ счастье быть принятymъ въ этотъ кружокъ и скоро замѣтилъ, что мистрись Тэйлоръ обладала въ совокупности всѣми качествами, которыя я встрѣчалъ прежде только отдалено въ другихъ людяхъ, лично знакомыхъ мнѣ. Въ ней полная свобода отъ предразсудковъ и протестъ противъ мнѣній и условій общественной жизни происходили не отъ строгаго логического ума, а отъ сильныхъ и возвышенныхъ чувствъ, — которыя притомъ соединялись съ наклонностью уважать и любить все достойное и высокое. Общій строй ея ума, ея темпераментъ и характеръ часто заставляли меня сравнивать ее въ то время съ поэтомъ Шелли; но, по уму и глубинѣ мыслей, Шелли, — преждевременная смерть слишкомъ рано его похитила, — былъ только ребенкомъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась впослѣдствіи. Въ самыхъ возвышенныхъ областяхъ философскаго наблюденія, какъ и въ обыденныхъ жизненныхъ мелочахъ, ея умъ повсюду являлся одинаково совершеннымъ; онъ проникалъ вглубь, въ сущность каждого вопроса; ни основная идея, ни принципъ не ускользали отъ него. Эта точность, эта быстрота выполненія, которыя служили отличительнымъ признакомъ всѣхъ ея умственныхъ способностей, равно какъ и ея чувства, въ соединеніи съ природными дарованіями въ области чувства и воображенія, могли бы сдѣлать изъ нея совершенную артистку. Ея пылкая и иѣжкая душа, ея энергичная рѣчь, по всей вѣроятности, выработали бы изъ нея великаго оратора.

Наконецъ, если бы политическая дѣятельность была открыта женщинамъ, ея глубокое знакомство съ человѣческой природой, разборчивость и проницательность, которыя она проявляла въ практической жизни, доставили бы ей выдающееся мѣсто среди вождей человѣчества. Ея умственныя дарованія служили подспорьемъ ея нравственному характеру, самому благородному и уравновѣшенному, какой я встрѣчалъ когда-либо между людьми. Въ ней не было и тѣни эгоизма, не благодаря дѣйствію системы заученныхъ обязанностей, но въ силу вліянія душевнаго, которое, этождествляясь съ чувствами другихъ людей, доходило иногда до крайностей, придавая чувствамъ другихъ съ помощью воображенія всю силу своихъ. Можно было бы повѣрить, что страсть къ справедливости являлась для нея наиболѣе могущественною, если бы она не отличалась безграничнымъ человѣколюбіемъ и добротою, добродушіемъ и нѣжностью, всегда готовою оказать всевозможныя услуги.

Другія нравственные качества, дополнявшія ея характеристику, вполнѣ соотвѣтствовали такимъ умственнымъ и душевнымъ ея качествамъ. Съ самой благородной гордостью она соединяла чистосердечную скромность; она держала себя просто и совершенно искренно съ тѣми, кто могли оцѣнить эти качества. Ея презрѣніе ко всему низкому и пошлому доходило до крайнихъ предѣловъ; она пылала негодованіемъ при поступкѣ, который выказывалъ въ поведеніи или характерѣ человѣка грубья склонности тиранническія, вѣроломныя или безчестныя. При этомъ она дѣлала самое широкое различіе между ошибками, которыя суть или *mala in se* или только *mala prohibita*, между поступками, свидѣтельствующими о крайней испорченности чувствъ и

характера и дѣйствіями, которая не что иное, какъ нарушеніе хорошихъ или дурныхъ условныхъ правилъ и сами по себѣ могли быть совершены людьми во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасными и добродѣтельными. Было невозможно, чтобы я, вступивъ въ умственное общеніе съ человѣкомъ, одареннымъ такими драгоцѣнными качествами, не испыталъ на себѣ благодѣтельнаго вліянія; безъ сомнѣнія, результатъ обнаруживался понемногу, и протекло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ я умѣлъ и мой въ своемъ развитіи достигли той совершенной гармоніи, которая оказалась впослѣдствіи. Изъ этого общенія я извлекъ гораздо больше выгодъ, чѣмъ могъ надѣяться. Она же, дойдя до своихъ убѣжденій благодаря энергіи и непрерывнымъ усилиямъ нравственнаго чувства, могла также безъ всякаго сомнѣнія найти нѣкоторую поддержку и почерпнуть бодрость въ человѣкѣ, который достигъ тѣхъ же результатовъ, путемъ изученія и размышленія; при быстромъ развитіи ума ея интеллектуальная дѣятельность, превращавшая всякую идею въ точное понятіе, запмствовала безъ сомнѣнія у меня такъ же, какъ и изъ другихъ источниковъ, значительное количество материала, которымъ она пользовалась. Мнѣ пришлось бы занять много мѣста, если бы я захотѣлъ подробно указать, чѣмъ я обязана этой женщинѣ, хотя бы въ умственномъ отношеніи. Я дамъ только въ нѣсколькихъ словахъ общее представление о той услугѣ, которую она мнѣ оказала. Для тѣхъ, которые, по примѣру самыхъ мудрыхъ и лучшихъ людей, недовольны дѣйствителльнымъ положеніемъ общества и которые вполнѣ убѣждены въ необходимости произвести радикальную реформу въ этой области, существуютъ двѣ точки зренія. Одни обращаютъ вниманіе

на конечныя цѣли, на существенные элементы самаго высокаго идеала, какой только осуществимъ въ обществѣ, другія прилагають всѣ свои усилія къ усовершенствованію въ области непосредственной и практической пользы. Изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, выясненныхъ мнѣ ею, я извлекъ для своего образованія гораздо болѣе чѣмъ изъ другихъ уроковъ, которыми я могъ пользоваться. По правдѣ сказать въ этихъ двухъ крайнихъ воззрѣніяхъ и заключается вся сила истины. Всѣ мои мнѣнія вытекали изъ изученія моральныхъ и политическихъ наукъ, области невѣрной и гибельной, тѣ рѣшенія, къ какимъ я пришелъ въ области политической экономіи, аналитической психологіи, логики, философіи, исторіи и другихъ предметовъ многимъ обязаны этой благородной женщины, у которой я заимствовалъ разумный скептицизмъ въ отношеніи къ этимъ выводамъ.

Меня часто хвалили и, по моему мнѣнію, совершенно незаслуженно за то, что въ моихъ сочиненіяхъ находятъ, повидимому, болѣе практическій умъ, чѣмъ какой встрѣчается у большинства мыслителей, занятыхъ решеніемъ самыхъ общихъ вопросовъ. Сочиненія, въ которыхъ можно замѣтить это достоинство, не были твореньемъ одного ума, а двухъ, изъ которыхъ одинъ вносилъ столько же практическаго смысла въ свои сужденія о настоящихъ явленіяхъ, сколько благородства и смѣлости въ свои предвидѣнія далекаго будущаго.

Однако въ настоящій періодъ вліяніе мистрисъ Тэйлоръ было только однимъ изъ многихъ, которыя способствовали развитію моего характера, и даже, когда это вліяніе сдѣжалось главнымъ факторомъ моего умственнаго развитія, оно не измѣнило моего направ-

ления, а только придало мнѣ болѣе бодрости и вдохнуло въ меня благоразуміе. Единственный реальный переворотъ, когда либо происходившій въ моемъ умѣ, уже пришелъ къ концу, и моимъ новымъ стремленіямъ оставалось только въ однихъ отношеніяхъ окрѣпнуть, въ другихъ прийти къ болѣе умѣренной формѣ. Единственная истинная перемѣна, которую мнѣ предстояло испытать въ моихъ убѣжденіяхъ, относилась къ области политики. Она состояла съ одной стороны въ болѣе близкомъ приближеніи къ области цѣлой человѣчества, къ умѣренному соціализму, съ другой стороны — въ превращеніи моего политического идеала изъ чистой демократіи, какъ ее понимали въ то время, въ ту форму демократіи, которую я выставилъ въ своихъ *«Соображеніяхъ о представительномъ правлении»*.

Эта послѣдняя перемѣна совершилась во мнѣ очень медленно съ того времени, когда я прочелъ или скорѣе изучилъ сочиненіе Токвиля *«Демократія въ Америкѣ»*, которое попалось мнѣ въ руки немнога спустя послѣ своего выхода въ свѣтъ. Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ Токвиль указалъ на хорошія стороны демократіи болѣе рѣшительнымъ и яснымъ образомъ, чѣмъ мнѣ приходилось встрѣтить въ сочиненіяхъ самыхъ восторженныхъ демократовъ. Съ одной стороны авторъ бросалъ яркій свѣтъ на всѣ опасности, которыя угрожаютъ демократіи, разсматриваемой какъ правление численнаго большинства; онъ подвергалъ ихъ поочереди мастерскому анализу не для того, чтобы изъ спорныхъ доводовъ найти образъ правлениія, который онъ считалъ непозѣжимъ результатомъ человѣческаго прогресса, но, чтобы указать на слабыя стороны демократическаго режима, на тѣ поправки, ко-

торыя даютъ широкій просторъ его благотворнымъ стремлениямъ и нейтрализуютъ или ослабляютъ его вредныя стороны. Я былъ въ это время хорошо подготовленъ къ такому изученію и съ тѣхъ поръ мои собственныя воззрѣнія начали развиваться все болѣе и болѣе въ этомъ направленіи. Однако, измѣненія, происходившія въ моихъ политическихъ идеяхъ, разсматриваемыя съ практической точки зрењія, пришли къ концу только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Это можно замѣтить, сравнивая мой первый критический разборъ «Демократіи въ Америкѣ», написанный и изданный въ 1835 году, со вторымъ напечатаннымъ въ 1840 году въ моихъ „Разсужденіяхъ“, а этотъ послѣдній трудъ съ „Соображеніями о представительномъ правлении“.

Изъ изученія Токвиля я извлекъ для себя также большую пользу относительно вопроса, также касавшагося области демократіи, я хочу сказать относительно централизациі. Могущественный философскій анализъ, который Токвиль примѣнялъ къ учрежденіямъ Америки и Франціи, побудилъ его придавать самое большое значеніе той политической доктринѣ, что всѣ граждане должны собственными силами выполнять самую большую часть коллективной общественной работы, безъ всякаго вмѣшательства правительства, въ какой бы формѣ ни выражалось это вмѣшательство: въ замѣнѣ ли самоуправлѣнія администрацией или въ контролѣ надъ всѣми его дѣйствіями. Онь считалъ свободную дѣятельность гражданина въ сферѣ политики не только самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для развитія общественныхъ чувствъ и дѣлового характера народа,—двухъ столь важныхъ и необходимыхъ условій хорошаго правлениія—но

и специальнымъ противоядіемъ противъ нѣкоторыхъ характеристическихъ недостатковъ демократіи и предохранительнымъ средствомъ отъ вырожденія ея въ тотъ единственныій видъ деспотизма, который въ современномъ мірѣ представляетъ дѣйствительную опасность,— въ абсолютное господство главы исполнительной власти надъ обществомъ индивидуумовъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою и всѣхъ равныхъ по своей подчиненности. Безъ сомнѣнія нечего было опасаться подобнаго явленія въ Англіи, такъ какъ девять десятыхъ внутреннихъ дѣлъ, которыя въ другихъ странахъ составляютъ атрибутъ правительства, тамъ велись органами, совершенно независимыми отъ него; въ Англіи централизація была и есть предметомъ не только рационального осужденія, но и неразумнаго предразсудка, гдѣ ревность къ вмѣшательству правительства составляетъ слѣпое чувство, обвинявшее и оспаривавшее даже самую благодѣтельную иниціативу законодательной власти при исправленіи злоупотребленій того, что называется мѣстнымъ самоуправлениемъ, а на самомъ дѣлѣ слишкомъ часто представляетъ изъ себя эксплуатацію мѣстныхъ интересовъ въ пользу интригъ мѣстной олигархіи, составленной изъ неблаговидныхъ и ограниченныхъ людей. Но если общество могло пойти навстрѣчу опасностямъ путемъ системы, противоположной централизаціи, тѣмъ болѣе слѣдовало опасаться, чтобы философскіе реформаторы не впали бы въ противоположное заблужденіе и не пренебрегали бы затрудненіями, гибельные результаты которыхъ они еще не испытывали. Я самъ въ эту эпоху принималъ дѣятельное участіе въ защитѣ важныхъ мѣропріятій, какъ, напримѣръ, реформы закона для бѣдныхъ въ 1834 году, противъ несправедли-

выхъ осужденій, основанныхъ на предразсудкѣ противъ централизаціи. Безъ указаній, заимствованныхъ мною у Токвиля, я не знаю, можетъ быть я бы и самъ впалъ, подобно многимъ предшествовавшимъ мнѣ реформаторамъ, въ крайность, противоположную той, съ которой я боролся, такъ какъ она единственno господствовала въ моей странѣ. Я заботливо миновалъ оба заблуждения и удалось ли мнѣ или нѣть удержаться на равномъ разстояніи отъ обѣихъ опасностей, но по крайней мѣрѣ, я съ одинаковой настойчивостью указывалъ на то зло, которое являлось результатомъ этихъ заблужденій и я предался серьезному изученію средствъ для согласованія выгодныхъ сторонъ того и другого направленія.

Въ это время происходили парламентскіе выборы, непосредственно слѣдовавшіе за реформой. Были избраны нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ мопхъ друзей и знакомыхъ, сторонниковъ радикальной партіи, Гротъ, Робукъ, Буллеръ, сэръ Вильямъ Молесвортъ, Джонъ и Эдуардъ Ромилы и еще нѣкоторые другіе; кромѣ того Варбуртонъ, Струтъ и другіе, уже прежде засѣдавшіе въ парламентѣ. Тѣ, кто сами себя считали и кого ихъ друзья называли философскими радикалами, имѣли отнынѣ, повидимому, прекрасный случай: они находились теперь въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ когда либо, чтобы выказать свои способности. Вмѣстѣ съ отцомъ я возлагалъ на нихъ большія надежды; но имъ не суждено было осуществиться. Всѣ они были люди честные и вѣрные своимъ убѣжденіямъ, по крайней мѣрѣ относительно подачи голосовъ, несмотря на всякия преграды. Когда предлагались мѣры, прямо противорѣчащія ихъ принципомъ, какъ напримѣръ биллъ объ укрупненіи Ирландіи или Канады въ 1837 году, они героп-

чески выступили впередъ и не побоялись ни предразсудковъ, ни ненависти, не отступивши отъ справедливыхъ требованій. Но въ общемъ они сдѣлали мало для успѣха своихъ убѣжденій, въ нихъ было мало предпріимчивости, мало дѣятельности; они оставили управлѣніе радикальной партіей въ Палатѣ Общинъ въ рукахъ прежнихъ вождей Юма и О'Коннеля. Исключение надо сдѣлать въ пользу одного изъ двухъ самыхъ молодыхъ изъ нихъ; слѣдуетъ сказать въ похвалу Робуку, заслужившему право на вѣчную благодарность за то, что съ первого же года своихъ парламентскихъ занятій, онъ положилъ начало (или скорѣе возобновилъ неудачную попытку Брума) парламентскому движенію въ пользу народнаго образованія. Онъ первый предпринялъ борьбу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почти одинъ ее поддерживалъ за самоуправлѣніе колоній. Никто другой, даже изъ тѣхъ, отъ кого ожидали самаго большаго, не сдѣлалъ ничего, что равнялось бы этимъ двумъ заслугамъ. Теперь,бросая спокойный взглядъ на прошлое, я могу сознаться, что они не были такъ виновны, какъ намъ казалось: мы слишкомъ уже многаго ожидали отъ ихъ присутствія въ парламента. Они были поставлены въ неблагопріятныя условія. Они вступили туда въ періодъ неизбѣжной реакціи, продолжавшейся десять лѣтъ. Возбужденіе, вызванное реформою, прошло, и когда нѣкоторыя законодательныя улучшенія, дѣйствительно требуемыи народомъ, были приняты, власть по естественной наклонности возвратилась въ руки людей, думавшихъ, что надо все вернуть къ прежнему порядку вещей; народныи духъ желалъ покоя и послѣ войны менѣе, чѣмъ когда либо былъ расположенъ пытаться воскресить духъ преобразованій на пользу дальнѣйшаго

прогресса. Нужно было быть великимъ политическимъ вождемъ (и никто не заслуживаетъ порицанія, разъ онъ не оказался на высотѣ этой задачи), чтобы провести посредствомъ преній въ парламентѣ какіе-нибудь великие планы въ то время, какъ народъ пребывалъ въ состояніи апатіи. Мой отецъ и я, мы ожидали, что явится вождь, способный на такія великия дѣла; это будетъ человѣкъ съ философскими взглядами, одаренный талантами, привлекающими народную благосклонность, который воодушевилъ бы болѣе молодыхъ или менѣе талантливыхъ членовъ парламента, и сгруппировалъ бы ихъ вокругъ себя для распространенія своихъ передовыхъ идей въ обществѣ; который пользовался бы Палатой Общинъ, какъ трибуной или каѳедрой для просвѣщенія общественного мнѣнія и заставилъ бы виговъ дѣйствовать въ его духѣ или исторгъ бы изъ ихъ рукъ управление партіей реформы. Будь отецъ въ числѣ парламентскихъ дѣятелей, такой политической вождь былъ бы найденъ. За отсутствіемъ подобнаго вождя образованные радикалы были вынуждены стать только «львой» въ партіи виговъ.

Проникнутый глубокимъ чувствомъ въ возможность усиѣха дѣятельности радикаловъ, при самой обыкновенной энергїи, я старался съ того времени до 1839 года, какъ своимъ личнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ и моими сочиненіями вложить идеи въ ихъ умъ и инициативу въ ихъ сердце.

Я принесъ нѣкоторую пользу Чарльзу Буллеру и сэру Вильяму Молесворду, которые оказали выдающіяся заслуги, но которые, по несчастью, преждевременно сошли въ могилу. Однако вообще мое ожиданіе оказалось безплоднымъ. Чтобы имѣть какой-нибудь шансъ на

успѣхъ, мнѣ слѣдовало занимать совершенно другое положеніе. Эта задача была возможна только для человѣка, который, занимая мѣсто въ парламентѣ и сталкиваясь ежедневно съ членами радикальной партіи, могъ самъ взять на себя ініціативу и вмѣсто того, чтобы повиноваться другому, какъ вождю, самъ заняль-бы это мѣсто и побуждалъ-бы другихъ слѣдовать за нимъ.

Я сдѣлалъ для этого все, что только можетъ сдѣлать писатель. Въ теченіе 1833 года я продолжалъ сотрудничать въ «*Examiner*» вмѣстѣ съ Фонбланкомъ, который въ это время съ жаромъ велъ борьбу въ защиту радикализма противъ министерства виговъ. Въ продолженіе сессіи 1834 года я помѣщалъ обозрѣнія современныхъ событий въ видѣ газетныхъ статей, подъ заглавиемъ „Замѣтки о газетахъ“, въ *Monthly Repository*, журналъ подъ редакціей Фокса, хорошо известнаго, какъ проповѣдника и политического оратора, а позднѣе члена парламента, въ качествѣ представителя отъ Ольдгама. Я незадолго передъ тѣмъ познакомился съ нимъ и благодаря ему я и былъ сотрудникомъ его журнала. Я помѣстилъ въ этомъ журналѣ нѣсколько статей, изъ которыхъ самая замѣчательная (*Теорія поэзіи*) была перепечатана въ моихъ «Разсужденіяхъ». Въ совокупности сочиненія, изданныя мною отъ 1832 до 1834 года, (за исключеніемъ газетныхъ статей) составляютъ толстый томъ. Въ томъ числѣ слѣдуетъ считать и извлечения изъ различныхъ діалоговъ Платона съ предварительными замѣчаніями, которыя я написалъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, но которыя я напечаталъ только въ 1834 году. Впослѣдствіи миѣ пришлось узнать, что они уже раньше читались и что они болѣе, чѣмъ какое-либо другое мое сочиненіе до того времени, способ-

ствовали распространенію славы ихъ автора. Чтобы закончить исторію моихъ трудовъ въ эту эпоху, я могу прибавить, что въ 1833 году, по просьбѣ Бульвера, который только что кончилъ свое сочиненіе «*Англия и Англичане*», тогдѣ значительно опередившее общественное мнѣніе, я написалъ для него критическій обзоръ философіи Бентама; Бульверъ помѣстилъ только слабую часть этого обзора, но остальное напечаталъ въ приложениі съ благодарными и лестными отзывами. Здѣсь въ первый разъ я высказалъ въ печати, на ряду съ благопріятными мнѣніями относительно философіи Бентама, указанія и на дурныя стороны этой доктрины, за которой я не могъ признать вполнѣ совершенной философіи.

Вскорѣ представился случай, который, повидимому, доставлялъ мнѣ возможность поддержать и въ то же время возбудить партію философскихъ радикаловъ самыми дѣйствительными образомъ. Однимъ изъ проектовъ, о которыхъ я иногда толковалъ съ отцомъ и нѣкоторыми изъ парламентскихъ и другимъ радикалами, посѣщавшими его домъ, было образованіе періодического органа философского радикализма, предназначавшагося занять мѣсто, которое должно было занять *Вестминстерское Обозрѣніе* по плану его учредителей. Дѣло доходило до обсужденія денежныхъ вопросовъ, на которые можно было разсчитывать и до выбора редактора. Однако на этотъ разъ замыселъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Но лѣтомъ 1834 года сэръ Вильямъ Молесвортъ, трудолюбивый ученый, строгій мыслитель и метафизикъ, способный принести пользу какъ первому, такъ и кошелькумъ, предложилъ основать журналъ подъ условіемъ, чтобы я согласился быть настоящимъ редак-

торомъ, хотя бы и неофициальнымъ. Такое предложеніе невозможно было отклонить, и журналъ былъ основанъ сначала подъ названіемъ „*London Review*“, а позднѣе „*London and Westminster Review*“ послѣ того, какъ Молесвортъ купилъ *Вестминстерское Обозрѣніе* у его владѣльца генерала Томсона и соединилъ вмѣстѣ два журнала. Отъ 1834 до 1840 года редактированіе журнала занимало большую часть моихъ досуговъ. Вначалѣ вообще онъ далеко не являлся выразителемъ моихъ убѣжденій. Я принужденъ былъ дѣлать много уступокъ своимъ неизбѣжнымъ сотрудникамъ. Журналъ былъ основанъ, чтобы быть органомъ философскихъ радикаловъ, съ большинствомъ которыхъ я расходился относительно существенныхъ пунктовъ и между которыми я не могъ претендовать на главную роль. Сотрудничество моего отца, какъ писателя, казалось намъ всѣмъ необходимымъ, и онъ писалъ много статей до своей послѣдней болѣзни. По своему содержанію, по силѣ и точности выражаемыхъ мнѣній статьи эти вначалѣ являлись наиболѣе характеристическими для журнала и придавали ему опредѣленную окраску. Я не могъ распространить свою редакторскую власть на сочиненія моего отца и не сколько разъ былъ принужденъ жертвовать ему известною частію своихъ статей. Теоріи стараго *Вестминстерскаю Обозрѣнія*, немного измѣненія, являлись фундаментомъ, на которомъ выросъ новый журналъ; но я надѣялся паряду съ этими идеями ввести новые, другого характера, и дать подобающее мѣсто собственнымъ убѣжденіямъ равно какъ и мнѣніямъ другихъ членовъ партіи. Задавшись этою мыслію, я поставилъ условіе, что все статьи должны быть подписаны или начальными буквами, или какимъ-либо

псевдонимомъ и должны выражать мнѣнія только одного автора. Въ качествѣ редактора моя отвѣтственность состояла только въ наблюденіи, достойны-ли предлагаемыя статьи быть напечатанными и солидарны ли они съ тѣмъ направленіемъ, въ защиту которого было основанъ журналъ. Я имѣлъ случай на практикѣ примѣнить свою систему примиренія стараго философскаго радикализма съ новымъ, избравъ ее сюжетомъ первой статьи. Профессоръ Седжвикъ, замѣчательный ученый въ одной отрасли естественныхъ наукъ, но которому не слѣдовало пускаться въ философію, только что напечаталъ свое разсужденіе о занятіяхъ въ Кембриджѣ. Особенно выдѣляющейся чертой этого сочиненія были крайнія нападки на аналитическую психологію и утилитарную этику, въ формѣ критики Локка и Палея. Мой отецъ и много другихъ выразили живое негодованіе, по моему мнѣнію, вполнѣ заслуженное. Я увидѣлъ здѣсь случай отразить несправедливую нападку и въ то же время включить въ свою защитительную рѣчь доктрины Гартлея и утилитаризма и нѣсколько идей, составлявшихъ мои собственныя мнѣнія по этимъ вопросамъ и отличавшихъ меня отъ моихъ прежнихъ единомышленниковъ. Отчасти я успѣлъ въ этомъ, хотя изъ-за моего отца мнѣ было тяжело, а въ журналѣ, гдѣ онъ писалъ, и невозможно, — высказать вполнѣ въ ту эпоху всѣ мои мысли относительно этихъ вопросовъ.

Однако, я склоненъ думать, что мой отецъ былъ не на столько враждебенъ, какъ это казалось, тѣмъ идеямъ, относительно которыхъ, я полагалъ, что расхожусь съ ними; ему вредили его собственныя убѣжденія благодаря безсознательнымъ преувеличеніямъ, которыми изобиловалъ его полемическій умъ; и пока у него не было

въ виду противника, онъ соглашался признавать добрую честь истинъ, которая онъ, повидимому, отрицалъ. Я часто наблюдалъ, что онъ допускалъ на практикѣ соображенія, какимъ, казалось, онъ не удѣлялъ совершенно мѣста въ своей теоріи. Его „*Отрывокъ о Мэкинтоше*“, который онъ написалъ и напечаталъ около этого времени, доставилъ мнѣ, хотя я очень восторгался нѣкоторыми мѣстами, больше огорченія, чѣмъ удовольствія; однако, перечитавъ долгое время спустя, я нашелъ въ выраженныхъ тамъ мнѣніяхъ только глубоко справедливые взгляды; я могу даже раздѣлять чувство отвращенія, которое мой отецъ питалъ къ «многословію» Мэкинтоша, хотя его сурое отношеніе къ нему переходило мѣру не только справедливой критики, но даже безпристрастного сужденія. Одною чертою, которая казалась мнѣ тогда хорошимъ предзнаменованіемъ, былъ его чрезвычайно одобрительный отзывъ о „*Демократіи въ Америкѣ*“ Токвиля.

Дѣйствительно, онъ гораздо болѣе сочувствовалъ тому, что Токвиль говорилъ въ пользу демократіи, чѣмъ его указаніямъ на недостатки послѣдней. Однако я очень ободрился, видя его уваженіе къ книгѣ, которая являлась образцомъ трактата о правительствѣ, держась индуктивнаго и аналитического метода, тогда какъ методъ моего отца былъ чисто дедуктивнымъ. Онъ также одобрилъ статью, которую я напечаталъ въ первомъ номерѣ, вышедшемъ послѣ сліянія двухъ журналовъ, перепечатанную въ моихъ «*Разсужденіяхъ*» подъ заглавіемъ «*Цивилизациѣ*», гдѣ я высказалъ много своихъ новыхъ идей и критиковалъ довольно рѣзко интеллигентуальныя и моральныя стремленія своего времени съ помощью доводовъ и выраженій, которые я, конечно,

не могъ почерпнуть у своего отца. Однако всѣ предположенія относительно будущаго развитія мнѣній моего отца и надежды на прочное согласіе между нимъ и мною, для совмѣстнаго распространенія нашихъ идей, вдругъ должны были исчезнуть. Въ теченіе 1835 года его здоровье ослабѣвало; нельзя было сомнѣваться, что у него обнаруживались симптомы чахотки; онъ дошелъ до послѣдняго предѣла изнуренія и умеръ 23 іюня 1836 года. До послѣднихъ дней жизни его умственныя силы ничуть не ослабѣвали. Нисколько не уменьшался и его интересъ къ предметамъ и лицамъ, которыми онъ интересовался во всю свою жизнь. Близость смерти не внесла никакого колебанія въ его взгляды относительно религіи, что, впрочемъ, было и невозможно для такого сильнаго и твердаго ума. Почувствовавъ приближеніе конца, онъ все свое успокоеніе почерпалъ въ мысли, что онъ сдѣлалъ все, что могъ для улучшенія человѣчества сообразно своему убѣжденію и сожалѣль только о томъ, что не могъ совершить болѣшаго.

Моему отцу принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи литературы, а также политики Англіи; нисколько не дѣлаетъ чести поколѣнію, пользовавшемуся его геніемъ, что его имя такъ рѣдко упоминается, и что о немъ такъ мало вспоминаютъ въ сравненіи съ именами людей, стоящихъ гораздо ниже его. Это происходитъ, вѣроятно, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, память о немъ совершеннѣо поглощается, и вполнѣ справедливо, болѣе высшей славой Бентама. Однако онъ вовсе не былъ простымъ послѣдователемъ или ученикомъ Бентама. На самомъ дѣлѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ мыслителей своего времени; онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ и воспринялъ то, что было са-

маго важнаго въ оригиналъныхъ идеяхъ, выраженныхъ предыдущимъ поколѣniемъ. Его умъ и умъ Бентама по существу были совершенно различны. Онъ не обладалъ всѣми высокими достоинствами Бентама, но у Бентама также не было всѣхъ качествъ отца. Конечно было бы смѣшно приписывать ему такія же блестательныя заслуги предъ человѣчествомъ, какія оказалъ Бентамъ. Онъ не совершилъ переворота, или лучше сказать, не создалъ ни одной изъ самыхъ важныхъ областей мысли. Но если мы оставимъ въ сторонѣ ту часть его трудовъ, гдѣ онъ пользовался идеями Бентама, и если мы обратимъ вниманіе на его заслуги въ области аналитической психологии, чуждой Бентаму, то онъ останется для потомства однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ этой отрасли философіи, на которой основываются всѣ нравственные и политическая науки, и его имя будетъ обозначать одну изъ важнѣйшихъ ступеней въ развитіи этой науки.

Другая причина, помѣшившая его славѣ возвыситься такъ wysoko, какъ онъ заслуживалъ, заключается въ рѣзкомъ различіи между его духомъ и духомъ нашего времени, несмотря на почти всеобщее признаніе его мнѣній. Подобно Бруту, котораго называли послѣднимъ римляниномъ, мой отецъ былъ послѣднимъ мыслителемъ восемнадцатаго столѣтія. Онъ продолжалъ защищать мысли и чувства XVIII-го вѣка въ девятнадцатомъ, не измѣня и не улучшая ихъ; онъ оставался равнодушнымъ, какъ къ хорошимъ, такъ и къ дурнымъ вліяніямъ реакціи противъ девятнадцатаго столѣтія, которая составляла характеристическую черту первой половины нашего вѣка. Восемнадцатый вѣкъ былъ великий вѣкъ сильныхъ и честныхъ людей, и мой отецъ

быть достойнымъ ихъ сподвижникомъ. Благодаря сочиненіямъ и личному вліянію онъ явился для своего поколѣнія великимъ свѣточесмъ знанія. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ былъ для философскихъ радикаловъ Англіи тѣмъ, чѣмъ былъ Вольтеръ для французскихъ философовъ, то есть вождемъ и руководителемъ. Одной изъ меньшихъ его заслугъ было основаніе системы разумной политики по отношенію къ Индіи; это составляло тему его самаго значительного сочиненія. Онъ никогда не писалъ ни о какомъ вопросѣ, не обогативъ его драгоценными свѣдѣніями, и за исключеніемъ «Основъ Политической Экономіи», труда очень полезнаго въ то время, когда онъ былъ составленъ, а теперь потерявшаго свое значеніе, пройдетъ много времени, прежде чѣмъ хоть одна изъ его книгъ будетъ совершенно забыта или перестанетъ быть поучительной для людей, желающихъ изучать интересующіе ихъ вопросы. По могуществу, съ какимъ онъ, исключительно благодаря силѣ своего ума и характера, дѣйствовалъ на убѣжденія и планы другихъ людей и по энергичному направленію этого могущества [на пользу свободы и развитія, не было, по моему мнѣнію, никого, равнаго ему между мужчинами и была только одна среди женщинъ.

Хотя я ясно сознавалъ, насколько я ныне его въ тѣхъ достоинствахъ, благодаря которымъ онъ пріобрѣлъ свое личное превосходство, но я видѣлъ, что теперь я долженъ работать одинъ безъ его помощи. Журналъ былъ тѣмъ органомъ, съ помощью котораго я главнымъ образомъ надѣялся оказать благотворное вліяніе на либеральную и демократическую сторону народнаго духа.

Лишившись помощи отца, я въ то же время освобо-

дился отъ тѣхъ преградъ и умолчаній, которыми я долженъ былъ покупать эту помощь. Теперь не было другого писателя, или политического дѣятеля, которому я быль бы принужденъ уступать въ томъ, чего не допускала независимость моихъ собственныхъ мнѣній. Я пользовался полнымъ довѣріемъ Молесвортъ и рѣшилъ дать свободный ходъ своимъ убѣжденіямъ и образу мыслей и открыть журналъ для всѣхъ писателей, симпатіи которыхъ были на сторонѣ прогресса въ томъ видѣ, какъ я его понималъ, хотя бы это стоило мнѣ потери моихъ прежнихъ сотрудниковъ. Благодаря этому Карлейль сталъ постоянно помѣщать свои статьи въ журналѣ, Стерлингъ также вскорѣ сталъ сотрудникомъ. Каждая статья оставалась, какъ и прежде, выраженіемъ личныхъ мнѣній автора, и это не мѣшало тому, чтобы общій характеръ журнала довольно близко гармонировалъ съ моими убѣжденіями. Для того, чтобы облегчить редакторскую работу, я выбралъ себѣ въ помощники молодого шотландца Робертсона, человѣка талантливаго и знающаго, очень дѣятельнаго, мысли котораго были полны всевозможныхъ проектовъ, въ видахъ увеличенія спроса на журналъ. Я много основывалъ надеждъ на его способности въ этой сферѣ; такъ, когда въ началѣ 1837 года Молесворту наскучило вести журналъ съ бесплодными тратами и онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ него (онъ лично всегда честно расплачивался съ сотрудниками, не останавливаясь передъ расходами), я рѣшился, очень неблагоразумно для своихъ финансовыхъ интересовъ, продолжать изданіе на свой собственный рискъ (главнымъ образомъ благодаря увѣренности, которую въ меня вселяли планы Робертсона). Планы эти были хороши, и я никогда не измѣнялъ это-

го мнѣнія о нихъ. Но я не думаю, чтобы какія бы то ни было распоряженія могли дать радикальному и демократическому журналу средства покрыть затраты, включая сюда жалованье редактору или помощнику его и хорошее вознагражденіе сотрудникамъ. Я самъ и нѣкоторые изъ писателей, часто помѣщавшихъ свои статьи, работали бесплатно, какъ мы дѣлали это и при Молесвортѣ, но платные сотрудники продолжали получать гонораръ, равный гонорару *Эдинбургскаго Обозрѣнія* и *Quarterly*, а дохода отъ продажи было для этого недостаточно.

Въ томъ же 1837 году среди этихъ журнальныхъ занятій я снова взялся за логику. Пять лѣтъ я не написалъ ни одной строчки по этому предмету; я принужденъ былъ сдѣлать остановку въ области индукціи. Мало-по-малу я пришелъ къ убѣждѣнію, что для преодолѣнія трудностей въ этой части моей работы мнѣ не доставало яснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ точнаго взгляда на весь кругъ естественныхъ наукъ, изученіе которыхъ въ отдѣльности взяло бы много времени. На самомъ дѣлѣ я не зналъ ни одного сочиненія, ни одного руководства, которое познакомило бы меня съ научными обобщеніями и методами этихъ наукъ. По счастію для меня въ началѣ этого года Уэвель издать свою «Исторію Индуктивныхъ Наукъ». Я съ жадностью прочелъ её и нашелъ тамъ почти все, что мнѣ было нужно. Многое изъ философскихъ взглядовъ этого сочиненія, — чтобы не сказать большую часть, — по моему мнѣнію, можно было оспаривать, по въ моемъ распоряженіи оставались материалы и я могъ пользоваться ими соправно своимъ собственнымъ убѣждѣніямъ; притомъ авторъ придалъ имъ ту начальную степень обработки,

которая облегчаетъ и сокращаетъ послѣдующій трудъ. Теперь у меня было то, чего я желалъ. Подъ вліяніемъ мыслей, которыя возбудилъ во мнѣ Уэвель, я перечелъ разсужденія сэра Джона Гершеля: «*Изученіе естественной философіи*». Я могъ сдѣлать оцѣнку моего умственнаго развитія благодаря помощи, полученной теперь отъ этого сочиненія, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ я его читалъ и даже о немъ написалъ отчетъ безъ большой пользы для себя. Я энергично взялся за дѣло и мыслю, и перомъ. Время, которое я посвящаю на это, приходилось урывать у самыхъ неотложныхъ занятій. Въ это время у меня было два свободныхъ мѣсяца, которые мнѣ оставили промежутки между статьями, помѣщаемыми въ журналѣ. Въ эти два мѣсяца я окончилъ начерно около трети и притомъ самой трудной всего сочиненія. То, что я написалъ раньше, составляло другую треть, такъ, что мнѣ оставалось составить послѣднюю. Тогда я стала изучать остальную часть теоріи заключеній (теорію ряда умозаключеній и науки о доказательствѣ). Послѣ этого мнѣ показалось, что я разрѣшилъ самыя трудныя проблемы, и окончаніе книги было только дѣломъ времени. Тогда я написалъ двѣ статьи для слѣдующаго номера журнала, а затѣмъ снова взялся за логику и тогда въ первый разъ мнѣ попался «Курсъ положительной философіи» Конта, или скорѣе два тома этой философіи, единственные изданные въ то время.

Моя теорія индукціи была закопчена по существу прежде, чѣмъ я познакомился съ сочиненіемъ Конта и, быть можетъ, хорошо, что я дошелъ до этой теоріи другимъ путемъ, чѣмъ Конть, такъ какъ въ результатѣ мой трудъ содержитъ то, чего, конечно, нѣтъ въ его

книгахъ, а именно приведеніе индуктивнаго метода къ строгимъ правиламъ и къ научному критерію, который играетъ въ индукціи ту же самую роль, какъ силлогизмъ въ умозаключеніи. Конть всегда точенъ и глубокъ, когда говоритъ о методахъ научнаго изслѣдованія, но онъ даже не пытается дать точное опредѣленіе условій доказательства. Его сочиненія показываютъ, что онъ никогда не доходилъ до яснаго представлениія о нихъ. А это именно и составляло мою спеціальную задачу при обсужденії индукціи.

Несмотря на это, я извлекъ много пользы изъ чтенія Конта; я воспользовался имъ, чтобы пополнить тѣ главы, которыя я уже прежде составилъ и тѣ, которыя я написалъ вновь; чтеніе это принесло мнѣ капитальную пользу для нѣкоторыхъ частей, еще остававшихся нев написанными. Я читалъ съ жадностью слѣдующіе тома по мѣрѣ того, какъ они появлялись въ свѣтѣ; но когда Конть дошелъ до соціальныхъ наукъ, мои чувства измѣнились. Четвертый томъ принесъ мнѣ глубокое разочарованіе. Въ этомъ томѣ были изложены такія мнѣнія Конта относительно соціальныхъ вопросовъ, съ какими я не могъ совсѣмъ согласиться. Пятый томъ, содержащий систематичестій взглядъ на исторію, возбудилъ во мнѣ энтузіазмъ. Шестой (послѣдній) охладилъ нѣсколько мой восторгъ. Въ области логики я обязанъ Конту только одной важной идеей, а именно идеей обратнаго дедуктивнаго метода, который примѣняется главнымъ образомъ къ сложнымъ предметамъ исторіи и статистики. Этотъ процессъ отличается отъ самой общей формы дедуктивнаго метода тѣмъ, что, вместо того, чтобы приходить къ своимъ выводамъ путемъ общаго умозаключенія и доказывать ихъ спеціальнымъ

опытомъ, сообразно обычному порядку въ естественныхъ наукахъ, методъ которыхъ—дедукція, онъ достигаетъ своихъ обобщеній черезъ опредѣленіе специальныхъ опытовъ и повѣряетъ ихъ изслѣдованіемъ: таковы ли они, какъ имъ слѣдуетъ быть въ качествѣ слѣдствій известныхъ общихъ принциповъ. Эта мысль была для меня совершенно нова, когда я открылъ ее у Конта, и безъ него я не скоро, а можетъ быть и никогда, не дошелъ бы до нея.

Я былъ долгое время восторженнымъ почитателемъ Конта, прежде чѣмъ вступилъ съ нимъ въ переписку; лично я его никогда не видалъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мы поддерживали переписку до тѣхъ поръ, пока она не превратилась въ споръ, и наша пылкость не охладѣла. Я первый началъ писать рѣже; Конть первый совсѣмъ прекратилъ переписку. Я напечаталъ, а можетъ быть и онъ также, что я не могъ принести никакой пользы его уму, а все, что онъ могъ для меня сдѣлать, онъ уже сдѣлалъ своими сочиненіями. Но это убѣжденіе не повлекло бы за собою прекращеніе нашихъ отношеній, если бы различіе нашихъ взглядовъ касалось вопросовъ только одной чистой теоріи. Главнымъ образомъ различіе это относилось къ такимъ убѣжденіямъ, которыя, какъ у него такъ и у меня,сливались съ нашими самыми сильными чувствами и опредѣляли безраздѣльно наши стремленія. Я вполнѣ соглашался съ имъ, что масса человѣчества, въ томъ числѣ и люд., въ рукахъ которыхъ сосредоточивается главное завѣдываніе человѣческими дѣлами, должны по необходимости основывать большинство своихъ миѳній относительно политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, такъ же какъ и относительно естественныхъ наукъ, на авторитетѣ

людей, изучившихъ эти предметы болѣе глубоко, чѣмъ они. Это ученіе глубоко запечатлѣлось въ моемъ умѣ послѣ первого сочиненія Конта, о которомъ я уже говорилъ. Всего болѣе удивлялся я въ его громадномъ трудѣ замѣчательному изложению тѣхъ выгодъ, которыя извлекли современныя европейскія націи отъ прошедшаго въ средніе вѣка раздѣленія свѣтской власти отъ духовной и изъ обращенія этой послѣдней въ обособленную организацію. Я соглашался съ нимъ, что моральное и интеллектуальное главенство, нѣкогда составлявшее принадлежность духовенства, со временемъ должно перейти къ философамъ, и я полагаю, что это произойдетъ естественнымъ путемъ, когда они будутъ достаточно солидарны между собой и въ другихъ отношеніяхъ будутъ достойны обладать этимъ главенствомъ. Но когда я увидалъ, что онъ развиваетъ эту идею съ цѣлью вывести изъ нея практическую соціальную систему, въ которой философы организовались бы въ особую іерархію, облеченнную почти той же духовной властью, которую обладала нѣкогда католическая церковь; когда я увидѣлъ, что онъ считалъ этотъ духовный авторитетъ единственной гарантіей хорошаго правлениія, единственнымъ оплотомъ общества противъ дѣйствительнаго угнетенія и что онъ полагалъ этимъ средствомъ сдѣлать безвреднымъ и даже полезнымъ деспотизмъ, который онъ возстановилъ въ государствѣ и вводилъ въ семьи, то не удивительно, что если мы совершенно сходились во взглядахъ, какъ логики, то какъ соціологамъ намъ невозможно было итти вмѣстѣ.

Контъ дожилъ до того, что привелъ свою теорію къ ея крайнимъ послѣдствіямъ, набрасывая планъ своего послѣдняго труда «Системы положительной политики».

Это самая совершенная система духовнаго и свѣтскаго деспотизма, которая когда-либо была создана умомъ человѣка, за исключениемъ развѣ Игнатія Лойолы. Организованный составъ духовныхъ учителей и правителей накладываетъ ярмо общественнаго мнѣнія на всякое дѣйствіе, на всякую мысль каждого члена общества, какъ въ предметахъ, касающихся только его, такъ и относящихся къ интересамъ другихъ. Справедливо только то, что этотъ трудъ представляетъ значительное развитіе чувства во многихъ вопросахъ въ сравненіи съ предыдущими сочиненіями, которыя Контъ посвятилъ этимъ предметамъ. Но по отношенію къ развитію соціальной философіи единственная заслуга этого труда, по моему мнѣнію, та, что онъ окончательно опредѣляетъ возможность существованія въ обществѣ нравственной власти и безъ поддержки со стороны вѣрованій. Дѣйствительно Контъ признаетъ одинъ культь человѣчества. Онъ оставляетъ въ умѣ неоспоримое убѣжденіе въ томъ, что всякое нравственное вѣрованіе, поддерживаемое всѣмъ обществомъ, можетъ захватить надъ дѣйствіями своихъ членовъ власть и могущество, о которыхъ поистинѣ страшно подумать. Это сочиненіе Кonta остается достопамятнымъ примѣромъ, который отвратить мыслителей, занятыхъ соціальными и политическими вопросами, отъ того, что можетъ случиться, когда люди упускаютъ изъ виду при наблюденіи этихъ вопросовъ истинное значеніе свободы и индивидуальности.

Но возвратимся къ моей личной дѣятельности. Журналъ въ теченіе нѣкотораго времени отнималъ всѣ мои свободные часы, которые я могъ посвятить литературной работѣ или обдуматъ, что писать впослѣдствіи. Статьи, извлеченные изъ *London and Westminster Re-*

view и перепечатанныя въ моихъ «Разсужденіяхъ» не составляютъ и четвертой части того, что я написалъ.

Система, которой я придерживался при редактированіи журнала, преслѣдовала двѣ главныя цѣли, изъ которыхъ одна состояла въ томъ, что-бы освободить философскій радикализмъ отъ упрека въ узкомъ бентамизмѣ. Я хотѣлъ, сохранивъ точность выраженія, ясный смыслъ, презрѣніе къ напыщеннымъ фразамъ и смутнымъ обобщеніямъ, — достоинство, которыми въ такой значительной степени отличались Бентамъ и мой отецъ, — придать болѣе широкую основу, болѣе свободный и искренній характеръ радикальнымъ доктринаамъ и показать, что существовала лучшая и болѣе совершенная радикальная философія, чѣмъ философія Бентама, хотя она признавала и заключала въ себѣ все, что было безусловно хорошаго въ теоріяхъ Бентама. Въ достижениіи этой первой цѣли я до нѣкоторой степени имѣлъ успѣхъ. Другою цѣлью, которую я поставилъ себѣ, было побудить образованныхъ радикаловъ въ парламентѣ и внѣ его основать — (по моему мнѣнію, они могли достичь этого соотвѣтствующими средствами) — могущественную партію, способную взять въ руки управлѣніе страной или по крайней мѣрѣ продиктовать условія, на которыхъ они могли раздѣлить это управлѣніе съ вигами.

Эта цѣль съ самаго начала оказалась химерой прежде всего потому, что время было неблагопріято: стремленіе къ реформамъ охладѣло, а аристократическое вліяніе торіевъ возростало; но особенно потому, что, по справедливому замѣчанію Остена, «въ странѣ не было подходящихъ людей». Между радикалами парлам-

мента было нѣсколько такихъ, которые могли бы сдѣлаться полезными членами образованной радикальной партії, но не было никого способнаго создать и управлять такой партіей. Увѣщанія, съ которыми я обращался къ нимъ, были безуспѣшны. Представился единственный случай, гдѣ, казалось, радикализмъ могъ сдѣлать смѣлую и удачную попытку. Лордъ Дурамъ только что вышелъ изъ министерства, какъ мы полагали, потому, что онъ не нашелъ его достаточно либеральнымъ; но впослѣдствіи онъ взялъ на себя обязанность изучить и уничтожить причины канадского возстанія. Онъ выказалъ расположеніе окружить себя съ самаго начала совсѣмъ—радикалами. Одна изъ первыхъ предпринятыхъ имъ мѣръ, прекрасная какъ по намѣренію, такъ и по результатамъ, была неодобрена и отклонена правительствомъ. Онъ подалъ въ отставку и открыто перешелъ въ оппозицію министерству. Радикальная партія могла найти себѣ вождя въ лицѣ этого выдающагося политического дѣятеля, котораго ненавидѣли торіи и котораго только что оскорбили виги. Всякій, имѣющій самыя элементарныя понятія о тактикѣ партій, долженъ былъ сдѣлать попытку утилизировать такое благопріятное обстоятельство. Лордъ Дурамъ подвергся нападкамъ со всѣхъ сторонъ, осажденный бранью со стороны враговъ и покинутый трусливыми друзьями; а тѣ, которые очень желали бы выступить въ его защиту, не знали, что сказать. Повидимому, онъ долженъ былъ возвратиться въ Англію, потерявши всю славу и лишенный довѣрія и уваженія. Я съ самаго начала слѣдилъ за событиями въ Канадѣ и былъ однимъ изъ совсѣмъ, побуждавшихъ къ дѣятельности лорда Дурама; его политика вполнѣ со-

отвѣтствовала моимъ взглядамъ, и я имѣлъ возможность за него заступиться. Я написалъ и напечаталъ въ журналѣ декларацио, гдѣ, горячо высказавшись въ его пользу, требовалъ для него не только полнаго оправданія, но и выраженія одобренія. Тотчасъ нѣсколько другихъ писателей присоединили ко мнѣ свой голосъ. Я полагаю, что была доля правды въ томъ, что лордъ Дурамъ сказалъ мнѣ нѣсколько времени спустя изъ преувеличенной любезности, что именно моей статьѣ онъ обязанъ торжественнымъ пріемомъ, который онъ встрѣтилъ по приѣздѣ въ Англію. Я полагаю, что эта статья явилась кстати, въ ту критическую минуту, когда слова бываетъ достаточно для важныхъ послѣдствій; она была тѣмъ ничтожнымъ толчкомъ, отъ котораго зависитъ направление паденія камня, скатившагося съ вершины горы. Всѣ надежды, возлагавшіяся на лорда Дурама, какъ на политическаго дѣятеля, скоро рухнули. Но для Канады и вообще для колоніальной политики дѣло было выиграно. Докладъ лорда Дурама, написанный Чарльзомъ Буллеромъ, частью подъ влияніемъ Уэкфильда, открылъ новую эру. Предложенные имъ мѣропріятія для введенія полнаго внутренняго самоуправленія были спустя два или три года проведены въ Канадѣ, а затѣмъ почти и во всѣхъ другихъ болѣе обширныхъ колоніяхъ. Я могу вполнѣ заявить, что успѣхъ, съ которымъ я поддержалъ репутацію лорда Дурама и его совѣтниковъ въ самый удобный моментъ, не мало способствовалъ этому результату.

Другое обстоятельство, представившееся во время моего редактированія журнала, также доказываетъ, какое значеніе можетъ имѣть смѣлая и быстрая пицціа-

тива. Я полагаю,—что первый успехъ и слава «Історії французской революції» Карлайля много зависѣли отъ моей статьи о ней, помещенной въ журналѣ. Тотъ часъ послѣ выхода въ свѣтъ этой книги и прежде чѣмъ всѣ критики, правила которыхъ и образъ сужденія были оскорблены этимъ трудомъ, имѣли время поселить въ обществѣ неодобрительное мнѣніе о немъ, я напечаталъ отзывъ, въ которомъ привѣтствовалъ сочиненіе Карлайля, какъ одно изъ геніальныхъ твореній, стоящихъ выше всякихъ правилъ и повинующихся собственному закону. Въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и въ случаѣ съ лордомъ Дурамомъ, я не приписываю впечатлѣнія, произведенного моими статьями какому-нибудь достоинству ихъ выполненія. Напротивъ, я полагаю, что статья о книгѣ Карлайля была исполнена неудовлетворительно, такъ что я увѣренъ, что каждый писатель, выразившій то же мнѣніе въ данный моментъ, произвелъ бы подобное же дѣйствіе. Но послѣ совершенной неудачи всѣхъ моихъ усилий вдохнуть посредствомъ журнала новую жизнь въ радикальную политику, я съ удовольствиемъ бросаю взглядъ на эти два случая, въ которыхъ я успешно выполнилъ честную попытку,оказалъ непосредственную услугу дѣлу и лицамъ, которыхъ того заслуживали. Надежда на образование радикальной партии исчезла. Наступило для меня время покончить съ тяжелыми затратами времени и денегъ, которыхъ миѣ стоилъ журналъ. До известной степени я нашелъ въ этомъ журналѣ орудіе для выраженія своихъ личныхъ мысльй. Благодаря ему, я могъ выразить печатно свои новые мысли и ясно порвать съ узкимъ бентамизмомъ, проглядывавшимъ въ моихъ первыхъ статьяхъ. Я достигъ этого общимъ

характеромъ всѣхъ моихъ статей, не исключая чисто литературныхъ; особенно рѣзко это проявлялось въ двухъ статьяхъ (перепечатанныхъ въ «Разсужденіяхъ»), въ которыхъ я пытался сдѣлать оцѣнку съ философской точки зрѣнія Бентама и Кольриджа. Въ первой, отдавая полную справедливость заслугамъ Бентама, я указывалъ на то, что, по моему мнѣнію, составляло заблужденія и недостатки его философіи. Я полагаю, что эта критика по существу была совершенно справедлива, но я иногда сомнѣвался, хорошо ли я сдѣлалъ, напечатавъ её въ то время. Я часто думалъ, что философія Бентама, какъ орудіе прогресса, была до извѣстной степени лишена довѣрія прежде, чѣмъ обнаружились ея результаты и по тому тѣ, которые унижали ея репутацію, скорѣе вредили, чѣмъ помогали общему прогрессу.

Теперь, когда, повидимому, противоположная реакція благопріятствуетъ здравымъ идеямъ Бентама, я съ большимъ удовольствіемъ могу смотрѣть на критику его недостатковъ, особенно въ виду защитительной статьи основныхъ принциповъ философіи Бентама, которая перепечатаана въ тѣхъ же «Разсужденіяхъ». Въ очеркѣ о Кольриджѣ я пытался охарактеризовать европейскую реакцію противъ отрицательной философіи XVIII вѣка; и если разматривать здѣсь только результатъ этой статьи, то можно думать, что я ошибался, обращая особенное вниманіе на его хорошія стороны, тогда какъ въ отношеніи къ Бентаму я все болѣе выставлялъ его недостатки. Въ обоихъ случаяхъ, отвергая то, что было недоказанного въ теоріяхъ Бентама и восемнадцатого вѣка, я, быть можетъ, занесъ слишкомъ далеко въ противоположную сторону. Однако, это

уклоненіе было, скорѣе, кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Но для читателей этого очерка о Кольриджѣ моимъ оправданіемъ служить то, что я писалъ его для радикаловъ и либераловъ и что я долженъ былъ отдавать предпочтеніе тѣмъ мнѣніямъ противоположнаго лагеря, которыя наиболѣе могли принести имъ пользы.

Нумеръ журнала, гдѣ помѣщена статья о Кольриджѣ, былъ послѣднимъ, изданнымъ въ теченіе того времени, когда я былъ собственникомъ. Весною 1840 года я уступилъ журналъ Гиксону, который въ теченіе моего редакторства былъ частымъ и въ высшей степени полезнымъ сотрудникомъ, не требуя никакой платы. Я выговорилъ только, чтобы эта перемѣна была означенована возвращеніемъ стариннаго заглавія, „*Вестминстерскаго Обозрѣнія*“. Подъ такимъ названіемъ Гиксонъ управлялъ журналомъ десять лѣтъ, раздѣляя чистую прибыль отъ журнала между сотрудниками; что касается до него, то самъ онъ безвозмездно отдавалъ свой трудъ, какъ авторъ статей и редакторъ. При трудности отыскивать писателей, когда плата такъ ничтожина, Гиксону дѣлаетъ большую честь, что онъ сумѣлъ сохранить въ достаточной мѣрѣ за журналомъ характеръ радикальнаго и прогрессивнаго органа. Я не пересталъ писать для журнала и продолжалъ посыпать туда время отъ времени статьи, но уже не исключительно въ одинъ этотъ журналъ. Громадная распространенность *Эдинбургскаго Обозрѣнія* заставляла меня съ того времени помѣщать тамъ свои статьи, особенно когда мнѣ нужно было высказать какую либо идею, для распространенія которой этотъ органъ являлся крайне удобнымъ. Тогда только что появились въ свѣтъ послѣдніе тома

„Демократії въ Америцѣ“; я началъ свое сотрудничество въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи именно статьей объ этомъ сочиненіи, которая находится въ началѣ второго тома моихъ «Разсужденій».

ГЛАВА VII.

Общій взглядъ на мою послѣдующую жизнь.

Съ этого времени событія моей жизни, заслуживающія описанія, можно передать вкратцѣ. Мнѣ не придется далѣе упоминать о какомъ-либо измѣненіи въ моихъ идеяхъ; я только разскажу о непрерывномъ интеллектуальномъ развитіи, результаты котораго (если они есть) можно найти въ моихъ сочиненіяхъ. Поэтому я въ значительной степени сокращу описание послѣдующихъ годовъ.

Первымъ дѣломъ, отдѣлившись отъ журнала, я употребилъ весь свой досугъ на окончаніе своей логики. Въ іюль и августъ 1838 года я нашелъ время написать еще недоконченную часть первоначальной рукописи третьей книги. Вырабатывая логическую теорію тѣхъ законовъ природы, которые не составляютъ законовъ причинности и не вытекаютъ изъ нихъ, я дошелъ до сознанія, что *виды*, дѣйствительно, существуютъ въ природѣ, а не представляютъ изъ себя только чисто отличительные термины, принятые для удобства; этотъ новый свѣтъ не озарилъ меня еще въ то время, когда я писалъ первую книгу и принудилъ меня измѣнить и увеличить иѣкоторыя главы этой книги. Отдѣль обѣ языки и классификаціи, такъ

же какъ и глава о классификаціи софизмовъ были написаны осенью того же года, а остальная часть труда лѣтомъ и осенью 1840 года. Съ апрѣля и до конца 1841 года я посвятилъ весь свой досугъ исправленію съзнова своеї книги съ начала до конца. По этому методу я составлялъ всѣ свои книги; каждая изъ нихъ была писана по крайней мѣрѣ два раза. Сначала я писалъ черновую, которую я доводилъ до конца; затѣмъ я снова начиналъ работу, но вставлялъ въ свою вторую редакцію всѣ фразы или отдѣльныя части фразъ первого черновика, которыя мнѣ казались болѣе удовлетворительными, чѣмъ тѣ, которыя я только что написалъ. Я извлекъ большую выгоду изъ этой системы двойной редакціи. Лучше, чѣмъ какой-либо другой способъ сочиненія, она соединяетъ свѣжестъ и силу первой мысли съ тою точностью и совершенствомъ, которыя составляютъ результатъ долгихъ размышленій. Кромѣ того, относительно себя, какъ результатъ моего опыта, я прибавлю, что терпѣніе, которое требуется для внимательной обработки деталей сочиненія и изложенія, стоитъ гораздо менѣе усилій, когда я доходилъ до конца своего труда и когда я тѣмъ или другимъ способомъ, хотя бы даже и несовершенно, набрасывалъ на бумагу все, что я хотѣлъ сказать. Единственно, па что я обращаю особенное вниманіе въ первой черновой рукописи, это обработать, насколько возможно лучшее, планъ сочиненія. Если онъ дуренъ, связь, которою соединяются мысли, запутывается. Когда помѣщаются мысли въ несовершенномъ порядке, нельзя ихъ изложить, какъ слѣдуетъ и первая черновая съ такимъ основнымъ недостаткомъ почти бесполезна, если хотятъ воспользоваться ею для окончательнаго изложения.

Пока я писалъ снова свою «логику», вышла въ свѣтъ «Философія индуктивныхъ наукъ» Уэвеля,—обстоятельство счастливое для меня тѣмъ, что оно дало мнѣ возможность представить свои идеи съ болѣе ясностью и силою, а также съ болѣе совершеннымъ и разностороннимъ развитиемъ, защищая ихъ противъ опредѣленныхъ возраженій или сопоставляя ихъ рѣзко съ противоположной теоріей. Снова принимаясь за свою книгу, я ввелъ въ нее въ первый разъ свою полемику съ Уэвелемъ, также какъ и матеріаль, заимствованный у Конта.

Въ концѣ 1841 года книга почти была готова къ печати. Я предложилъ ее Мёррею, который задержалъ ее слишкомъ долго для того, чтобы она могла выйти въ томъ же сезонѣ, а затѣмъ не принялъ ее, представляя причины, которыя онъ могъ также хорошо выяснить съ самаго начала. Но я нисколько не пожалѣлъ объ этомъ отказѣ, который побудилъ меня предложить свою книгу Паркеру, а послѣдній напечаталъ ее весною 1843 года. Вначалѣ мои надежды на успѣхъ были очень ограничены. Уотли, правда, возстановилъ значеніе логики и изученіе формъ, законовъ и заблужденій умозаключенія. Послѣ него сочиненія Уэвеля начали пробуждать интересъ къ другой части моего предмета, къ теоріи индукціи. Однако, нельзя было ожидать, чтобы сочиненіе о такомъ отвлеченномъ предметѣ сдѣжалось популярнымъ; эта книга могла найти читателей только среди ученыхъ; а людей, занимавшихся изученіемъ подобныхъ вопросовъ, было по крайней мѣрѣ въ Англіи, не только очень мало, но и они принадлежали еще къ метафизической школѣ, противоположной моимъ воззрѣніямъ, т. е. къ школѣ антологіи и «врожденныхъ принципіовъ». Слѣдовательно и не могъ надѣяться, что-

бы моя книга нашла много благосклонныхъ читателей и я ожидалъ отъ нея только поддержки традицій той философіи, которую я считалъ наилучшѣй. Моя надежда на возбужденіе хоть незначительнаго вниманія публики основывалась главнымъ образомъ на пристрастії Уэвеля къ полемикѣ. Судя по положенію, котораго онъ держался при другихъ обстоятельствахъ, я полагалъ, что онъ заставитъ обратить вниманіе публики на мою книгу немедленнымъ отвѣтомъ на мои нападки на его убѣжденія. Онъ дѣйствительно написалъ возраженіе, но не раньше 1850 года, именно въ то время, когда я могъ отвѣтить ему уже въ третьемъ изданіи моего труда. Какимъ образомъ моя книга могла имѣть по своему содержанію такой выдающійся успѣхъ, и къ какому классу принадлежали тѣ, которые покупали ее, я никогда не могъ хорошо уяснить себѣ. Но фактъ этотъ объясняется отчасти появленіемъ интереса къ такого рода философскимъ изслѣдованіямъ, интереса, сказавшагося на аналогичныхъ изслѣдованіяхъ во многихъ кружкахъ, особенно въ университетахъ. Я никогда не ласкалъ себя иллюзіей, что она оказала значительное вліяніе на философскіе взгляды. Нѣмецкія доктрины, объясняющія человѣческое знаніе и способности, вѣроятно будуть господствовать еще долгое время надъ тѣми, которые занимаются подобными вопросами, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Но «Система Логики» пополнила существенный пробѣлъ, она доставила руководство къ изученію противоположной теоріи, то есть къ той, которая выводила всякое знаніе изъ опыта и всякия нравственныя, а также интеллектуальныя способности человѣка изъ направленія, придаваемаго ассоціаціямъ идей съ предметами. Я не думаю, что

анализъ логическихъ процессовъ или правила доказательствъ могутъ сами по себѣ руководить и исправлять процессы разума. Въ соединеніи съ другими условіями, я, конечно, увѣренъ, они могутъ быть чрезвычайно полезными; но каково бы ни могло быть практическое значеніе здраваго обсужденія этихъ вопросовъ, нельзя преувеличить неудобства ложнаго метода. Убѣжденіе, что вѣшня истинѣ по отношенію къ уму могутъ по-знаваться сознательнымъ созерцаніемъ независимо отъ опыта и наблюденія, въ наше время, я увѣренъ въ этомъ, служитъ самой надежной опорой ложныхъ теорій и дурныхъ заблужденій. Благодаря этой теоріи всякое вкоренившееся вѣрованіе, всякое спльное чувство, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ забвенія, могутъ избѣгнуть необходимости представить свои доказательства передъ разумомъ и находить себѣ гарантію и рѣшительное доказательство въ своихъ собственныхъ увѣреніяхъ. Никогда нельзя было представить себѣ болѣе могущественного орудія въ защиту вкоренившихся предразсудковъ. Главная сила этой ложной философіи въ отношеніи морали, политики и религіи заключается въ обычной ссылкѣ на методъ доказательствъ принятый въ математикѣ и въ приближающихся къ ней отрасляхъ физической науки. Лишить ея помощіи этихъ наукъ, значитъ отнять у нея защиту; а такъ какъ никто еще не добился этого, то и созерцательная школа, даже, когда мой отецъ напечаталъ свой «*Анализъ ума*», казалось, сохранила за собою рѣшительное преимущество въ аргументахъ. Бросая свѣтъ на истинные доводы очевидныхъ математическихъ и физическихъ истинъ, «Система Логики» попадала на философовъ созерцательной школы на почвѣ, гдѣ они счита-

лись непобедимыми, и она своеобразно выяснила путемъ опыта и ассоціаціи особенный характеръ принциповъ, считаемыхъ необходимыми, характеръ, которымъ пользуются для доказательства, что ихъ очевидность должна происходить изъ источника, болѣе возвышенаго, чѣмъ опытъ. Дѣйствительно ли достигнута эта цѣль? Вопросъ этотъ остается *sub judice*; но если бы она была достигнута, то лишить методъ мышленія, такъ глубоко укоренившійся въ предразсудкахъ и предвзятыхъ стремленіяхъ людей, еще далеко не значить ниспровергнуть его окончательно. Это былъ бы только одинъ шагъ впередъ, но по истинѣ шагъ совершенно необходимый. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ только съ помощью философіи можно бороться съ возрастающими предразсудками, то нельзя достигнуть никакого прочнаго преимущества надъ ними, не доказавъ, что философія не на ихъ сторонѣ.

Теперь, когда я избавился отъ необходимости принимать дѣятельное участіе въ обыденной политикѣ и отъ всѣхъ литературныхъ дѣлъ, заставлявшихъ меня лично сноситься съ сотрудниками и другими лицами, я могъ отдаться своей наклонности естественной всѣмъ мыслящимъ людямъ, которые по истеченіи тицеславнаго юношескаго возраста, посвящаютъ себя всецѣло умственнымъ занятіямъ, ограничивая свои спопенія съ окружающимъ міромъ только небольшимъ избраннымъ кружкомъ. Свѣтская жизнь въ "современной Англіи представляетъ изъ себя до того пошлое явленіе даже для тѣхъ, которые ей придаются, что ее поддерживаютъ по какой угодно причинѣ, но не изъ-за доставляемаго ею удовольствія. Такъ какъ всякое серьезнное обсужденіе вопросовъ, по которымъ мнѣнія рас-

ходятся, считается результатомъ дурного воспитанія, а недостатокъ живости и общительности, характеризующій англичанина, препятствуетъ развитію искусства пріятно говорить о пустякахъ, въ чемъ имѣютъ такое громадное преимущество французы послѣдняго столѣтія, то единственная приманка, представляемая обществомъ для людей, не занимающихъ высокихъ должностей, состоять въ надеждѣ найти тамъ средство подняться выше; что касается людей, достигшихъ самыхъ видныхъ мѣстъ, то обязанности общества являются для нихъ дѣломъ привычки и условіемъ ихъ положенія. Но никто, чей умъ возвышается надъ общими мыслями и чувствами, если только онъ не будетъ пользоваться обществомъ для достиженія своей задуманной цѣли, не можетъ найти тамъ ровно ничего заманчиваго. Дѣйствительно большинство людей умственно развитыхъ поддерживаютъ съ обществомъ настолько рѣдкія и такъ мало правильныя отношенія, что ихъ можно считать въ дѣйствительности совершенно непринадлежащими къ обществу. Люди же умственно развитые, но поступающіе иначе, за немногими исключеніями подвергаются развращающему вліянію этой среды. Уже не говоря о потраченномъ даромъ времени, уровень ихъ чувствъ понижается; они относятся съ меньшимъ усердіемъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, о которыхъ они должны хранить молчаніе въ посыпаемомъ ими обществѣ. Они начинаютъ считать свои самыя различныя убѣжденія не практическими, или по крайней мѣрѣ настолько далекими отъ возможности осуществленія, что они не имѣютъ иного значенія, какъ мечты или теоріи. Наконецъ, если болѣе счастливые изъ нихъ сохраняютъ въ неприкосновенности свои высокіе принципы, то по отношенію къ

людямъ и событиямъ своего времени они всѣ, хотя и безсознательно, подчиняются тѣмъ чувствамъ и сужденіямъ, которыя завоевали себѣ симпатію общества. Одаренный большимъ умомъ, человѣкъ не долженъ никогда вступать въ общество, не занимающееся умственными вопросами, развѣ только въ качествѣ апостола, и только такой единственno человѣкъ съ возвышенnoю цѣлью можетъ появляться въ немъ, безъ опасности для своихъ высокихъ чувствъ. Люди, стремящіеся къ умственному развитію должны по мѣрѣ возможности избирать для своего постоянного общенія по крайней мѣрѣ равныхъ себѣ по уму, а, если возможно то и тѣхъ, которые превосходятъ ихъ какъ знаніемъ и умомъ, такъ и возвышенными чувствами. Сверхъ того, когда характеръ человѣка вполнѣ сложился и когда его умъ окреpъ въ основныхъ вопросахъ человѣческаго развитія, онъ, это уже давно доказано, ищетъ въ дружбѣ полной гармоніи чувствъ и мнѣній. На основаніи всего этого число людей, съ которымъ я поддерживала знакомство и дружбы которыхъ я искалъ, было очень незначительно.

Среди нихъ былъ и тотъ несравненный другъ, о которомъ я уже говорилъ. Въ эту эпоху она жила большею частію въ уединенной дачной мѣстности и только изрѣдка проводила нѣсколько времени въ городѣ у своего мужа, Тэйлора; я посѣщалъ ее какъ на дачѣ, такъ и въ городѣ; и я глубоко благодаренъ за ту силу характера, которая позволяла ей не обращать вниманія на ложныя толкованія, какія можно было дать моимъ частымъ посѣщеніямъ и прогулкамъ, предпринимаемымъ нами вмѣстѣ. (Въ виду того, что она жила большею частію одна вдали отъ своего мужа). Но во всемъ осталъ-
номъ наше поведеніе въ теченіе этихъ лѣтъ не давало

никакого малѣйшаго предлога предполагать въ нашихъ отношеніяхъ что-либо другое, кромѣ истинной дружбы, основанной на взаимномъ довѣріи. Хотя мы и не признавали обязательными для себя общественные правила въ такомъ исключительно личномъ дѣлѣ, но мы считали своимъ долгомъ, чтобы наше поведеніе не бросало ни малѣйшей тѣни на честь ея мужа, а следова-тельно и на нее.

Въ этомъ третьемъ періодѣ (я вполнѣ могу его такъ назвать) моего умственнаго развитія, которое отнынѣ шло наравнѣ съ ея развитіемъ, мои убѣжденія много выигралі какъ въ широтѣ, такъ и въ глубинѣ. Я понялъ теперь многое, что мнѣ раньше было недоступно, а то, что понималъ и прежде, я усвоилъ теперь болѣе ясно и точно. Мало-по-малу я отказался отъ всѣхъ крайностей въ моей умственной реакціи противъ философіи Бентама. Подтъ сильнымъ вліяніемъ этой ре-акціи я, конечно, сталъ относиться гораздо снисходи-тельнѣе къ общепринятымъ мнѣніямъ общества и свѣта; я чувствовалъ, что сталъ примиряться даже съ самыми поверхностными улучшениями въ этихъ мнѣніяхъ, что не приличествовало человѣку, убѣжденія которого въ столькихъ отношеніяхъ радикально расходились съ обра-зомъ мыслей большинства. Я былъ тогда гораздо бо-льше, чего не могу сказать о себѣ теперь, расположень отбросить весь тотъ сектаторскій духъ въ моихъ убѣжденіяхъ, который теперь я считаю единственно способ-нымъ содѣйствовать въ какой бы то ни было степени возрожденію человѣческаго общества. Въ этомъ отно-шеніи, я долженъ прибавить, помочь мистрие Тэй-лоръ имѣла для меня важное значение. Въ то время мои взгляды не простирались далѣе старой школы эко-

номистовъ по вопросу объ основномъ улучшениі соціаль-
ныхъ учрежденій. Злоупотребленія, вытекавшія изъ
чисто-аристократического строя законодательства въ Ан-
глії казались ненормальными, но я не видѣлъ другого
средства смягчить неравенства, вытекающія изъ этихъ
учрежденій, кромѣ отмѣны права первородства и рас-
пределенія наслѣдства. Мысль, что можно было итти
далѣе въ уничтоженіи этого неравенства, — такъ какъ
несправедливость этого неравенства кроется въ томъ
фактѣ, что незначительное число рождается для бо-
гатства, а громадное большинство для бѣдности —
казалась мнѣ тогда химерою; однако я надѣялся, что
результаты всеобщаго образованія, особенно такого, ко-
торое повлечетъ добровольное ограниченіе числа на-
родонаселенія, сдѣлаетъ болѣе спосною участъ бѣдныхъ.
Однимъ словомъ я былъ демократомъ, но отнюдь не
соціальнымъ дѣятелемъ. Теперь же наши демократиче-
скія мнѣнія нѣсколько умѣрились, такъ какъ мы стра-
шились невѣжества, а въ особенности эгоизма и гру-
бости народной массы, пока образованіе останется, какъ
теперь, въ такомъ жалкомъ положеніи. Но нашъ иде-
алъ конечнаго развитія далеко превосходилъ демокра-
тическій идеалъ и вѣль настъ значительно дальше. Съ
одной стороны мы особенно возставали противъ тиран-
іи общества надъ индивидуумомъ, которое по общепринятымъ мнѣніямъ лежитъ въ основаніи большинства
соціалистическихъ системъ; съ другой стороны мы смо-
трѣли впередъ на будущее, когда общество [не будетъ
болѣе раздѣляться на два класса, праздныхъ и работа-
ющихъ, когда законъ, что тѣ, которые не работаютъ
и не должны жѣсть, будетъ примѣняться не только къ
бѣднымъ, но ко всѣмъ безъ исключенія, когда распре-

дѣленіе продуктовъ труда, вмѣсто того, чтобы зависѣть, какъ теперь отъ случайного происхожденія, будеть опираться, съ общаго признанія, на признанномъ принципѣ справедливости, когда, наконецъ, будеть болѣе невозможнымъ для работающихъ людей пріобрѣтать такія выгоды, которыя не будуть итти исключительно въ ихъ пользу, а будуть дѣлиться между обществомъ, въ которомъ они живутъ. Мы полагали, что соціальная задача будущаго состоить въ согласованіи самой широкой индивидуальной свободы дѣйствій съ правомъ всѣхъ на собственность сырого матеріала, представляемаго земнымъ шаромъ, и съ участіемъ всѣхъ въ прибыли отъ общественного труда. Мы не имѣли пріязнія думать, что мы могли предвидѣть точную форму учрежденій, которымъ, всего вѣроятнѣе, сужено достигнуть этой цѣли, а также близкое или далекое время ихъ примѣненія. Мы ясно видѣли, что для осуществленія такой великой реформы требовалось произвести такое же громадное измѣненіе въ характерѣ, какъ необразованныхъ нынѣшнихъ народныхъ массъ, такъ и въ понятіяхъ громаднаго большинства людей, эксплуатирующихъ трудъ этихъ массъ. Эти два класса должны на практикѣ научиться работать и соединять свои усилия въ преслѣдованіи благородныхъ цѣлей и во всѣхъ случаяхъ они должны трудиться для общественнаго и соціального интереса, а не такъ какъ до сихъ поръ имѣть въ виду только частныя выгоды. Но способность къ такимъ успѣямъ всегда существовала въ человѣчествѣ, она не исчезла и, по всей вѣроятности, никогда не исчезнетъ. Образованіе, привычка и развитіе чувствъ побудятъ человѣка рѣчь заступомъ землю и ткать на благо своей страны такъ же охотно, какъ и сражаться

за нее. Безъ сомнѣнія, только очень медленно, благодаря дѣйствію воспитательной системы, поддерживающей въ теченіе долгаго ряда поколѣній, люди могутъ вообще достигнуть такого положенія. Но такое препятствіе не можетъ считаться существеннымъ для человѣческой природы. Если интересъ къ общественному благу въ нынѣшнее время является такимъ слабымъ рычагомъ для возбужденія народной массы, то это не оттого, чтобы его совсѣмъ не было въ ней, а потому что умъ не привыкъ примѣняться къ этому такъ, какъ онъ привыкъ примѣняться съ утра до вечера къ вопросамъ, касающимся нашихъ личныхъ интересовъ. Сочувствіе къ общему благу, если только его поддерживать такъ же, какъ теперь поддерживаютъ личный интересъ, то общий ходъ жизни въ связи съ любовью къ отличію и страхомъ позора можетъ вызвать появленіе даже среди обыкновенныхъ людей самая энергичныя дѣйствія, равно какъ и самая героическая пожертвованія. Если вкоренившійся эгоизмъ, образующій характеръ существующаго общественного порядка, такъ глубоко внѣдрился въ насть, то это единственно потому, что все существующія учрежденія благопріятствуютъ его развитію, и современныя учрежденія въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе стремятся къ этому, чѣмъ древнія, такъ какъ случаи, когда индивидуумъ призывается сдѣлать что-либо для общества безкорыстно, гораздо менѣе часты въ современной жизни, чѣмъ въ мелкихъ республикахъ древности. Эти соображенія не мѣшиали намъ считать безумiemъ преждевременные попытки удалить частный интересъ изъ общественныхъ дѣлъ, когда еще не нашли или нельзя найти, чѣмъ его замѣнить. Мы смотрѣли на все существующія учрежденія

и общественные порядки нашего времени, какъ «на чисто временное состояніе» (выраженіе это я слышалъ какъ-то отъ Остена), и мы съ удовольствіемъ и интересомъ встрѣчали всякую благородную попытку мыслящихъ людей (напримѣръ, кооперативная общество), попытку, предпринимавшуюся для развитія въ людяхъ способности дѣйствовать подъ вліяніемъ безкорыстныхъ побужденій, ради общаго блага.

Мнѣнія эти въ моихъ «Основаніяхъ Политической Экономіи» высказаны менѣе ясно и полно въ первомъ изданіи, нѣмного лучше во второмъ и, наконецъ, совершенно обстоятельно въ третьемъ. Различія эти происходили отчасти отъ перемѣнъ, вызванныхъ временемъ. Первое изданіе было написано и отдано въ печать до французской революціи 1848 года. Но послѣ этого события въ англійскомъ обществѣ произошла значительная перемѣна; оно стало доступнѣе для новыхъ идей, и многое, что прежде считалось чистой утопіей, теперь стало признаваться вполнѣ осуществимымъ. Въ первомъ изданіи все затрудненія соціальной задачи были такъ рѣзко освѣщены, что общій тонъ сочиненія казался враждебнымъ ей. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ я занялся внимательнымъ изученіемъ главныхъ писателей континента; по соціологии я обдумалъ и долго обсудилъ всѣ спорные вопросы. Результатомъ этой работы было то, что все, написанное мною по этому предмету въ первомъ изданіи, было уничтожено и замѣнено доказательствами и размышеніями, выражавшими болѣе либральное мнѣніе.

«Политическая Экономія» была написана гораздо скорѣе, чѣмъ логика, или даже, чѣмъ какой-либо изъ другихъ важныхъ трудовъ, исполненныхъ мною въ эту

эпоху. Я началъ ее осенью 1845 года, а окончилъ и совершенно приготовилъ къ печати въ концѣ 1847 года. Въ теченіе этого немногого болѣе двухлѣтняго періода былъ только одинъ промежутокъ въ полгода, когда я оставилъ этотъ трудъ для того, чтобы сотрудничать въ *Morning Chronicle*, который совершенно неожиданнымъ образомъ вошелъ въ тѣсное соприкосновеніе съ моими взглядами. Я хотѣлъ ускорить образованіе мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ на невоздѣланыхъ земляхъ Ирландіи. Это было зимою 1846—47 гг., когда тяжелыя требованія времени доставляли, повидимому, удобный случай привлечь общественное вниманіе въ пользу единственного средства, казавшагося способнымъ принести облегченіе бѣдствію ирландскаго народа и улучшить на продолжительное время его общественное и экономическое положеніе. Но эта идея была нова и оригинальна; въ исторіи Англіи не было ни одного прецедента въ защиту подобной мѣры. Глубокое невѣжество англійскихъ государственныхъ дѣятелей и публики относительно соціальныхъ явленій, не встрѣчающихся въ Англіи, хотя они и присущи другимъ народамъ, помѣшило успѣху моей попытки. Вместо распределенія невоздѣланныхъ земель и превращенія крестьянъ въ собственниковъ, парламентъ вотировалъ законъ о бѣдныхъ, которымъ превратилъ ихъ въ нищихъ. Если англійская нація не дошла еще до безвыходного положенія, какъ благодаря старымъ грѣхамъ, такъ и новой необдуманной мѣрѣ, то это именно въ силу того, что она была спасена неожиданнымъ и изумительнымъ фактомъ, уменьшениемъ пародонаселенія Ирландіи благодаря голоду и эмиграціи.

Быстрый успѣхъ моей *«Политической Экономіи»* до-

казалъ, что общество нуждалось и было подготовлено къ воспринятію подобнаго сочиненія. Первое изданіе, напечатанное въ количествѣ тысяччи экземпляровъ въ 1848 году, было распродано менѣе, чѣмъ въ теченіе года. Второе изданіе, оттиснутое въ такомъ же количествѣ, вышло весною 1849 года, а третье въ 1250 экземпляровъ въ началѣ 1852 года. Съ самаго начала на эту книгу ссылались и указывали, какъ на авторитетъ, потому что она была не только отвлеченнымъ научнымъ изслѣдованіемъ, но и практическимъ примѣненіемъ политico-экономической науки, причемъ политическая экономія трактовалась тамъ не какъ отдѣльная наука, сама по себѣ существующая обособленно, а какъ часть громаднаго цѣлага, какъ отрасль соціальной философіи, соединенная съ другими отраслями настолько тѣсно, что заключенія, которыя она представляетъ даже въ ея собственной сфере, справедливы только условно; они подчинены вмѣшательству и противоположному вліянію причинъ, которыя прямо не входятъ въ ея область; вмѣстѣ съ тѣмъ она никогда не имѣла притязанія быть практическимъ руководствомъ.

Политическая экономія въ дѣйствительности никогда не претендовала на управление человѣчествомъ на основаніи своихъ данныхъ; хотя люди, знавшіе только политическую экономію, а поэтому и злавшіе ее дурно, брались давать совѣты и въ этой области. Но многочисленные враги политической экономіи успѣли убѣдить общество въ справедливости этого обвиненія. «Основанія Политической Экономіи», несмотря на выраженные въ нихъ прогрессивные взгляды, сдѣлались самымъ популярнымъ сочиненіемъ по политической экономіи и способствовали обезоруженію враговъ этой

важной науки. Значеніе моей книги, какъ научнаго трактата въ связи съ практическими результатами, изъ него выводимыми, подлежить, конечно, сужденію другихъ людей, а не автору.

Послѣ напечатанія «Основаній Политической Экономіи» я довольно долгое время не выпускалъ въ свѣтъ ни одного большого труда; я помѣщалъ иногда статьи въ періодическихъ изданіяхъ, и моя переписка, по большей части съ людьми мнѣ совершенно незнакомыми, о вопросахъ, касающихся общественнаго интереса, приняла значительные размѣры. Въ теченіе этихъ лѣтъ я написалъ или началъ писать нѣсколько различныхъ очерковъ, имѣя въ виду напечатать ихъ при случаѣ, обѣ основныхъ вопросахъ человѣческой и общественной жизни; въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ нихъ я уже въ значительной мѣрѣ переступилъ границы того суроваго отношенія, какое предписывается Гораціемъ. Я продолжалъ съ большимъ интересомъ слѣдить за ходомъ политическихъ событий, хотя они не представляли ничего выдающагося. Европейская реакція 1848 года и торжество узурпатора въ декабрѣ 1851 года, казалось, положили теперь конецъ всякой надеждѣ на свободу и улучшеніе соціальныхъ условій во Франціи и на континентѣ. Въ Англіи я видѣлъ прежде, да и теперь замѣчаю, что большая часть убѣжденій временъ моей молодости усвоивается обществомъ, и многія реформы, въ защиту которыхъ я боролся, или уже осуществились или же близки къ осуществленію. Но эти перемѣны не повлекли за собой тѣхъ выгодъ для людскаго благосостоянія, на какія я сначала надѣялся, такъ какъ опѣ явлюются только незначительной поправкой среди тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ

всякое действительное улучшениe человѣческой жизни; я хочу сказать, что онъ мало улучшили умственное и нравственное состояніе народа. Трудно сказать утвердительно, выигралъ ли что-либо народъ изъ этой борьбы прогрессивнаго движения съ направленіемъ ему противоположнымъ. Я убѣдился изъ опыта, что замѣна ошибочныхъ мнѣній вѣрными взглядами вовсе не влечетъ за собою необходимо измѣненій того склада ума, результатами котораго были эти ошибки. Напримѣръ, англійская публика такъ же не развита и не способна обсуждать вопросы политической экономіи послѣ введенія свободной торговли, какъ и прежде; и многое нужно, чтобы она пріобрѣла лучшія умственные привычки или окрѣпла противъ заблужденій по отношенію къ болѣе возвышеннымъ предметамъ. Хотя общество и сознalo нѣкоторыя заблужденія, общій строй ума у англичанъ съ интеллектуальной и моральной точки зреянія ничуть не измѣнился. Я убѣжденъ теперь, что никакой значительный прогрессъ въ судьбѣ человѣчества не возможенъ, пока не произойдетъ громадной перемѣны въ основномъ строѣ образа мыслей. Старинные убѣждения, религіозныя, нравственные и политическія, до такой степени потеряли значеніе въ глазахъ образованныхъ людей, что лишились самой большой доли своей способности къ добрѣ, сохраняя, однако, достаточно жизненности, чтобы противопоставить серьезное препятствіе развитію наилучшихъ идей по этимъ предметамъ. Когда философскіе умы не могутъ болѣе вѣрить въ религію міра или вѣрять въ нее только подъ условiemъ такихъ измѣнений, которыя придаютъ имъ совершенно другой характеръ, тогда начинается переходная эпоха, періодъ слабыхъ убѣждений,

парализованныхъ умовъ, все болѣе и болѣе расшатанныхъ принциповъ, который можетъ закончиться только переворотомъ въ коренныхъ вѣрованіяхъ, благопріятнымъ развитію какого-либо новаго вѣрованія религіознаго или чисто человѣческаго характера, съ которымъ могло бы согласиться научное знаніе. При такомъ положеніи вещей, всякая мысль, всякое сочиненіе, не стремящееся подготовить такое возрожденіе, имѣть только незначительное, скоро преходящее значеніе. Такъ какъ видимое настроеніе общества ничуть не обнаруживало стремленія къ возрожденію, то я мало надѣялся на немедленный прогрессъ въ видѣ улучшенія общественныхъ дѣлъ. Сравнительно только недавно обнаружился духъ свободной мысли, и передъ нашими глазами открылась болѣе утѣшительная перспектива постепеннаго умственнаго освобожденія Англіи; вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе въ пользу политической свободы, возобновившееся въ остальной Европѣ, дало болѣе утѣшительный видъ настоящему положенію человѣческаго общества *).

Въ промежутокъ времени, начиная съ того момента, о которомъ я только что говорилъ, и до настоящаго момента, произошли самыя важныя события въ моей частной жизни. Однимъ изъ этихъ событий былъ мой бракъ, въ апрѣль 1851 года, съ женщиною, несравненнаго достоинства которой благодаря дружбѣ, выказанной ею ко мнѣ, способствовали болѣе, чѣмъ что-ли бое другое, моему счастію и умственному развитію въ теченіе столькихъ лѣтъ, когда мы даже и не мечтали о болѣе близкихъ отношеніяхъ. Какъ горячо я ни

*) Писано въ 1861 году.

стремился къ такому союзу съ любимымъ существомъ, но мы скорѣе бы отказались бы навсегда отъ него, если бы намъ предстояло купить его цѣною смерти человѣка, къ которому я питалъ самое искреннее уваженіе, а она горячую привязанность. Однако, когда онъ умеръ въ юлѣ 1849 года, ничто не воспрепятствовало мнѣ извлечь изъ этого несчастнаго событія свое величайшее счастье, прибавляя къ уже давно существовавшей связи мыслей, чувствъ и литературныхъ занятій, — еще новую, слившую воедино наши существованія. Семь съ половиною лѣтъ я наслаждался этимъ счастіемъ, только семь съ половиною лѣтъ! Я не могу выразить то, чѣмъ была и есть до сихъ поръ для меня эта потеря. Но зная ея задушевныя желанія, я стараюсь употребить оставшіяся у меня жизненные силы къ достижению тѣхъ цѣлей, къ которымъ она стремилась, и лучшую поддержку въ своемъ дѣлѣ я нахожу въ мысляхъ о ней и въ постоянномъ общеніи съ ея памятью.

Когда между двумя лицами царить совершенная гармонія идей и мыслей, когда всѣ предметы, возбуждающіе умъ и сердце, ежедневно обсуждаются или изслѣдуются гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ это авторы въ своихъ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для массы читателей, — когда они оба исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же точекъ и приходятъ къ тѣмъ же заключеніямъ путемъ совмѣстнаго размышенія, тогда мало имѣть значенія вопросъ, на долю кого выпало написать обдуманное. Тотъ, кто менѣе содѣйствуетъ самому процессу писания книги, тотъ, можетъ быть, болѣе всего способствовалъ при ея обдумываніи; сочиненія, получающіяся отъ подобной совмѣстной работы, пред-

ставляютъ общее твореніе того и другого, и часто бываетъ трудно опредѣлить долю участія каждого и сказать: это дѣло одного, а это — другого. Съ такой широкой точки зрѣнія можно сказать, что не только послѣ моей женитьбы, но и въ теченіе долгихъ предыдущихъ лѣтъ, когда мы были соединены только дружбою и довѣріемъ, все, что я напечаталъ, столько же принадлежитъ моей женѣ, сколько и мнѣ; и это участіе возрастало съ каждымъ годомъ. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что составляетъ исключительно ея творчество, можетъ быть указано и опредѣлено. Кромѣ общаго вліянія, которое оказывалъ ея умъ на мой, отъ нея же я заимствовалъ идеи и достоинства, наиболѣе важныя для тѣхъ общихъ произведеній, которыя повлекли за собою наиболѣе обильные и значительные результаты и всего болѣе способствовали успѣху и репутаціи самихъ сочиненій; они имѣли источникомъ ея умъ, а мое участіе въ этомъ было не болѣе того, когда я находилъ мысли у предшествовавшихъ мнѣ писателей: — я усвоивалъ ихъ себѣ, включая ихъ въ систему моихъ собственныхъ идей. Въ теченіе большей части моей авторской жизни я исполнялъ по отношенію къ ней роль, которую считалъ съ ранней юности самой полезной, какую я только могъ выполнить въ области мышленій, именно роль истолкователя оригинальныхъ мыслителей и посредника между ними и публикой. На самомъ дѣлѣ, я всегда имѣлъ скромное мнѣніе о своихъ способностяхъ, какъ оригинальнаго мыслителя, за исключеніемъ отвлеченныхъ наукъ (логики, метафизики и теоретическихъ основъ политической экономіи), но я считалъ себя гораздо выше большинства моихъ современниковъ готовностью и

умѣньемъ учиться у всѣхъ; мнѣ не случалось встрѣтить людей, которые, подобно мнѣ, считали бы своимъ долгомъ изслѣдоватъ все, что было сказано въ защиту какого-либо стараго или новаго взгляда, притомъ съ такимъ убѣженіемъ, что даже если бы взгляды эти были ошибочными, то подъ ними можетъ быть скрыта извѣстная доля истины и что во всякомъ случаѣ истина только выигрывала отъ раскрытия причинъ, дѣлавшихъ эти взгляды правдоподобными. Слѣдовательно я выбралъ эту сферу полезной дѣятельности, къ какой я чувствовалъ себя специально обязаннымъ приложить свою энергию, тѣмъ болѣе, что знакомство съ идеями послѣдователей Кольриджа, пѣмецкихъ мыслителей и Карлейля, совершенно враждебныхъ тѣмъ взглядамъ, въ которыхъ я воспитывался, убѣдило меня, что на ряду со многими заблужденіями, они обладали значительной долей истины, которая оставалась скрытой благодаря туманному и мистическому языку, въ который они имѣли привычку облекать еї, и отъ которой они или не хотѣли, или не могли освободить еї. Я надѣялся отдать истину отъ заблужденія и изложить еї въ такихъ выраженіяхъ, которыя бы дѣлали ее понятной и не отталкивали бы отъ нея сторонниковъ моей философской партіи. Легко понять, что когда съ такой подготовкой я вступилъ въ тѣсное интеллектуальное общеніе съ человѣкомъ, обладающимъ громадными способностями, гений котораго, по мѣрѣ того какъ возрасталъ и углублялся въ область мысли, обнаруживалъ истину гораздо прежде, чѣмъ я могъ открыть какую-либо примѣсь заблужденія; отсюда понятно, повторяю я, что большая часть моего умственнаго развитія заключалась въ усвоеніи этихъ

истинъ и что самая значительная доля моего умственаго труда состояла въ наведеніи мостовъ и въ открытии путей, которыми эти истины приходили бы въ сообщеніе съ общей системой моего мышленія *). Пер-

*) Умственное развитіе, которымъ я обязанъ своей женѣ, далеко не такого характера, какъ могутъ подумать люди, мало знакомые съ мою жизнью. Можно предположить, напримѣръ, что я отъ нея заимствовалъ твердое убѣжденіе, которое высказывалъ въ защиту равенства мужчинъ и женщинъ въ юридическомъ, политическомъ, общественномъ и семейномъ отношеніяхъ. Ничего подобного нѣтъ: напротивъ, это убѣжденіе было однимъ изъ первыхъ результатовъ моего изученія политическихъ вопросовъ, а сила, съ какою я его защищалъ, болѣе, чѣмъ какая-либо другая причина, была главнымъ поводомъ, возбудившимъ ея вниманіе ко мнѣ. Дѣйствительно, пока я съ неї не былъ знакомъ, это убѣжденіе было въ моемъ умѣ не что иное, какъ отвлеченный принципъ. Я не видѣлъ основанія, почему женщины должны были находиться въ законномъ подчиненіи, а мужчины — нѣтъ. Я былъ увѣренъ, что ихъ интересы требуютъ столько же обезопасенія, какъ и интересы мужчинъ, и что слишкомъ мало вѣроятно, чтобы онѣ достигли этого, не имѣя наравнѣ съ мужчинами права участвовать въ составленіи законовъ, которымъ онѣ подчинены. Но только благодаря ея наставлѣніямъ я понялъ вполнѣ громадное значеніе практическихъ послѣдствій неправососпособности женщинъ, изложенныхъ мною въ книгѣ „О подчиненіи женщинъ“. Безъ помощи ея рѣдкаго знанія человѣческой природы и безъ проинцательности, съ какою она улавливала дѣйствія нравственныхъ и общественныхъ вліяній, я, безъ сомнѣнія, высказалъ бы тѣ же убѣжденія, какъ и теперь, но имѣлъ бы только несовершенное представление о томъ, какъ послѣдствія подчиненнаго положенія женщинъ смыываются съ недостатками современного общества и съ затрудненіями, задерживающими человѣчество на пути прогресса. Съ печалью я разсуждаю о всѣхъ ея лучшихъ мысляхъ по этому предмету, которыхъ мнѣ не удалось воспроизвести, и вижу все громадное разстояніе, отдѣляющее мой небольшой

вымъ изъ моихъ сочиненій, въ которомъ ея участіе было особенно замѣтно, были „Основанія Политической Экономіи“. „Система Логики“ обязана ей немногимъ, если не считать мелкихъ замѣчаній. Въ послѣднемъ случаѣ я извлекъ громадную пользу во всѣхъ своихъ и большихъ и мелкихъ трудахъ изъ ея критическихъ отзывовъ, проникнутыхъ справедливостью и яснымъ взглядомъ *).

Глава въ „Политической Экономіи“, оказавшая наибо-

трудъ отъ того, какимъ бы онъ могъ быть, если бы она изложила на бумагѣ всѣ свои мысли по данному вопросу или если бы она прожила достаточно для того, чтобы исправить и усовершенствовать мой неполный очеркъ.

*) Единственный человѣкъ, оказавшій мнѣ дѣйствительную помощь въ обработкѣ „Системы Логики“ былъ мастеръ Бэнъ, который съ того времени сдѣлался знаменитымъ благодаря своимъ философскимъ сочиненіямъ. Онъ внимательно прочелъ мою рукопись, прежде, чѣмъ я отправилъ её въ печать, и снабдилъ её многими примѣрами и объясненіями, заимствованными изъ естественныхъ наукъ, приведенными мною почти дословно, наравнѣ съ другими замѣчаніями, которыя онъ охотно прибавилъ для поддержки моихъ логическихъ взглядовъ.

Я обязанъ Конту только тѣмъ, о чёмъ я уже упоминалъ выше въ этомъ сочиненіи. Изъ словъ моихъ видно, что моя обязанность передъ нимъ была далеко не такъ велика, какъ это пѣкоторые приписывали мнѣ. Первый томъ „Логики“, заключающій въ себѣ всѣ основныя теоріи по этому предмету, былъ оконченъ въ самыхъ существенныхъ частяхъ рабѣе, чѣмъ я прочелъ трудъ Конта. Я заимствовалъ оттуда нѣсколько важныхъ идей, особенно для главы о гипотезахъ и для изложения понятій о логикѣ алгебры. Но только въ послѣдней книгѣ, трактующей о логикѣ нравственныхъ наукъ, я обязанъ ему радикальными улучшеніями, введенными въ область моихъ взглядовъ о примѣненіи логическихъ методовъ. Я уже изложилъ и охарактеризовалъ это улучшеніе въ этихъ воспоминаніяхъ.

лѣе вліянія на общественное мнѣніе, чѣмъ вся остальная книга, о «Вѣроятномъ будущемъ рабочихъ классовъ» всецѣло принадлежитъ ея творчеству. Въ первоначальномъ планѣ книги этой главы не существовало. Она дала мнѣ почувствовать, насколько необходимо прибавить главу объ этомъ вопросѣ и насколько безъ нея сочиненіе оказалось бы несовершеннымъ, и побудила меня написать ее. Самая общая часть этой главы, изложеніе и обсужденіе двухъ противоположныхъ теорій, касаясь настоящаго положенія рабочихъ классовъ, представляетъ въ цѣломъ воспроизведеніе ея идей и часто въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, которыхъ я слышалъ отъ нея. Я не заимствовалъ отъ нея только чисто теоретическую часть моей политической экономіи, но особенно ея вліянію моя книга обязана общимъ характеромъ, отличающимъ её отъ прежнихъ трактатовъ по политической экономіи и принесшимъ ей значительную пользу, примиряя съ ней читателей, которыхъ другіе писатели отталкивали. Этотъ характеръ главнымъ образомъ является результатомъ того, что я провелъ кстати определенное разграничение между законами производства богатства, которые въ действительности суть законы природы и зависятъ отъ существенныхъ свойствъ предметовъ, и средствами распространенія богатства, при известныхъ условіяхъ зависящими отъ человѣческой воли. Обыкновенно экономисты смѣшиваютъ эти два вида законовъ подъ однимъ названіемъ экономическихъ законовъ, которые никакое человѣческое усиленіе, по ихъ мнѣнію, не въ состояніи уничтожить или измѣнить; они приписываютъ такую же необходимость и законамъ, зависящимъ отъ неизмѣняемыхъ условій нашего земного су-

ществованія, а также и тѣмъ, которые являясь только неизбѣжными слѣдствіями извѣстныхъ соціальныхъ порядковъ, существуютъ рядомъ съ ними. Конечно, при извѣстныхъ учрежденіяхъ и обычаихъ, заработка плата, прибыль и рента будутъ опредѣляться извѣстными причинами, но экономисты забываютъ необходимость предположенія о существованіи извѣстныхъ учрежденій и обычаевъ и утверждаютъ, что эти причины должны по внутренней необходимости, которую не могутъ изменить никакія человѣческія усиленія, опредѣлять требуемыя доли при распределеніи прибыли рабочимъ, капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ.

Въ «Основаніяхъ Политической Экономіи» я не уступалъ никому изъ моихъ предшественниковъ въ научной оцѣнкѣ вліянія этихъ причинъ, при наличии предполагаемыхъ ими условій; но это первое сочиненіе, указывавшее, что эти условія вовсе не окончательны. Экономическая обобщенія, зависящія не отъ необходимыхъ законовъ природы, а отъ потребностей, сопряженныхъ съ дѣйствительными порядками общества, я выставляю въ своемъ сочиненіи только какъ временныя и способныя быть радикально измѣненными согласно съходомъ общественного прогресса. Я заимствовалъ такіе взгляды отчасти изъ идей, возбужденныхъ во мнѣ теоріями сенъ-симонистовъ; но только благодаря вліянію моей жены они превратились въ живое вдохновеніе, одушевившее мой трудъ. Этотъ примѣръ даетъ ясное представление объ общемъ характерѣ той роли, которую она играла при составленіи моихъ трудовъ. Въ общемъ все отвлеченнное и чисто научное принадлежитъ мнѣ, истинно человѣческій элементъ исходить отъ нея. Я былъ ея ученикомъ во всѣмъ, что касалось примѣне-

нія философії къ потребностямъ общества и прогресса; также отъ нея я перенялъ смѣлость своихъ теоретическихъ умозрѣній и осмотрительность при обсуждении practicalихъ вопросовъ. На самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, она обладала гораздо бѣльшимъ мужествомъ и болѣе широкими взглядами, чѣмъ какія я могъ бы когда-либо усвоить себѣ безъ ея помощи, относительно будущаго порядка вещей, при которомъ большинство этихъ ограниченныхъ обобщеній, такъ часто смѣшиваемыхъ съ міровыми принципами, перестанутъ находить примѣненіе. Тѣ части моихъ сочиненій и въ особенности «*Политической Экономіи*», которые указывали на возможныя учрежденія будущаго и съ яростью были встрѣчены экономистами, не нашли бы безъ нея себѣ совсѣмъ мѣста на страницахъ моей книги или же были бы обрисованы въ болѣе робкой и болѣе сжатой формѣ. Но въ то же время, какъ она придавала мнѣ больше смѣлости при разсмотрѣніи человѣческихъ дѣяній, ея практическій умъ и почти непогрѣшимое толкованіе practicalихъ препятствій обуздывали во мнѣ всякое поистинѣ химерическое стремленіе. Ея умъ облекалъ всѣ идеи въ конкретную форму и ясно представлялъ себѣ тотъ способъ, кото-раго они держались въ дѣйствительности; ея знакомство съ современными мнѣніями и поступками людей такъ мало было ошибочнымъ, что рѣдко ускользала отъ нея слабая сторона неисполнимой идея *).

*) Нѣсколько строкъ посвященія, въ которыхъ указывалось, чѣмъ моя книга была обязана ей, были помѣщены въ началѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ *Политической Экономіи*, предпазначенныхъ для подарковъ; по такъ какъ она не любила обращать на себя вниманіе, то это и было единственной причиной, помѣшившей этому посвященію оставаться въ остальныхъ экземплярахъ, пущенныхъ въ продажу.

Въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которые протекли между моей женитьбой и катастрофой, сдѣлавшей меня вдовцомъ, главныя события моей внѣшней жизни (я не считаю первого припадка наследственной болѣзни и болѣе чѣмъ шестимѣсячнаго путешествія для поправленія здоровья въ Италію, Сицилію и Грецію) относятся къ моей службѣ въ Остъ-Индской компаніи. Въ 1856 году я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія, въ которомъ уже прослужилъ болѣе тридцати трехъ лѣтъ. Полученная мною должность инспектора индійской корреспонденціи была самая значительная послѣ секретаря въ Остъ-Индской компаніи. Въ моемъ вѣдѣніи находилась вся корреспонденція съ правительствами Индіи, за исключеніемъ дѣлъ финансового, морского и военнаго. Я оставался на этомъ посту во все время его существованія, то есть немного болѣе двухъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ парламенту или, другими словами, лорду Пальмерстону было угодно положить конецъ существованію Остъ-Индской компаніи, какъ управлениія Индіей подъ контролемъ правительства, и превратить администрацію этой страны въ лакомую добычу для государственныхъ дѣятелей второго и третьаго разряда. Я стоялъ во главѣ оппозиціи, предпринятої компаніей для того, чтобы избѣжать политической мѣры, грозившей ея существованію. Читатель найдетъ въ письмахъ и прошеніяхъ, составляемыхъ мною для компаніи, а также въ послѣдней главѣ моей книги «О представительномъ правлениі» мое мнѣніе о безуміи этой необдуманной перемѣны и о вытекавшихъ отсюда вредныхъ послѣдствіяхъ. Я лично остался отъ этого въ выигрышѣ. Я посвятилъ достаточно времени моей жизни службѣ для Индіи и не имѣлъ ничего противъ

того, чтобы удалиться съ значительной пенсіеї, присужденої мнѣ.

Когда перемѣна была доведена до конца, лордъ Стенлій, первый секретарь по управлению Индіей, оказалъ мнѣ честь, предложивъ мнѣ мѣсто въ совѣтѣ и впослѣдствіи это предложеніе было возобновлено самимъ совѣтомъ при первомъ случаѣ, когда пришлось замѣщать открывшуюся ваканцію. Но положеніе Индійского управления при новой системѣ заставило меня предвидѣть только бесполезныя непріятности и напрасныя усилія въ награду за все мои хлопоты, и дѣйствительно, послѣдующія события не дали мнѣ и малѣйшаго повода сожалѣть о своемъ отказѣ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, непосредственно предшествовавшихъ окончанію моей служебной карьеры, я вмѣстѣ съ женою работалъ надъ своимъ сочиненіемъ «*O Свободѣ*». Планъ этого труда я уже набросалъ въ краткомъ очеркѣ, напечатанномъ въ 1854 году. Въ январѣ 1855 года, взбираясь по ступенямъ Капитолія, намъ пришла мысль составить изъ этого очерка цѣлую книгу. Ни одно изъ моихъ сочиненій не было составлено такъ тщательно, ни одного не было исправлено съ такимъ вниманіемъ. Написавъ его, по своему обыкновенію, два раза сначала до конца, мы долго держали его; время отъ времени мы возвращались къ нему, пробѣгали его сызнова, читая, взвѣшивая, критикуя каждую фразу. Окончательная редакція этой книги должна была имѣть мѣсто зимою 1858—1859 гг. непосредственно послѣ моей отставки, зиму эту мы предполагали провести на югѣ Европы. Эта надежда, какъ и многія другія, не осуществилась вслѣдствіе преждевременнаго и жестокаго несчастія, а именно смерти

моей жены, послѣдовавшей въ Авиньонѣ отъ воспаленія легкихъ, когда мы возвращались въ Монпелье.

Съ этого времени я сталъ искать утѣшенія, насколько было возможно, въ томъ, что устроилъ свою жизнь такъ, какъ будто моя жена была еще около меня. Я купилъ маленький загородный домъ также, какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ она была похоронена и тамъ съ ея дочерью, раздѣлявшей мою печаль и оставшейся нынѣ моимъ единственнымъ утѣшениемъ, я проводилъ большую часть года. Цѣли мои въ жизни только тѣ, которыя были у нея; мои труды, занятія, въ которыхъ она принимала участіе и которымъ она горячо симпатизировала, остались связанными съ нею неразрывными узами. Ея память для меня — религія, ея одобрение — та норма, совокупность всѣхъ достоинствъ, которой я стараюсь руководствоваться въ моей жизни *).

Послѣ понесенной мною невознаградимой утраты моей первой заботой было отдать въ печать и выпустить въ свѣтъ книгу, большая часть которой принадлежала той, которой я лишился, и посвятить этотъ трудъ ея памяти. Я не сдѣлалъ въ немъ ни одного измѣненія, ни одной поправки, да и никогда ихъ не сдѣлаю,— моя рука никогда не дерзнетъ замѣнить то, что было бы сдѣлано ею.

Книга «*O Свободѣ*» представляетъ болѣе, чѣмъ какое либо другое мое сочиненіе, нашъ совмѣстный трудъ. Нѣть ни одной фразы, которую бы мы сообща* не исправили по нѣскольку разъ, измѣнивъ ее на разные лады и старательно очищая отъ всякихъ замѣченныхъ погрѣшиостей, касавшихся или мысли или выраженія.

*) Все предущее написано и исправлено до и въ теченіе 1861 года. Вся послѣдующая часть написана въ 1870 году.

Благодаря этому даже безъ окончательной редакціи, какую мы должны были сдѣлать, эта книга съ литературной точки зрѣнія превосходитъ все напечатанное мною раньше и позднѣе. Что касается идей, то трудно указать, какая часть изъ нихъ принадлежитъ болѣе женѣ моей, чѣмъ мнѣ. Образъ мыслей, выраженіемъ котораго является это сочиненіе, всецѣло принадлежалъ ей, но я былъ такъ глубоко проникнутъ ими, что естественно одинъ и тѣ же идеи представлялись каждому изъ настѣ. Однако, ей исключительно я обязанъ усвоеніемъ такихъ мыслей. Былъ періодъ, когда я могъ быть легко допустить себя увлечься излишнему централизаціонному направленію въ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ, также какъ былъ моментъ, въ который, благодаря реакціи противъ противоположной крайности, я могъ сдѣлаться гораздо менѣе пылкимъ радикаломъ и демократомъ. Въ этихъ двухъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, она оказала мнѣ большую услугу, удержавъ меня на правомъ пути и въ тоже время раскрывъ предо мною новыя истины и освободивъ меня отъ моихъ заблужденій. Благодаря моей готовности и страстному желанію учиться у всѣхъ и давать място среди моихъ собственнымъ убѣжденій всякой новой мысли, пріурочивая прежнія и вновь заимствованыя идеи къ одной системѣ, я, пожалуй, могъ бы, безъ спасительного вліянія моей жены, чрезчуръ измѣнить свои первоначальные мнѣнія. Прежде всего справедливой оцѣнкой относительной важности различныхъ точекъ зрѣнія она въ значительной степени способствовала развитію моего ума; этимъ она предохранила меня отъ склонности удѣлять, въ ряду собственныхъ мнѣній, только что усвоеннымъ мыслямъ

болѣе мѣста, чѣмъ онѣ того заслуживали. Книга «*О Свободѣ*», вѣроятно, на много переживетъ другія мои сочиненія (за исключеніемъ можетъ быть «*Логики*»), такъ какъ общность между умомъ моей жены и моимъ сдѣлала изъ этой книги родъ философскаго трактата объ единственной истинѣ, къ которой наиболѣе ясно стремятся всѣ перемѣнны, дѣйствующія прогрессивно въ современномъ обществѣ. Я хочу сказать о важности для человѣка и общества существованія значительного количества разнообразныхъ типовъ характера и о пользѣ предоставленія человѣческой природѣ полной свободы въ разностороннемъ и самомъ противоположномъ направлениі. Лучшимъ указаніемъ на сколько глубоки основанія этой истины, служить то громадное впечатлѣніе, какое она произвела въ моемъ изложеніи въ то время, когда для всякаго поверхностнаго наблюдателя, повидимому, не было никакой потребности въ подобномъ урокѣ. Опасенія, выраженные нами о томъ, что неизбѣжное развитіе соціальнаго равенства и господство общественнаго мнѣнія можетъ наложить невыносимое ярмо однообразія въ теоріи и практикѣ, эти опасенія, повторю я, могли показаться безъ сомнѣнія химерическими для людей, обращающихъ болѣе вниманіе на современные факты, чѣмъ на современныя стремленія. На самомъ дѣлѣ переворотъ, постепенно совершающійся въ обществѣ и въ учрежденіяхъ, до сихъ поръ рѣшительнымъ образомъ благопріятствовалъ развитію новыхъ убѣждений и доставилъ имъ общественное вниманіе, болѣе свободное отъ предразсудковъ, чѣмъ прежде. Но эта выгода есть дѣло переходныхъ эпохъ, когда прежніе убѣжденія и чувства испровергнуты, а новые доктрины еще не

успѣли замѣнить ихъ. Въ такія эпохи личности, одаренныея нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ, чувствуя, что ихъ прежнія вѣрованія исчезли, и не увѣренныя, что тѣ, которыхъ еще сохранились, не подвергнутся измѣненію впослѣдствіи, съ жадностью набрасываются на новыя мнѣнія. Но такое положеніе вещей по необходимости переходное; время отъ времени извѣстная доктрина принимается польшинствомъ и представляеть типическія черты, на которыхъ организуются учрежденія и дѣятельность общества. Воспитаніе прилагаетъ это новое вѣрованіе къ новымъ поколѣніямъ, не заставляя ихъ проходить тотъ умственный процессъ, которымъ оно вызвано, такъ что это вѣрованіе по немногу пріобрѣтаетъ ту же силу выраженія, какою такъ долго отличались замѣненныея имъ вѣрованія. Некроется ли въ этомъ опасности? Это зависитъ отъ того, сознѣтель-ли человѣчество во-время, что нельзя развивать эту силу, не задерживая ростъ человѣческой природы и не осуждая её къ полнѣйшему застою. Въ такое время принципы сочиненія «*O Свободѣ*» будутъ имѣть наиболѣе значенія и слѣдуетъ думать, что они сохранятъ его на долгое время.

Что касается оригинальности идеи этого труда, то она такова же, какъ и та, съ которой всякий размышилощи умъ обставляетъ и выражаетъ птины, составляющія достояніе всего свѣта. Господствующая идея книги—одна пзъ тѣхъ, которая, безъ сомнѣнія, осталась привилегіей нѣкоторыхъ обособленныхъ мыслителей, по тѣмъ не менѣе никогда не покидала, вѣроятно, человѣчество съ самаго начала цивилизаций. Говоря только о послѣднихъ поколѣніяхъ, она ясно содержитъ въ тѣхъ великихъ идеяхъ относительно вос-

питанія и образованія, которые распространялись въ Европѣ, благодаря трудамъ и генію Песталоцци. Абсолютная защита этой идеи Вильгельмомъ Гумбольдтомъ упомянута въ этомъ сочиненіи; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ стоялъ особнякомъ въ своей странѣ. Въ теченіе первой половины XIX-го столѣтія теорія индивидуализма и права нравственной личности на независимое развитіе была доведена до крайности цѣлой школой нѣмецкихъ писателей. Сочиненія Гёте, самаго зламенитаго изъ нѣмецкихъ поэтовъ, хотя онъ и не принадлежитъ ни къ той, ни къ другой школѣ, отличаются во всѣхъ воззрѣніяхъ на нравственную и практическую жизнь самымъ широкимъ требованіемъ права для каждого человѣка на свободное самостоятельное развитіе. Въ Англіи прежде, чѣмъ была написана книга «*O Свободѣ*», теорія индивидуализма энергично защищалась въ горячихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, напоминающихъ иногда Фихте, Вильямомъ Маккалемъ, въ цѣломъ ряду сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе обдуманное «*Основы Индивидуализма*». Извѣстный американецъ Уарренъ построилъ цѣлую систему общества на основаніи «господства индивидуализма»; многіе примкнули къ нему и дѣйствительно положили начало учрежденію сельской общины (не знаю, существуетъ ли она теперь), которая, хотя и имѣетъ нѣкоторое поверхностное сходство съ извѣстными соціалистическими проектами, діаметрально противоположна имъ въ принципѣ, такъ какъ тамъ не признаются за обществомъ никакой власти надъ индивидуумомъ, исключая одинакового права и равнаго развитія для всѣхъ. Такъ какъ книга, носившая мое имя, не претендовала выдавать свои доктрины за оригиналъ, и такъ какъ цѣлью

ея не было историческое описание, то единственнымъ авторомъ, поддерживавшимъ эти теоріи до меня, былъ Гумбольдтъ, изъ сочиненія котораго я заимствовалъ эпиграфъ къ своему труду. Кроме этого я взялъ у послѣдователей Уаррена ихъ выраженіе «господство индивидуума». Едва ли нужно замѣтить здѣсь, что существуетъ много различій въ деталяхъ между моимъ изложеніемъ теоріи свободы и изложеніями уже названныхъ мною авторовъ.

Политическія обстоятельства побудили меня нѣсколько времени спустя окончить и издать маленькую статью подъ заглавиемъ «*Мысли о парламентской реформѣ*», часть которой я уже написалъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ по случаю одного неимѣвшаго успѣха билля о реформѣ. Въ то время моя жена одобряла и просматривала эту часть. Главными чертами этого сочиненія было отрицаніе тайной подачи голосовъ и воззваніе въ пользу права меньшинства. Однако, въ то время мы не шли далѣе собирательнаго голосованія, предложеннаго Гартомъ Маршаломъ. Оканчивая это сочиненіе для печати въ виду преній по поводу билля о реформѣ, внесенного министерствомъ лорда Дерби и Ди-зраэли въ 1859 году, я прибавилъ туда третій пунктъ, требуя дарованія нѣсколькихъ избирательныхъ голосовъ одному лицу на основаніи не его собственности, а превосходства его воспитанія. Эта мѣра на мой взглядъ казалась средствомъ удовлетворить несомнѣнное право всякаго мужчины или всякой женщины имѣть голосъ въ управлениі общественными дѣлами, близко касающимися ихъ, давая справедливое предпочтеніе убѣженіямъ, основаннымъ на болѣе глубокихъ зна-
ніяхъ. Однако, эту идею я никогда не обсуждалъ съ

свою совѣтчицѣй, на непогрѣшимиый взглядъ которой я могъ почти всегда разсчитывать, и я не зналъ, какъ она относилась къ моему мнѣнію объ этомъ предметѣ. Насколько я могъ замѣтить, этотъ планъ не возбудилъ ни въ комъ сочувствія. Всѣ, кто только хочетъ извѣстнаго неравенства въ избирательномъ голосованіи, стараются возстановить его въ пользу собственности, а не ума и знаній. Если мой планъ когда нибудь преодолѣетъ могущественное чувство, направленное противъ него, то это случится только послѣ введенія систематического народнаго образованія, благодаря которому различныя степени знанія, полезнаго въ усвоеніи политическихъ правъ, будутъ тщательно опредѣлены и установлены закономъ. Безъ этого мой планъ, повторяю, будетъ всегда подвергаться сильнымъ нападкамъ, можетъ быть, нападкамъ основательнымъ; а при существованіи такого условія, его будетъ возможно игнорировать.

Вскорѣ послѣ изданія «Мыслей о парламентской реформѣ», я познакомился съ удивительной системой личнаго представительства Гера, которая была только что напечатана тогда въ первый разъ въ своей первоначальной формѣ. Я усмотрѣлъ въ этой великой практической и вмѣстѣ съ тѣмъ философской идеѣ самое большое усовершенствованіе, до какого только можетъ быть доведена система представительного правленія, усовершенствованіе, которое самимъ успѣшнымъ образомъ уничтожаетъ значительный недостатокъ представительной системы, повидиму, присущій ей; я хочу сказать о томъ заблужденіи, что численному большинству придаютъ всю силу вмѣсто того, чтобы присвоить ему только силу пропорціональную его числу; это

давало возможность сильнейшей партии воспринимать болѣе слабымъ высказывать свои мнѣнія въ народномъ собраніи, исключая тѣхъ случаевъ, которые могутъ представиться благодаря случайному неравенству распределенія мнѣній въ различныхъ округахъ. Полагали, что этому громадному злу можно было противопоставить только несовершенныя палліативныя средства. Система Гера предлагаетъ радикальную мѣру. Это новое открытие въ политикѣ (ибо планъ Гера действительно представляетъ открытие) возбудилъ во мнѣ, какъ я полагаю и во всѣхъ мыслящихъ людяхъ, принявшихъ эту теорію, новые надежды и большее упованіе на будущность человѣческаго общества, такъ какъ онъ освобождаетъ ту форму политическихъ учрежденій, къ какой, очевидно, съ непреоборимой силой стремится цивилизованный міръ, отъ главнаго недостатка, парализовавшаго его полезную дѣятельность. Меньшинство, пока оно остается меньшинствомъ, не считается, и должно считаться ничѣмъ въ сравненіи съ большинствомъ; но если бы допустить порядокъ, позволяющій каждой группѣ избирателей, достигающихъ извѣстнаго числа, посыпать въ законодательное собрание представителя по своему личному выбору, меньшинство не будетъ сдавлено. Независимыя убѣжденія найдутъ себѣ доступъ въ народныхъ собраніяхъ и будутъ тамъ излагаться, что часто невозможно при настоящихъ формахъ демократіи. Законодательное собрание вместо того, чтобы отличаться отсутствиемъ оригинальныхъ личностей и составляться единственно изъ однихъ представителей значительныхъ политическихъ и религіозныхъ партий, будетъ заключать въ себѣ большое количество самыхъ оригинальныхъ и

самыхъ выдающихсяъ умовъ страны, которые будуть посланы туда безъ разбора партій своими избирателями, оцѣнившими ихъ индивидуальныя достоинства. Я понимаю, что люди вообще развитые, но не удѣлившие плану Гэра, достаточнаго вниманія, отвергнуть его вслѣдствіи чрезвычайной сложности его механизма. Но всякий, кто не чувствуетъ того недостатка, уничтожить который предначертанъ планъ Гэра, кто отброситъ его, какъ чистую теоретическую тонкость или причуды, которыя не могутъ имѣть серьезныхъ послѣдствій и не заслуживаетъ вниманія практическихъ людей, можетъ быть съ увѣренностью признать неспособнымъ государственнымъ дѣятелямъ, несоответствующимъ политикѣ будущаго. Конечно при этомъ надо исключить министровъ или стремящихся къ этой должности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ мы привыкли видѣть, что министры питаютъ абсолютную вражду къ реформѣ до того дня, когда и совѣсть или интересы заставляютъ взять её подъ свое покровительство, какъ мѣру общественной пользы и съ успѣхомъ привести её.

Если бы я познакомился съ системой Гэра до напечатанія моего сочиненія о парламентской реформѣ, я помѣстилъ бы отчетъ о ней. Не имѣя возможности этого сдѣлать, я написалъ, однако, по этому поводу статью въ *Fraser's Magazine* (перепечатанную въ моихъ «Разсужденіяхъ») и прибавилъ къ ней разборъ двухъ сочиненій по этому вопросу; однимъ изъ нихъ была брошюра моего стариннаго друга Джона Остена, который въ послѣдніе годы своей жизни сдѣлался противникомъ всякой новой парламентской реформы; другое сочиненіе было написано талантливо и сильно, хотя и частично ошибочно мистеромъ Лоримеромъ.

Въ теченіе того же года лѣтъмъ, я выполнилъ лежавшую на мнѣ обязанность способствовать статьюю въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи* ознакомленію общества съ основательнымъ трудомъ М. Бэна о человѣческомъ умѣ; сочиненіе этого только что закончилось выходомъ въ свѣтъ второго тома. Я напечаталъ тогда же сборникъ моихъ второстепенныхъ статей, составившихъ первые два тома моихъ «Разсужденій и Изслѣдованій». Сборникъ этотъ былъ составленъ еще при жизни моей жены, но совмѣстная наша редакція для печати едва была начата. Позднѣе, когда я лишился руководящаго свѣточка критики, я отчаялся пдти далѣе и отдалъ перепечатать эти статьи въ первоначальномъ видѣ, выпуская только мѣста, наиболѣе несогласныя съ моими новыми воззрѣніями. Мои литературные занятія этого года завершились очеркомъ, помѣщеннымъ въ *„Fraser's Magazine“* (перепечатанномъ въ третьемъ томѣ моихъ «Изслѣдованій и Разсужденій») подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о невмѣшательствѣ». Меня побудило написать эту статью желаніе защитить Англію отъ обвиненія, которому она обыкновенно подвергалась на континентѣ. Ей ставятъ въ упрекъ, что она въ иностранной политикѣ руководствуется только эгоистическими побужденіями. Я хотѣлъ выяснить англичанамъ причины, послужившія предлогомъ къ такому обвиненію, указать на тотъ не совсѣмъ возвышенный образъ дѣйствій, какимъ руководились ихъ государственные дѣятели во внѣшней политикѣ, имѣя въ виду только английскіе интересы; какъ напримѣръ лордъ Пальмерстоnъ, который въ это самое время противился прорытию Суэскаго канала. Я ухватился за случай выразить давно уже лежавшія мною идеи, изъ которыхъ

однѣ были пріобрѣтены мною изъ практическаго знанія, другія—изъ международныхъ вопросовъ, занимавшихъ тогда Европу. Эти идеи основывались на истинныхъ принципахъ международной нравственности и измѣненіяхъ, приносимыхъ разницей во времени и обстоятельствахъ. Объ этомъ предметѣ я уже трактовалъ до нѣкоторой степени въ очеркѣ написанномъ мною въ защиту временнаго французскаго правительства 1848 года противъ нападокъ лорда Брума и другихъ; этотъ очеркъ я помѣстилъ сначала въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*, а теперь онъ перепечатанъ въ моихъ «Изслѣдованіяхъ».

Я посвятилъ, по крайней мѣрѣ я такъ думалъ, остатокъ своихъ дней на литературный трудъ, если можно примѣнить это слово къ тѣмъ занятіямъ, которыя постоянно имѣли главною цѣлью политику, не только теоретическую, но и практическую. Я проводилъ, правда, большую часть года на значительномъ разстояніи отъ главнаго политического центра моей страны, для которой прежде всего и болѣе всего я работалъ. Но въ наши дни легкость сообщенія не только уничтожала всѣ неудобства, вытекающія для политического писателя изъ удаленія отъ театра, на которомъ разыгрываются государственные дѣла, но она обращаетъ ихъ въ преимущества. Онъ получаетъ безъ замедленія и правильно газеты и періодическія изданія и имѣть возможность слѣдить за самыми послѣдними политическими событиями, черезъ это онъ усвоиваетъ болѣе правильный взглядъ на положеніе и развитіе общественнало міжнія, чѣмъ при личномъ столкновеніи съ людьми. Наши отношенія болѣе или менѣе ограничены известными классами или группами, черезъ которые мы пріобрѣтаемъ міжнія и я по опыту знаю, что люди, по-

свящающіе свое время поглощающимъ требованиямъ такъ называемаго общества и не имѣющіе досуга поддерживать широкія отношенія съ органами общественнаго мнѣнія, остаются въ гораздо большемъ невѣдѣніи относительно общаго положенія, какъ общественного духа, такъ и образованной и дѣятельной его части, чѣмъ человѣкъ, живущій въ уединеніи и читающей газеты. Безъ сомнѣнія есть неудобства слишкомъ долго оставаться вдали отъ своей страны, и не освѣжать время отъ времени свои впечатлѣнія тѣмъ свѣтомъ, въ какомъ являются люди и события для людей, находящихся съ ними вмѣстѣ, но выводъ, который составленъ путемъ размышенія вдали, и который не смущаютъ неровности перспективы, самый основательный даже съ точки зреянія практики. Переходя по очереди отъ одного положенія къ другому я пользовался преимуществами того и другого. Вдохновительницы моихъ лучшихъ идей не было со мною, но я былъ не одинъ; она оставила мнѣ свою дочь, мою падчерицу *). способности которой, постоянно развиваясь и укрѣпляясь, были посвящены преслѣдованію тѣхъ же возвышенныхъ цѣлей. Конечно, не было человѣка счастливѣе меня, кто бы послѣ такой тяжелой потери вынулъ счастливый жребій въ жизненной лотереѣ Всякій, кто теперь и впослѣдствіи будетъ думать обо мнѣ или о моихъ трудахъ, не долженъ забывать, что они не творчество одного ума или одной совѣсти, а трехъ

Моя работа отъ 1860 до 1861 года состояла главнымъ образомъ въ двухъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ только

*}) Точки означаютъ пропущенные мѣста въ подлиннике.

одно предназначалось къ немедленному изданію: это— „Замѣчанія о представительномъ правлениі“, полное и связное изложеніе моихъ мыслей о наилучшей формѣ демократической конституціи. Рядомъ съ общей теоріей управления я развивалъ зрело обдуманныя идеи касательно главныхъ вопросовъ, возбужденныхъ въ наше время въ сферѣ чисто органическихъ учрежденій и заранѣе поднималъ нѣкоторые другіе вопросы, на которые возрастающія потребности привлекаютъ вниманіе практическихъ дѣятелей. Главнымъ изъ этихъ вопросовъ является различіе между двумя функціями законо-дательной системы: составленіемъ законовъ,—для чего многочисленное народное собраніе положительно неспособно?—починомъ въ дѣлѣ изданія законовъ, что составляетъ его прямую обязанность и не можетъ быть удовлетворительнымъ способомъ выполнено никакою другою властью. Изъ этого вытекаетъ необходимость учрежденія особой законодательной комиссіи, въ качествѣ постоянного элемента свободной конституціи, изъ небольшого числа политическихъ дѣятелей съ высшимъ образованіемъ, на долю которыхъ выпала бы задача составить законъ, послѣ того какъ парламентъ решитъ, что законъ долженъ быть изданъ; парламентъ сохраняетъ за собою власть принять его или отвергнуть, когда онъ будетъ составленъ, но не можетъ измѣнить его иначе, какъ предлагая поправки и снова отсылая ихъ на разсмотрѣніе комиссіи. Поднятый мною вопросъ относительно самой важной изъ общественныхъ функцій, законодательной, представляетъ особый видъ великой проблемы современной политической организаціи, затронутой во всемъ ея объемѣ въ первый разъ Бентамомъ, хотя, по моему мнѣнію, онъ не всегда удов-

летьорителю разрѣшалъ ее, соединяя полный контроль народа надъ общественными дѣлами съ самой совершенной организаціей власти.

Другое сочиненіе, написанное мною въ ту эпоху было напечатано нѣсколько лѣтъ позднѣе (въ 1869 году) подъ заглавиемъ «Подчиненіе женщины». Я написалъ его чтобы сохранить на всякий случай письменное изложеніе моихъ мнѣній по этому важному вопросу, настолько всестороннее и доказательное, какъ только я могъ сдѣлать. Мое намѣреніе было сохранить этотъ трудъ въ числѣ моихъ другихъ неизданныхъ сочиненій, чтобы производить въ немъ время отъ времени улучшенія, на которыхъ я былъ способенъ, и издать его наконецъ, когда мнѣ покажется, что это будетъ удобнѣе Въ томъ видѣ, какъ она напечатана.

въ той ея части, которая составлена мною, все, что есть наиболѣе изумительного и глубокаго принадлежитъ моей женѣ, и я включилъ туда тѣ идеи, которыхъ были выработаны нами сообща въ нашихъ бесѣдахъ и безчисленныхъ разсужденіяхъ по вопросу, занимавшему такое важное мѣсто въ нашихъ мысляхъ.

Немнogo спустя я извлекъ изъ хранилища моихъ еще неизданныхъ литературныхъ трудовъ, написанныхъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ моей женатой жизни, часть рукописей и сдѣлалъ изъ нихъ послѣ нѣкоторыхъ правокъ небольшое сочиненіе, помѣщенное въ первый разъ въ *Fraser's Magazine*, а позднѣе перепечатанное отдельной книжкой подъ названіемъ «Утилитаризмъ».

Между тѣмъ положеніе политическихъ дѣлъ сдѣлалось крайне критическимъ отъ возникновенія междо-

усообщой войны въ Америкѣ. Вся моя душа была затронута въ этой борьбѣ, которой, я это чувствовалъ съ самаго начала, суждено было открыть новую эру для добра и зла въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ. Я уже давно слѣдила съ большимъ интересомъ за возгорѣвшимися борьбами по вопросу о невольничествѣ въ Америкѣ. Я зналъ, что эта борьба по существу была во всѣхъ періодахъ наступательнымъ стремленіемъ рабовладѣльцевъ увеличить территорію невольничества подъ совмѣстнымъ вліяніемъ материальныхъ интересовъ, страсти къ господству и фантастической преданности къ привилегіямъ своей касты, вліяніемъ, которое мой другъ профессоръ Кернсъ такъ всесторонне и убѣдительно описалъ въ своемъ великолѣпномъ произведеніи „Сила рабства“. Успѣхъ рабовладѣльцевъ, если бы они восторжествовали, бытъ бы побѣдою могущественнаго зла, которое ободрило бы враговъ прогресса и охладило бы рвение его друзей во всемъ цивилизованномъ мірѣ; сверхъ того, этотъ успѣхъ создалъ бы страшную военную силу, основанную на самой худшей антисоціальной формѣ тираніи человѣка надъ человѣкомъ, онъ уничтожилъ бы надолго престижъ великой демократической республики и далъ бы всѣмъ привилегированнымъ классамъ Европы ложную увѣренность, которую можно было бы низвергнуть только силою.

Съ другой стороны, если бы духъ Сѣвера былъ достаточно возбужденъ для того, чтобы поддерживать войну до момента торжества и если бы эта побѣда не доссталась слишкомъ рано и слишкомъ дешево, я предвидѣлъ, согласно основнымъ законамъ человѣческой природы и примѣрамъ изъ прежнихъ революцій, что торжество это будетъ полнымъ и решительнымъ, что мас-

са народонаселенія Съвера, которая до сихъ поръ лишь возставала противъ дальнѣйшаго распространенія рабства, но которая изъ приверженности къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ осуждала всякое вмѣшательство федерального правительства относительно невольничества въ дѣла штатовъ, гдѣ оно уже существовало, рѣшить теперь, когда разъ конституція будетъ поколеблена военнымъ возстаніемъ, покончить навсегда съ проклятымъ учрежденіемъ, соединиться заодно съ аболиціонистами, которыхъ мужественнымъ и искреннимъ апостоломъ былъ Гаррисонъ, краснорѣчивымъ ораторомъ Бендель Филипсъ, а добровольнымъ мученикомъ Джонъ Браунъ ¹⁾.

Тогда, наконецъ, общій духъ Соединенныхъ Штатовъ былъ бы освобожденъ отъ своихъ узъ и ускользнуль бы отъ развращающаго вліянія постоянной необходимости оправдывать передъ иностранцами самое рѣзкое нарушеніе свободныхъ принциповъ ихъ конституціи; кромѣ того стремленіе замкнутаго общества къ неподвижности народныхъ мнѣній, по крайней мѣрѣ на время, было бы задержано и доставило бы странѣ полную свободу разбирать то, что есть дурного въ учрежденіяхъ и обычаяхъ народа. Эти надежды, насколько онъ касались вопроса о невольничествѣ, совершенно осуществились; относительно другихъ пунктовъ онъ еще на пути къ осуществленію.

Предвидя съ самаго начала такія послѣдствія отъ успѣха или неуспѣха возстанія, можно представить, съ

¹⁾ Браунъ, этотъ истинный герой, будучи схваченъ, сказалъ, что онъ болѣе всего другого заслуживаетъ висѣлицы; это выраженіе напоминаетъ по разуму, мудрости и самоотверженію слова Томаса Мора.

какимъ чувствомъ я смотрѣлъ на сочувствіе къ Югу, высказанное почти всѣми высшими и средними классами Англіи, даже тѣми, которые выдавали себя за либераловъ. Рабочіе классы и нѣкоторые писатели или ученые составляли единственное исключеніе изъ этого общаго безумія. Я никогда не чувствовалъ болѣе живо, насколько слабо умственное развитіе нашихъ вліятельныхъ классовъ и насколько незначительны тѣ либеральныя мнѣнія, которыя они обыкновенно высказывали. Среди либераловъ континента никто не впалъ въ подобное чудовищное заблужденіе. Но поколѣніе, принудившее плантаторовъ Вестъ-Индіп освободить негровъ, выродилось; появилось другое, не научившееся въ теченіе долгихъ лѣтъ ясно сознавать весь ужасъ рабства. Впрочемъ, обычное невниманіе англичанъ ко всему, что происходитъ въ мірѣ, помимо ихъ острова, повело за собою полное ихъ незнаніе всѣхъ предшествовавшихъ войнъ событий, такъ что годъ или два послѣ начала войны вообще и не думали, чтобы эта вражда имѣла поводомъ рабство. Были люди съ возвышенными принципами и неоспоримо либеральные, которые считали ее споромъ за тарифы или примѣромъ одной изъ войнъ, возбуждающихъ всегда ихъ симпатію, войны народа за свою независимость.

Для меня было долгомъ примкнуть къ слабому меньшинству, протестовавшему противъ этого заблужденія. Я вовсе не первый выступилъ противъ него. Не слѣдуетъ забывать, къ чести Югза и Лудло, что они первые съ самаго начала войны способствовали своимъ статьями основанію протеста. Брайтъ послѣдовалъ ихъ примѣру въ одной изъ самыхъ своихъ увлекательныхъ рѣчей. Я только что присоединилъ свой голосъ

къ тѣмъ, которые высказывали свои мнѣнія въ защиту Сѣвера, когда въ концѣ 1861 года агентъ Соединенныхъ Штатовъ захватилъ англійскій корабль съ посланниками Юга. Англичане склонны къ забывчивости, но и они не могли совершенно игнорировать взрывъ гнѣва, поднявшій Англію. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вообще ожидалась война съ Соединенными Штатами, и съ нашей стороны начинались военные приготовленія. Пока дѣла находилось въ такомъ положеніи, не было слышно ни одного голоса въ защиту американцевъ. Я соглашался съ тѣми, которые считали этотъ поступокъ незаконнымъ и полагали, что Англія должна требовать его осужденія со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Когда осужденіе послѣдовало, и беспокойство разсѣялось, я напечаталъ въ январѣ 1862 года статью подъ заглавіемъ „*Борьба въ Америкѣ*“.

.

. Написанная и напечатанная въ то время она способствовала ободренію либераловъ, которые чувствовали себя подавленными потокомъ анти-либеральныхъ мнѣній, и образованію новаго центра общественного мнѣнія, сначала возроставшаго понемногу, а затѣмъ и быстро, когда торжество Сѣвера, повидимому, становилось вѣроятнымъ. По возвращеніи изъ путешествія я написалъ вторую статью, разборъ книги профессора Керна, напечатанную въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*. Англія съ тѣхъ поръ поплатилась во многихъ отношеніяхъ за глубокое негодованіе, возбужденное въ Соединенныхъ Штатахъ тѣмъ тицеславіемъ, нашихъ правищихъ классовъ съ какимъ они подавали мнѣнія за уничтоженіе американской національности; эти классы должны относиться съ благодар-

ностью къ тому, что небольшое число англичанъ, я хочу сказать, небольшое число писателей и ораторовъ твердо стояли на сторонѣ американцевъ во время ихъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и частью оказали противовѣсь этимъ чувствамъ негодованія и помѣшали Англіи сдѣлаться совершенно ненавистной въ глазахъ американцевъ.

Исполнивъ этотъ долгъ, я въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ занимался трудами, совершенно не касавшимися политическихъ вопросовъ. Издание „Лекцій по юриспруденції“ мистера Остена послѣ его смерти дало мнѣ случай воздать должную дань его памяти и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать вѣсколько мыслей по предмету, къ которому я серьезно относился уже въ прежнюю эпоху моего увлеченія бентамизмомъ. Но главнымъ моимъ трудомъ въ теченіе этихъ лѣтъ былъ „Разборъ философіи сэра Вильяма Гамильтона“. Лекціи его были изданы въ 1860 и 1861 годахъ. Я прочелъ ихъ въ концѣ предшествующаго года и уже почти совсѣмъ составилъ планъ отчета о нихъ для журнала; но скоро я убѣдился, что этотъ трудъ не послужить ни къ чему и что для основательной критики по этому предмету слѣдовало написать, по крайней мѣрѣ, цѣлую книгу. Затѣмъ мнѣ пришло въ голову, слѣдовало ли мнѣ самому брать на себя эту задачу. Послѣ зрелага размыщленія я нашелъ, что были сильные доводы къ такой работе. Я былъ очень разочарованъ этими лекціями, хотя я прочелъ ихъ безъ всякаго предубѣжденія противъ сэра В. Гамильтона. До сихъ поръ я все откладывалъ изученіе его «Замѣчаній о Ридѣ», но прочелъ его «Философскія разсужденія», и хотя я зналъ, что философская система Гамильтона отличалась отъ

признаваемой мною, однако, я чувствовалъ симпатію къ нѣкоторымъ его идеямъ, благодаря его пылкой полемикѣ съ трансценденталистами и той твердости, съ какою отъ поддерживалъ принципъ условности человѣческаго знанія. Я полагаю, что здравая психологія скорѣе выигрывала, чѣмъ теряла, становясь подъ охрану его авторитета и репутаціи. Его „Лекції“ и „Замѣчанія о Ридѣ“ разсѣяли эту иллюзію. Его «Разсужденія» при томъ освѣщенніи, какое ему придавали «Лекції», потеряли много цѣнны въ моихъ глазахъ. Я нашелъ, что сходство, какое, казалось, существовало между его мнѣніями и моими, касалось болѣе словъ, чѣмъ дѣла. Великіе философскіе принципы, которые, я думалъ, признавались имъ, въ его изложеніи теряли всякое значеніе или же не приводили ни къ чему; онъ постоянно упускалъ ихъ изъ вида и въ то же время повсюду въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ проповѣдывалъ доктрины, радикально несоответствующія этимъ принципамъ. Моя оцѣнка измѣнилась потому, что всѣсто того, чтобы считать его мыслителемъ, стоявшимъ въ равномъ разстояніи между двумя враждующими философскими направленіями, признающимъ нѣкоторые принципы обоихъ и приписывающимъ той и другой могучую силу какъ оборонительную, такъ и наступательную, я сталъ смотрѣть на него, благодаря громадному философскому значенію, которымъ онъ пользовался въ Англіи, какъ на главную опору той философской школы, которую я считалъ ложною.

Сверхъ того различіе между двумя философскими школами — школой созерцательной и опытной, не составляетъ болѣе только вопроса отвлеченнаго наблюденія; оно полно практическихъ слѣдствій и лежитъ въ

основаниі всѣхъ противоположныхъ мнѣній о практическихъ вопросахъ, которыми отличается нашъ прогрессивный вѣкъ. Практическій реформаторъ долженъ постоянно требовать измѣненій въ такихъ вещахъ, которые поддерживаются могучими и очень распространенными чувствами; или отрицать кажущуюся необходимость и непреложность существующихъ фактovъ. Поэтому онъ часто принужденъ въ своей аргументации указывать, какимъ образомъ могутъ возродиться эти могущественные чувства и какимъ образомъ можно считать эти явленія необходимыми и непреложными. Слѣдовательно царить естественная вражда между реформаторомъ и философией, не желающей объяснить чувства и нравственные явленія обстоятельствами и ассоціаціей и предпочитающей считать ихъ первичными элементами человѣческой природы.

Что касается меня, я чувствовалъ съ давнихъ поръ, что господствующее стремленіе, въ силу которого мы считаемъ отличительныя черты человѣческаго характера врожденными и вообще неизгладимыми и которое заставляетъ насъ не признавать неоспоримыя доказательства, указывающія на то, что громадное большинство этихъ отличій, въ индивидуумахъ, расахъ и полахъ не только могли бы естественно пропасти изъ обстоятельствъ, но и проис текаютъ изъ нихъ — я чувствовалъ, повторяю я, что это стремленіе является однимъ изъ главныхъ препятствій къ рациональному разрѣшенію великихъ соціальныхъ вопросовъ и самымъ значительнымъ «камнемъ преткновенія» на пути человѣческаго прогресса. Это направление получаетъ свое начало изъ интуитивной метафизики, которая характеризуетъ реакцію XIX столѣтія противъ XVIII, и

оно такъ соотвѣтствуетъ человѣческой безопасноти и консервативнымъ интересамъ вообще, что если не нападать на его основы, то оно можетъ зайти гораздо далѣе, чѣмъ это допускаютъ въ сущности самыя умѣренныя системы этой философіи. Сверхъ того эта философія, да и не всегда еще въ умѣренныхъ формахъ, господствуетъ въ нашъ вѣкъ надъ европейскою мыслю. „Анализъ ума“ моего отца, моя „Логика“ и великий трудъ профессора Бэна являются попытками (болѣе счастливыми, чѣмъ можно было ожидать) ввести лучшую философскую систему. Но я нѣсколько времени тому назадъ понялъ, что было недостаточно ограничиваться однимъ контрастомъ между двумя философіями, а слѣдовало поставить ихъ лицомъ къ лицу, что на ряду съ научными изложеніями доктринъ необходима полемика, что, наконецъ, благопріятное время для подобной борьбы наступило. Я былъ убѣжденъ, что сочиненія и репутація сэра В. Гамильтона были главной опорой интуитивной философіи въ Англіи и опорой еще болѣе страшной благодаря его возвышенному характеру и во многихъ отношеніяхъ громаднымъ личнымъ достоинствамъ и талантамъ. Я полагалъ, что было бы истинною услугой для философіи попытаться сдѣлать основательную критику его основныхъ теорій и разобрать его притязанія на званіе первостепенного философа. Въ этомъ рѣшеніи меня подкрѣпило то, что я видѣлъ, какъ одинъ изъ наиболѣе способныхъ учениковъ сэра В. Гамильтона употреблялъ въ своихъ статьяхъ доктрины своего учителя для оправданія мыслей о религії, которыхъ я считаю глубоко безнравственными.

По мѣрѣ того, какъ мой трудъ подвигался, ущербъ,

наносимый мною репутаціи сэра В. Гамильтона, становился все значительнѣе, чего я не ожидалъ сначала, и что произошло только благодаря безчисленнымъ противорѣчіямъ, бросившимся мнѣ въ глаза, когда я сталъ сравнивать между собою различныя мѣста его сочиненій. Однако, я долженъ былъ выставить всѣ предметы такъ, какъ они есть, и я не отказался отъ этой обязанности. Я приложилъ всѣ свои старанія, чтобы составить критическій обзоръ сочиненій этого философа съ наибольшой вѣрностью. Я зналъ, что у него не было недостатка въ ученикахъ и почитателяхъ, которые бы исправили меня, если бы мнѣ пришлось безъ умысла допустить по отношенію къ нему какую-либо несправедливость. На самомъ дѣлѣ иѣкоторые изъ нихъ отвѣчали болѣе или менѣе искусно. Они указывали на мои пропуски и ошибки, хотя ихъ было немного и большинство ихъ не имѣло значенія. Я исправилъ въ послѣднемъ изданії (третьямъ) промахи, указанные мнѣ, насколько до меня доходили критическіе отзывы, и я возражалъ другимъ критикамъ, насколько мнѣ казалось это необходимымъ. Въ общемъ книга достигла своей цѣли; она привлекла вниманіе на слабыя стороны философіи сэра Вильяма Гамильтона, она заключила въ болѣе узкіе предѣлы громадную репутацію его философіи. Сверхъ того своими разсужденіями, а въ особенности двумя догматическими главами о понятіяхъ матеріи и духа, она можетъ быть бросила немногого болѣе свѣта на иѣкоторые спорные вопросы психологіи и метафизики.

Окончивъ сочиненіе о Гамильтонѣ, я принялъ за другое, которое по многимъ причинамъ казалось мнѣ совершенно особыеннымъ, а именно за резюмированіе и

оцѣнку теорій Огюста Конта. Я способствовалъ болѣе, чѣмъ кто-либо распространенію его теорій въ Англіи: также благодаря отзывамъ о немъ въ моей „Логикѣ“, онъ имѣлъ читателей и поклонниковъ среди мыслителей этой страны въ ту эпоху, когда его имя еще не было известно во Франціи. Его такъ мало знали и цѣнили въ то время, когда я писалъ свою „Логику“, что было бы совершенно бесполезно критиковать слабыя стороны его доктрины; напротивъ, я считалъ своимъ долгомъ указать, насколько было возможно, тѣ важныя услуги, которыя онъ оказалъ философіи. Однако въ то время, на которомъ мы остановились, дѣло было совсѣмъ не такъ. Имя Конта сдѣлалось, наконецъ, известнымъ всему миру; почти повсюду знали, въ чемъ состоять его теоріи. Какъ у друзей, такъ и у противниковъ онъ занималъ подобающее мѣсто. Онъ сталъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ мыслителей современной философіи. Самая разумная часть его философскихъ наблюдений привлекала къ себѣ значительное число мыслителей, по натурѣ способныхъ воспринять ихъ. Подъ покровомъ этихъ хорошихъ теорій также пролагали себѣ путь и другія менѣе хорошия, которыя онъ развилъ и значительно дополнилъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ: они находятъ дѣятельныхъ и восторженныхъ сторонниковъ среди выдающихся людей въ Англіи, Франціи и въ другихъ странахъ.

По этимъ причинамъ не только было желательно, чтобы кто-нибудь взялся за критику теорій Конта, чтобы отдѣлить добро отъ зла, но мнѣ казалось, что я былъ исключительно призванъ къ подобной задачѣ.

Я выполнилъ ее, помѣстивъ два очерка въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи* и перепечаталъ ихъ въ небольшую

брошюрку подъ заглавіемъ „*Оностъ Контъ и Позитивизмъ*“.

Сочиненія, о которыхъ я только что упомянуть, нѣсколько статей, которыхъ я не считалъ заслуживающими быть сохраненными, вотъ и все, что вышло изъ подъ моего пера въ промежутокъ между 1859 и 1865 годами. Въ началѣ послѣдняго года, чтобы удовлетворить желаніе, часто выражаемое мнѣ рабочими, я выпустилъ народное изданіе тѣхъ изъ моихъ сочиненій, которыя, мнѣ казалось, скорѣе всего способны были найти читателей среди рабочаго класса, именно: «*Основанія Политической Экономіи*», «*О свободѣ» и «*Представительное Правленіе*». Я принесъ въ жертву для этого въ значительной степени свои материальные интересы, такъ какъ я отказался отъ всякой надежды извлечь выгоду изъ дешевыхъ изданій. Я узналъ отъ своихъ издателей самую низкую цѣну, при которой они получили бы достаточное вознагражденіе по обычнымъ условіямъ равнаго дѣлежа прибыли между ими и мною, а затѣмъ я отказался отъ своей половины, чтобы еще болѣе дать возможность имъ понизить цѣну. Я долженъ сказать къ чести фирмы Лонгманъ, что она по собственной иниціативѣ опредѣлила известное число лѣть, послѣ чего авторскія права и клише сдѣлаются моимъ собственностью, а также количество экземпляровъ, послѣ продажи которыхъ я буду получать половину дохода. Это количество экземпляровъ, доходившее для «*Политической Экономіи*» до десяти тысячъ уже нѣсколько времени перешло предѣлы, и народныя изданія начали приносить мнѣ доходъ правда незначительный, но неожиданный, хотя очень ничтожный въ сравненіи съ тѣмъ, который мнѣ приносили дорогоя изданія.*

Я подхожу теперь къ эпохѣ, когда мое покойное и уединенное существование автора уступаетъ мѣсто занятіямъ, менѣе подходящимъ къ моимъ вкусамъ, именно занятіямъ члена Палаты Общинъ. Предложеніе, сдѣланное мнѣ нѣсколькими избирателями Вестминстера, сначала не встрѣтило во мнѣ ни малѣйшаго сочувствія. Это было не первое предложеніе такого рода, получаемое мною. Десять лѣтъ тому назадъ вслѣдъ за опубликованіемъ моихъ взглядовъ на земельную собственность въ Ирландіи, мистеръ Лукасъ и мистеръ Дуффи предложили мнѣ отъ имени передовой ирландской партии вступить въ парламентъ въ качествѣ представителя одного ирландского графства. Но несовмѣстимость должности въ парламентѣ съ службой, которую я несъ въ Остъ-Индской компаніи, не допустила осуществиться этой мысли. Когда я оставилъ службу компаніи, нѣкоторые друзья очень желали бы видѣть меня засѣдающимъ въ парламентѣ, но эта мысль казалась мнѣ всегда неосуществимою. Я былъ убѣжденъ, что ни одна многочисленная и влиятельная партія избирательного округа не желала бы имѣть представителемъ человѣка съ моими взглядами, и что всякий человѣкъ, безъ связей, безъ популярности въ какой-либо мѣстности, не желавший сдѣлаться пассивнымъ орудиемъ известной партіи, имѣть мало шансовъ быть избраннымъ иначе, чѣмъ силою денегъ. Сверхъ того мое твердое убѣженіе было и остается до сихъ поръ, что кандидатъ не долженъ тратить ни одного пенни для занятія общественной должности. Законныя избирательныя издержки, не касающіяся отдельно каждого кандидата, должны быть возложены на счетъ или государства, или мѣстнаго округа. Все, что сторонники каждого кандидата дѣлаютъ для выставленія

го правъ въ надлежащемъ свѣтѣ, должно быть дѣломъ безкорыстной дѣятельности или же должно оплачиваться добровольной подпиской. Если случится членамъ избирательного округа или другимъ лицамъ жертвовать собственныя деньги для того, чтобы законными средствами провести въ парламентъ человѣка, который по ихъ мнѣнію принесетъ тамъ пользу, никто не можетъ ничего возразить противъ этого. Но если всѣ расходы, въ общемъ или въ частности, падаютъ на кандидата, то это является существеннымъ зломъ, такъ какъ это сводится собственно говоря къ покупкѣ мѣста въ Палатѣ. Даже при самомъ благопріятномъ предложеніи относительно этихъ расходовъ можно законно подозревать, что тотъ, кто даетъ деньги за полученіе общественной должности, имѣть въ виду другія цѣли, а не общественное благо. Сверхъ того (и это наблюденіе имѣетъ большую важность), обыкновеніе заставлять кандидатовъ брать на себя избирательные расходы лишаетъ націю услугъ тѣхъ, которые, находясь въ парламентѣ, принесли бы пользу, но которые не могутъ или не хотятъ подчиняться этимъ тягостнымъ издержкамъ. Я не говорю, что когда для независимаго кандидата нѣть болѣе шансовъ вступить въ парламентъ, не подчиняясь этому безнравственному обычая, не слѣдуетъ всегда во имя морали осуждать его за денежные расходы, въ томъ случаѣ, если эти деньги употреблены прямо или косвенно на подкупъ избирателей. Но чтобы оправдать такое поведеніе, нужна была истинная увѣренность въ томъ, что кандидатъ можетъ привести своимъ согражданамъ большую пользу въ парламентѣ, чѣмъ какой-либо другой дѣятельностью. Мнѣ казалось, что я не могъ болѣе способствовать развитію реформъ, на ко-

торыя были направлены мои усилія, засѣдая на скамъѣ Палаты Общинъ, чѣмъ своею простою ролью писателя. Поэтому я понималъ, что я не долженъ быть домогаться избранія въ члены парламента, а еще менѣе тратить деньги на это избраніе.

Но вопросъ представлялся совершенно съ другой стороны, когда явилась группа избирателей и предложила мнѣ по собственному побужденію выступить ихъ кандидатомъ. Если бы послѣ обмѣна объясненій они стали настаивать на своемъ желаніи, зная мои убѣжденія и принимая тѣ условия, на которыхъ я могъ бы съ полной совѣстю вступить въ члены Палаты, то не представлялся ли бы мнѣ одинъ изъ тѣхъ призывовъ со стороны своихъ согражданъ, когда никто изъ членовъ общества не имѣеть права отказаться? Я поэтому испыталъ ихъ рѣшимость чистосердечнымъ объясненіемъ, какое когда-либо представлялъ кандидатъ своимъ избирателямъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе я написалъ письмо, предназначеннное для печати. Въ немъ я высказывалъ, что лично я не имѣю никакого желанія вступить въ парламентъ, что, по моему мнѣнію кандидатъ не долженъ ни добиваться избирательныхъ голосовъ, ни дѣлать расходовъ на это и что, я не соглашусь ни на то, ни на другое. Кроме того, я упомянулъ, что если бы я былъ выбранъ, то нельзя разсчитывать, что я посвящу свое время и хлопоты въ ползу мѣстныхъ интересовъ. Что касается общей политики, я прямо объявилъ то, что я думалъ о большинствѣ важнѣйшихъ предметовъ, о которыхъ спрашивали мое мнѣніе, и такъ какъ среди этихъ предметовъ былъ вопросъ объ избирательныхъ правахъ, то я далъ понять между прочимъ свое убѣжденіе (котораго я рѣшился держаться въ своей

дѣятельности въ случаѣ моего избранія), что женщины имѣютъ право посыпать своихъ представителей въ парламентъ наравнѣ съ мужчинами. Безъ сомнѣнія, въ первый разъ эта доктрина была выражена передъ англичанами избирателями. Успѣхъ моей кандидатуры послѣ того, какъ я поддержалъ мысль этой реформы, далъ впослѣдствіи толчокъ движению настолько сильному въ пользу подачи голосовъ женщинами. Ничто въ эту эпоху не казалось болѣе невѣроятнымъ, какъ успѣхъ кандидата, если меня можно было такъ назвать, заявленія и поведеніе котораго бросали вызовъ всѣмъ понятіямъ избирательного обычая. Одинъ очень известный литераторъ сказалъ, что самъ Зевесъ не имѣлъ бы никакихъ шансовъ быть выбраннымъ при подобной программѣ. Я строго придерживался ея; я не тратилъ денегъ и не добивался избирательныхъ голосовъ. Я принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ только за недѣлю до дня выборовъ. Тогда я присутствовалъ на нѣсколькихъ публичныхъ митингахъ, гдѣ я изложилъ свои принципы и отвѣчалъ на тѣ вопросы, которые избиратели имѣли право мнѣ сдѣлать для выясненія моихъ мыслей. Мои отвѣты были такъ же ясны и такъ же чистосердечны, какъ и мое письмо. Относительно одного пункта, насчетъ моихъ религіозныхъ убѣжденій, я заявилъ съ самаго начала, что не буду отвѣчать ни на одинъ вопросъ, и мои слушатели, казалось, одобрили мое рѣшеніе. Искренность, съ какою я отвѣчалъ на другіе предлагаемые мнѣ вопросы, очевидно, послужила мнѣ на пользу. При этомъ особенно характерно одно обстоятельство, такъ что его нельзя обойти молчаниемъ. Въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ «*Мысли о парламентской реформѣ*» я выразилъ довольно рѣзкое мышеніе, что рабочіе классы

Англії, хотя и отличаются отъ рабочихъ классовъ нѣ-
которыхъ другихъ странъ тѣмъ, что стыдятся лгать,
но что они тѣмъ не менѣе въ общемъ пристрастны
ко лжи. Одинъ изъ моихъ противниковъ ухватился за
это выраженіе, напечаталъ его и развѣспилъ объявленія
объ этомъ. Меня заставили придти на одно собраніе,
члены которого исключительно принадлежали къ рабо-
чему классу и спросили меня, дѣйствительно ли я на-
писалъ и напечаталъ подобную фразу. Да, отвѣчалъ я
немедленно. Я не успѣлъ еще сказать, какъ собраніе
разразилось неистовыми рукоплесканіями. Очевидно, что
рабочіе такъ привыкли видѣть, какъ человѣкъ, добиваю-
щійся ихъ голосовъ, прибѣгаеть къ обманамъ и къ
уклончивымъ средствамъ, что, когда они услыхали вместо
этого полное признаніе совершенно непріятнаго для
нихъ мнѣнія, они ничуть не оскорбились, а заключили
изъ этого, что видѣть передъ собою человѣка, на ко-
тораго можно положиться. Я не знаю болѣе порази-
тельнаго примѣра, показывающаго, что въ глазахъ ра-
бочихъ прямота имѣеть большую цѣну. Прямодушіе
производить на умъ народа впечатлѣніе, пересиливаю-
щее всѣ другіе недостатки, тогда какъ его отсутствіе
не можетъ быть вознаграждено никакою совокупностью
другихъ достоинствъ. Первый человѣкъ изъ рабочихъ,
говорившій послѣ этого инцидента, мистеръ Оджеръ,
сказалъ, что рабочіе требуютъ, чтобы ихъ удерживали
отъ ихъ ошибокъ, что они нуждаются въ друзьяхъ, а
не въ льстцахъ, и что они обязаны благодарностью
человѣку, который укажетъ имъ на дурныя стороны,
нуждающіяся по его мнѣнію въ поправкахъ. Собрание
восторженно одобрило эти слова.

Если бы я потерпѣлъ пораженіе, то я все-таки не

имѣль бы никакого повода сожалѣть о случайнѣй, который далъ мнѣ возможность войти въ сношеніе со многими группами моихъ соотечественниковъ; я не только почерпнулъ тамъ новый опытъ, но и воспользовался этимъ обстоятельствомъ для распространенія своихъ политическихъ мнѣній и увеличилъ свою извѣстность даже въ мѣстечкахъ, гдѣ никогда не слыхали моего имени, умноживъ тѣмъ число своихъ читателей и вліяніе, которое, мнѣ казалось, должны имѣть мои сочиненія. Особенно эти преимущества достигли еще болѣшихъ размѣровъ, когда я былъ избранъ большинствомъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ противъ своего соперника консерватора, что меня самаго удивило болѣе, чѣмъ кого либо другого.

Я засѣдалъ въ парламентѣ въ теченіе трехъ сессій, въ которыхъ былъ разработанъ билль о реформѣ и въ этотъ періодъ парламентская дѣятельность была моимъ главнымъ занятіемъ, за исключеніемъ вакаціоннаго времени. Я также часто выступалъ въ качествѣ оратора; иногда я произносилъ подготовленныя рѣчи, но иногда импровизировалъ. Но я не выбиралъ случаевъ, какъ я сдѣлалъ бы, если бы моей главной цѣлью было пріобрѣсти вліяніе въ парламентѣ. Когда я привлекъ къ себѣ вниманіе Палаты, что случилось вслѣдъ за мою успѣшною рѣчью относительно билля о реформѣ Гладстона, я постоянно руководствовался мыслію, что для меня не было никакой необходимости вмѣшиваться въ такія дѣла, которыхъ другіе могли выполнить или также хорошо, или въ достаточной мѣрѣ удовлетворительно. Какъ и прежде, я посвятилъ свои силы такимъ дѣламъ, за которыхъ никто, вѣроятно, не взялся бы; я входилъ въ Палату только съ разборомъ такихъ вопро-

совъ, въ которыхъ большая часть либеральной партіи, даже самая передовая вовсе не была солидарна со мною или казалась къ нимъ совершенно равнодушной. Нѣкоторые изъ моихъ рѣчей, особенно противъ уничтоженія смертной казни и въ защиту права захвата грузовъ воюющихъ сторонъ на нейтральныхъ корабляхъ (право обыска) шли въ разрѣзъ съ идеями, которые считались тогда, да и теперь мнѣніями передовыхъ либераловъ. Мои рѣчи въ защиту избирательныхъ правъ женщинъ и личного представительства считались многими странными выходками. Но широкое распространеніе этихъ мнѣній съ той эпохи, а въ особенности отклики, послѣдовавшій почти изъ всѣхъ частей страны на мой призывъ въ пользу права голосованія женщинъ, доказали своевременность этихъ попытокъ и превратили въ личный успѣхъ то, что было предпринято только съ цѣлью выполнить долгъ по отношенію къ морали и обществу. Другую обязанностью, лежавшею на мнѣ, какъ на одномъ изъ лондонскихъ депутатовъ, была попытка добиться для столицы муниципального управления. Но въ этомъ отношеніи равнодушіе Палаты Общинъ было таково, что я не нашелъ ни помощи, ни поддержки въ ея стѣнахъ. Но по этому вопросу я являлся органомъ дѣятельного и разумнаго кружка виѣ парламента. Этотъ кружокъ распространялъ движеніе и составлялъ проекты закона. Моя роль была— представить ихъ совершенно готовыми въ парламентъ и защищать ихъ въ теченіе того незначительного промежутка времени, какое они могли оставаться на разсмотрѣніи Палаты Общинъ; однако, я принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ ельдѣственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ мистера Айертона, которая употреб-

была большую часть сессии 1866 года на обсуждение этого вопроса. Можно по справедливости приписать то исключительное положение, въ которомъ этотъ вопросъ находится теперь, подготовкѣ его въ тѣ годы, повидимому, не приносившей тогда обильныхъ результатовъ. Но известно, что всѣ вопросы, гдѣ могущественные частные интересы стоять на одной сторонѣ, а общественное благо на другой, переживали подобный періодъ назрѣванія.

Полагая, что я долженъ былъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ парламентѣ для устройства дѣлъ, которыхъ другіе не могли или не хотѣли дѣлать, я считалъ своимъ долгомъ выступать въ защиту передового либерализма въ тѣхъ случаяхъ, когда порицаніе, которое могла вызвать эта защита, заставляло отказываться отъ этого передовыхъ либераловъ Палаты. Первый разъ я подалъ свой голосъ въ Палатѣ въ поддержку реформы въ Ирландіи, предложенаго однимъ ирландскимъ депутатомъ, за которую высказались пять англійскихъ и шотландскихъ депутатовъ, въ томъ числѣ и я; остальные четверо были Горайтъ, Макларенъ, Паптеръ и Гадфильдъ.

Вторая рѣчъ, произнесенная мною *), касалась билля о продолженіи пріостановки въ Ирландіи закона *habeas corpus*. Обличая въ этомъ случаѣ систему, примѣняемую .

*) Первая моя рѣчъ была возраженіемъ въ отвѣтъ мистеру Ло на его нападки противъ Брайта относительно билля о скотскомъ падежѣ. Въ то время думали, что моя рѣчъ помогла уничтожить одну правительстенную мѣру, которая позволила бы землевладѣльцамъ получить второе вознагражденіе за потерю части скота, тогда какъ они уже получили его, увеличивъ цѣну на оставшійся у нихъ.

англичанами въ управлениі Ирландіей, я высказалъ только то, что теперь признаетъ совершенно правильнымъ общественное мнѣніе въ Англіи. Но тогда иена-вишь къ феніямъ достигала своего апогея. Достаточно было нападать на то, на что они нападали, чтобы это считалось ихъ защитою. Я былъ такъ дурно принять Палатою, что нѣкоторые друзья совѣтовали мнѣ, да и мое внутреннее убѣженіе согласовалось съ этимъ, не произносить болѣе рѣчей до благопріятнаго случая, кото-рый и доставилъ мнѣ первый большой дебатъ по поводу билля о реформѣ. Въ теченіе этого мол-чанія многіе изъ членовъ парламента полагали, что я, потерпѣвъ неудачу, не буду ихъ болѣе тревожить. Можетъ быть ихъ недоброжелательные комментаріи въ силу реакціи способствовали успѣху моей рѣчи о ре-формѣ. Положеніе мое въ парламентѣ еще улучшилось затѣмъ благодаря двумъ обстоятельствамъ: первымъ была рѣчь, въ которой я настаивалъ на необходимости уплатить национальный долгъ, прежде чѣмъ совершенно изсякнутъ залежи каменнаго угля въ странѣ, вторымъ—ироническое возраженіе нѣкоторымъ представителямъ торіевъ, которые привели противъ меня прямо мѣста изъ моихъ сочиненій и требовали отъ меня объясненій нѣкоторыхъ другихъ фразъ, особенно одного выраженія въ моихъ «Соображеніяхъ о представительномъ правле-ніи», гдѣ я говорилъ, что консервативная партія по самому своему составу была глупѣйшей партіей. Все, что они выиграли, привлекая вниманіе на это выраже-ніе, до тѣхъ поръ никѣмъ не замѣченное, это остав-шееся надолго за ними насмѣшилivoе прозвище «глу-пой партіи». Я не опасался болѣе, что меня не ста-нутъ слушать, но я ограничивался и даже «слишкомъ,

какъ я находилъ впослѣдствіи, произнесеніемъ рѣчей только въ тѣхъ случаяхъ, когда мои услуги были необходимы, и я немного болѣе, чѣмъ слѣдовало удерживался отъ обсужденія великихъ вопросовъ, раздѣлявшихъ партіи, за исключеніемъ вопросовъ касающихся Ирландіи и тѣхъ, которые затрагивали интересы рабочихъ классовъ. Только одною рѣчью по поводу билля о реформѣ Дизраэли ограничивалось все участіе, которое я принималъ въ большихъ и рѣшительныхъ дебатахъ послѣдней изъ трехъ сессій, проведенныхъ мною въ Палатѣ.

Однако, я съ чувствомъ удовлетворенія вспоминаю о своемъ участіи въ обсужденіе двухъ вышеупомянутыхъ вопросовъ. Относительно рабочихъ классовъ главною цѣлью моей рѣчи по поводу билля о реформѣ Гладстона было подкрѣпить право подачи голосовъ рабочими. Немного позднѣе послѣ отставки министерства лорда Росселя и образованія торійскаго кабинета, рабочіе хотѣли собрать митингъ въ Гайдъ-Паркѣ; полиція закрыла его, и толпа разрушила рѣшетку парка. Хотя мистеръ Бильсъ и вліятельные представители рабочихъ классовъ удалились, протестуя противъ этого поступка, однако, произошла свалка, гдѣ нѣкоторые были избиты полиціей. Ожесточеніе рабочихъ достигло крайнихъ предѣловъ. Они рѣшили сдѣлать другую попытку собраться въ паркѣ, и многіе, безъ сомнѣнія, явились бы съ оружиемъ. Правительство сдѣлало военный приготовленія, чтобы воспрепятствовать этому; слѣдовало ожидать тяжелыхъ событій. Въ критический моментъ мнѣ, полагаю, удалось отклонить громадныя бѣдствія. Я принялъ въ парламентѣ сторону рабочихъ и рѣзко порицалъ поведеніе правительства. Я былъ приглашенъ съ пѣкото-рыми другими членами комитета Реформы. Главнымъ

образомъ на меня пала обязанность убѣдить рабочихъ отказаться отъ проекта митинга въ Гайдъ-Паркѣ и созвать его въ другой мѣстности. Мистера Бильса и полковника Диксона вовсе не было нужно убѣждать, напротивъ, было очевидно, что они уже прилагали всѣ силы для этой цѣли, но до сихъ поръ безуспѣшно. Рабочіе держались своего плана такъ рѣшительно, что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Я сказалъ имъ, что этотъ поступокъ, который непремѣнно повлечетъ за собою столкновеніе съ военной силой, могъ оправдаться только при двухъ условіяхъ: еслибы положеніе дѣль было таково, что желательна была бы революція и если бы они считали себя достаточно сильными, чтобы одержать побѣду. Кончилось тѣмъ, что послѣ долгаго обсужденія рабочіе уступили передъ этимъ аргументомъ, и я могъ увѣдомить мистера Вальполя, что они отказались отъ своего намѣренія. Я не забуду никогда, какъ онъ обрадовался и какъ горячо выражалъ мнѣ свою благодарность. Послѣ такой большой уступки со стороны рабочихъ я чувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить ихъ просьбѣ и присутствовать на митингѣ въ „Agricultura - Hall“ и говорить тамъ. Это былъ единственный митингъ, созданный лигою Реформы, на которомъ я присутствовалъ. Я всегда отказывался принять участіе въ лигѣ по той причинѣ, что я не соглашался съ ея программой относительно всеобщаго права голосованія или тайной подачи голосовъ. По отношенію къ тайной подачѣ голосовъ я былъ совершенно противоположнаго мнѣнія, а относительно первого я не могъ согласиться на него даже и въ томъ случаѣ, когда меня увѣрили, что подъ этимъ не подразумѣвалось исключеніе женщинъ.

Если я вошелъ въ особенные подробности, то только потому, что мое поведеніе причинило большія неудовольствія торійской и торійско-либеральной прессѣ, которая съ тѣхъ поръ не переставала обвинять меня въ томъ, что въ общественной жизни я выказалъ себя неумѣреннымъ и слишкомъ пылкимъ. Я не знаю, чего она ожидала отъ меня, но ей слѣдовало бы быть призательной по отношенію ко мнѣ, если она знала, отъ чего по всей вѣроятности я спасъ общество. На самомъ дѣлѣ, я не думаю, чтобы кто другой могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ я въ этомъ случаѣ. Никто другой не имѣлъ въ то время вліянія, необходимаго, чтобы удержать рабочихъ, за исключеніемъ Гладстона и Брайта; а ни тотъ, ни другой не могли употребить своего вліянія: Гладстонъ — по многимъ причинамъ, Брайтъ — вслѣдствіе своего отсутствія изъ Лондона.

Нѣсколько времени спустя, когда торійское министерство внесло билль о запрещеніи публичныхъ митинговъ въ паркахъ, я не только рѣзко говорилъ противъ него, но и такъ какъ мы дѣйствовали въ концѣ сессіи, я успѣлъ съ нѣкоторыми передовыми либералами помѣшать принятію билля, оттягивая со дня на день его обсужденіе. Такимъ образомъ онъ больше не возобновлялся. Я не чувствовалъ себя обязаннымъ играть рѣшительную роль въ дѣлахъ Ирландіи. Я былъ однимъ изъ первыхъ въ числѣ депутатовъ парламента, которые убѣдили лорда Дерби помиловать возставшаго фенія, генерала Бёрка. Церковный вопросъ былъ такъ энергично проведенъ предводителями либеральной партии въ сессію 1868 года, что мнѣ не было пужды встуپать въ это дѣло. Но было необходимо выдвинуть такимъ же образомъ вопросъ о земельной собствен-

ности. Стремленія значительныхъ собственниковъ до сихъ поръ еще не встрѣчали противодѣйствія, особенно въ парламентѣ и доказательствомъ отсталости этого вопроса являются крайне умѣренныя мѣры, предложенные въ 1866 году министерствомъ лорда Росселя, которыя, однако, не были приняты. По поводу этого билля я произнесъ одну изъ моихъ наиболѣе обдуманныхъ рѣчей, въ которой я пытался установить основы вопроса съ цѣлью не столько подстrekнуть друзей, сколько побѣдить противниковъ и заставить ихъ согласиться со мною. Вопросъ о парламентской реформѣ, отвлекшій вниманіе всѣхъ, помѣшалъ принятію этого билля, такъ же какъ и другого билля въ томъ же родѣ, предложенного позднѣе министерствомъ лорда Дерби. Эти билли не перешли второго чтенія. Между тѣмъ признаки неудовольствія въ Ирландіи все болѣе и болѣе возрастали, требованіе полнаго отдѣленія Ирландіи отъ Великобританіи принимало угрожающій характеръ, и было немногого людей, не чувствовавшихъ, что если и была какая-либо возможность примирить Ирландію съ британскимъ союзомъ, то она заключалась только въ принятіи гораздо болѣе радикальныхъ мѣръ въ поземельныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ страны, чѣмъ какія были до сихъ поръ сдѣланы. Мнѣ казалось, что пришло время, когда было бы полезно сказать все, что я думалъ по этому вопросу; и я написалъ брошюру «*Англія и Ирландія*», которую я составилъ зимою 1867 года, а напечаталъ немногого ранѣе открытія сессіи 1868 г. Главные пункты этой брошюры заключались съ одной стороны въ разсужденіи, имѣющимъ цѣлью доказать, что разрывъ не былъ желательнымъ ни для Англіи, ни для Ирландіи, а съ другой стороны въ предложеніи рѣшить вопросъ о зе-

мельной собственности укреплениемъ за нынѣшними фермерами права на постоянную аренду съ платежомъ долгосрочной ренты.

Моя брошюра имѣла успѣхъ только въ Ирландіи; но я и не ожидалъ его. Разъ не было мѣры болѣе радикальной, которая могла бы оказать полную справедливость Ирландіи или примирить съ Англіей ирландскій народъ, я считалъ своей необходимой обязанностью высказать свое убѣжденіе. Впрочемъ, если бы существовалъ менѣе радикальный способъ, заслуживающій применения, но я хорошо зналъ, что, предлагая мѣру казавшуюся крайнею, я указывалъ пестинное средство не затруднить, а облегчить болѣе умѣренную попытку. Конечно, мало вѣроятно, чтобы мѣра, дававшая столько арендаторамъ Ирландіи, какъ билль Гладстона, была предложена правительствомъ или принята парламентомъ, еслибы, англійское общество не видѣло, что гораздо болѣе энергичное средство могло встрѣтить благопріятныя обстоятельства, а можетъ быть и партію, вполнѣ готовую воспользоваться имъ. Въ характерѣ англійского народа или по крайней мѣрѣ высшихъ и среднихъ классовъ, представляющихъ этотъ народъ, есть особенность, въ силу котораго, для того, чтобы побудить его къ одобрѣнію какой-либо перемѣны, необходимо выставить ее умѣренной мѣрой. Всякій проектъ кажется англичанамъ крайнимъ и насильственнымъ, пока они не услышатъ обсужденіе другого проекта, идущаго еще далѣе, на который они могутъ перенести свою антипатію къ крайнимъ мѣрамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ, мое предложеніе было отвергнуто, но всякий проектъ реформы земельной собственности въ Ирландіи, не заходящій такъ далеко, какъ мой, сталъ

считаться сравнительно умъреннымъ. Я долженъ замѣтить, что нападки, которымъ подвергался мой проектъ, давали ему только очень неточное толкованіе. Обыкновенно противъ него говорили, будто бы я предлагалъ государству скупить всю землю и сдѣлаться всеобщимъ собственникомъ. На самомъ дѣлѣ государство должно было только предложить каждому собственнику на его добровольное усмотрѣніе любое изъ двухъ, или продать свое владѣніе или сохранять его за собою, подчиняясь новымъ условіямъ. Я ясно предвидѣлъ, что большинство значительныхъ землевладѣльцевъ предпочтутъ скорѣе оставаться собственниками земли, чѣмъ жить доходами отъ казны и сохранять отношеніе съ своими арендаторами, часто на болѣе снисходительныхъ условіяхъ, чѣмъ полная рента, на которой были основаны вознагражденія, даваемыя государствомъ. Я представилъ эти объясненія вмѣстѣ со многими другими въ рѣчи относительно Ирландіи въ теченіе дебатовъ по поводу предложенія Могваїера въ началѣ сессіи 1868 года. Исправленный отчетъ этой рѣчи вмѣстѣ съ рѣчью по поводу билля Фортестью былъ напечатанъ въ Ирландіи не мною, но съ моего разрѣшенія.

Мнѣ же пришлось выполнить болѣе серьезную обязанность какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его. На Ямайкѣ произошли беспорядки, вызванные сначала несправедливостью, а затѣмъ благодаря ярости и паникѣ оно было выставлено преднамѣреннымъ бунтомъ. Этимъ мотивомъ или оправданіемъ воспользовались, чтобы погубить сотни невинныхъ людей, пуская въ ходъ военную силу или вынося смертные приговоры посредствомъ такъ называемыхъ военныхъ судовъ; казни продолжались еще не сколько недѣль послѣ того, какъ времен-

ные беспорядки были подавлены. Были совершены и другія жестокости, разрушались владѣнія, женщины истязали наравнѣ съ мужчинами и вообще происходили всевозможные ужасы, свойственные тому времени, когда «спущены съ цѣпи» солдаты. Преступные виновники этихъ звѣрствъ находили себѣ въ Англіи защиту и одобреніе въ лицѣ тѣхъ людей, которые такъ долго поддерживали невольничество. Нѣкоторое время можно было думать, что англійская нація будетъ имѣть несчастіе пропустить безъ всячаго протеста злоупотребленія властью настолько же возмутительныя, какъ и тѣ, къ которымъ англичане относятся съ такимъ негодованіемъ и для которыхъ они не находятъ достаточно сильныхъ выражений, когда они совершаются агентами иностранныхъ правительствъ. Однако послѣ небольшого промежутка времени чувство негодованія пробудилось. Образовалось добровольное общество подъ названіемъ «Ямайскій Комитетъ», чтобы изслѣдовать дѣло и прійти къ заключенію. Со всѣхъ концовъ страны предлагали услуги комитету. Я былъ въ это время за границею, но какъ только я узналъ объ образованіи этого комитета, то записался въ число его членовъ и по возвращеніи въ Англію принялъ дѣятельное участіе въ его дѣйствіяхъ. Дѣло было гораздо серьезнѣе, чѣмъ оказаніе справедливости неграмъ, что само по себѣ было крайне важно. Слѣдовало узнать, находятся ли англійскія колоніи, а можетъ быть при случаѣ и Великобританія подъ покровительствомъ законовъ или военнаго произвола, находятся ли жизнь и личность англичанина во власти двухъ или трехъ неопытныхъ, невѣжественныхъ, беспечныхъ или жестокихъ офицеровъ, которыхъ смущенный возстаніемъ губернаторъ изберетъ членами военнаго суда.

Этотъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ только судебнъмъ порядкомъ. Комитетъ постановилъ возбудить судебнное преслѣдованіе. Это рѣшеніе повело къ измѣненію въ составѣ комитета. Предсѣдатель Чарльзъ Бѣкстонъ, находя вполнѣ справедливымъ возбужденное нами преслѣдованіе противъ губернатора Айера и его главныхъ сподвижниковъ, участвующихъ въ военномъ судѣ и присутствовавшихъ при произнесеніи смертныхъ приговоровъ, находилъ его въ то же время несвоевременнымъ. Когда общее собраніе, въ которомъ участвовало громадное число членовъ, рѣшило вопросъ противно его мнѣнію, Бѣкстонъ вышелъ изъ состава комитета, не покидая, однако, самаго дѣла, и я совершенно неожиданно былъ предложенъ и выбранъ предсѣдателемъ. Слѣдовательно моимъ долгомъ было являться представителемъ комитета въ Палатѣ Общинъ, именно дѣлать вопросы правительству и отвѣчать на болѣе или менѣе вызывающіе вопросы, предлагаемые мнѣ членами парламента, но особенно я выступилъ какъ ораторъ въ важныхъ дебатахъ, возбужденныхъ Бѣкстономъ въ сессію 1866 года Рѣчъ, произнесенная мною по этому случаю, по моему мнѣнію, самая совершенная изъ всѣхъ, которыя я когда-либо говорилъ въ парламентѣ *). Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ мы вели борьбу, опираясь на всѣ законныя средства, открытая замѣть, не забывая и уголовнаго суда. Судъ изъ торійскихъ графствъ отказалъ намъ въ разсмотрѣніи этого

*) Среди самыхъ дѣятельныхъ членовъ Комитета находились П. А. Тэлоръ, членъ парламента, членъ всегда вѣрный и энергично отстаивавшій принципы свободы. Гольдвінъ Смитъ, Фредерикъ Гаррисонъ, Слэкъ, Шамеровцовъ, Шенъ и Чессонъ, почетный секретарь общества.

дѣла. Болѣе посчастливилось намъ у магистратовъ Бострита; это доставило случай верховному судѣ сэру Александру Кокборну произнести его знаменитую рѣчь, разрѣшившую вопросъ въ пользу свободы, т. е. насколько это зависѣло отъ приговора суда. На этомъ закончился нашъ успѣхъ, такъ какъ верховный судъ присяжныхъ Old Bailey, отклоняя нашу просьбу, воспрепятствовалъ дальнѣйшему ходу дѣла. Было очевидно, что средніе классы Англіи смотрѣли неодобрительно на привлеченіе на скамью подсудимыхъ передъ уголовнымъ судомъ англійскихъ чиновниковъ за преувеличеніе власти по отношенію къ неграмъ и мулатамъ. Однако мы, насколько это было въ нашей власти, возстановили честь нашей стороны, показавъ, что всегда существовали люди, рѣшавшіеся употреблять всѣ законныя средства для достижения правосудія въ пользу пострадавшихъ. Мы добились отъ высшаго уголовнаго суда торжественнаго признанія, что законъ былъ такимъ, какъ мы его толковали, и мы дали серьезное предостереженіе тѣмъ, которые вздумали бы совершить впослѣдствіи подобное преступленіе. Они теперь знаютъ, что если они и избавятся отъ осужденія уголовнымъ судомъ, то они не могутъ избѣжать заботъ и издержекъ, которыя для этого необходимы. Губернаторы колоній и агенты правительства имѣютъ серьезныя причины не впадать на будущее время въ подобныя крайности.

Я храню изъ любопытства нѣсколько образцовъ оскорбительныхъ писемъ, болѣею частію анонимныхъ, которыя я получалъ во время дѣйствій нашего комитета. Это—доказательства симпатіи грубой части страны къ звѣрствамъ, совершеннымъ въ Ямайкѣ. Содерж-

жаніе ихъ было чрезвычайно разнообразно, начиная отъ грубыхъ шутокъ и каррикатуръ и кончая угрозами смерти.

Среди остальныхъ важныхъ вопросовъ, въ которыхъ я принималъ дѣятельное участіе, но которые мало интересовали общество, два особенно заслуживаютъ вниманія. Въ концѣ сессіи 1866 г. я въ сообществѣ съ нѣсколькими независимыми либералами способствовалъ отклоненію билля о выдачѣ преступниковъ. Этотъ билль не подтверждалъ открыто выдачи виновныхъ въ политическихъ дѣлахъ, но онъ допускалъ выдавать политическихъ эмигрантовъ, если они были обвинены иностраннымъ правительствомъ въ дѣяніяхъ, составляющихъ непрѣбѣжныя явленія всякой попытки къ возмущенію, чтобы ихъ судило правительство, противъ котораго они возставали. Неудача этого билля повела къ назначенію комиссіи, въ которой я принималъ участіе, чтобы изслѣдовать въ совокупности вопросъ о выдачѣ и сдѣлать обѣ этомъ докладъ. Наши труды закончились изданіемъ закона, который былъ принятъ парламентомъ въ то время, когда я уже вышелъ изъ него; по этому закону каждый эмигрантъ, выдача котораго требовалась, имѣть право представить передъ англійскимъ судомъ и доказать, что преступление, возводимое на него, было чисто политического характера. Другой вопросъ заключался въ томъ, что нѣкоторые передовые либералы вели борьбу въ теченіе сессіи 1868 года относительно билля о подкупѣ во время выборовъ, внесенного министерствомъ Дизраэли. Я принималъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ. Я руководствовался мѣніями нѣкоторыхъ людей, изучившихъ чрезвычайно заботливо детали это-

го вопроса, Д. В. Кристи, судейского пристава Пуллинга и Чадвика. Я самъ много размышлялъ объ этомъ и хотѣлъ предложить поправки и дополнительныя статьи, чтобы сдѣлать билль болѣе дѣйствительнымъ противъ различныхъ видовъ прямого или косвенного подкупа, которыя могли (были основательныя причины опасаться этого) увеличиться, а не уменьшиться, послѣ примѣненія закона о реформѣ. Мы также хотѣли ввести въ билль мѣры для уменьшенія тягостнаго бремени такъ называемыхъ законныхъ издержекъ по выборамъ. Среди многочисленныхъ улучшеній была поправка Фосета, чтобы возмѣщать расходы «returning officer» изъ средствъ округа, а не кандидатовъ. Другая поправка предлагала уничтожить избирательныхъ агентовъ, получавшихъ плату отъ кандидатовъ или ограничить число ихъ однимъ на каждого кандидата. Третья требовала новыхъ предосторожностей и карательныхъ мѣръ противъ подкуповъ на муниципальныхъ выборахъ, которые въ глазахъ всѣхъ являются не только подготовительной школой для подкуповъ на парламентскихъ выборахъ, но и служатъ имъ прикрытиемъ. Однако консервативное министерство, проведя главныя статьи своего билля, въ пользу котораго я говорилъ и подавалъ голосъ, о переходѣ юрисдикціи по выборамъ изъ вѣдѣнія парламента къ суду, воспротивилась всякому другому улучшенію, и когда одна изъ самыхъ важныхъ статей поправки Фосета была одобрена большинствомъ онъ употребилъ всѣ старанія отклонить ее при слѣдующемъ обсужденіи. Либеральная партія въ Палатѣ Общинъ покрыла себя позоромъ, благодаря поведенію большинства ея членовъ, которые ничуть не поддержали наши усилия овладѣть необходимыми условіями

искренняго представительства народа. При значительномъ большинствѣ голосовъ въ парламентѣ, которымъ они располагали, они имѣли бы возможность провести всѣ наши поправки или свои лучшія, если бы у нихъ такія написались. Но мы приближались къ концу сессіи; члены парламента были горячо заняты приготовленіемъ къ приближающимся общимъ выборамъ. Нѣкоторые, напримѣръ, сэръ Робертъ Анструтеръ благородно оставались на своемъ посту, хотя ихъ соперники уже агитировали среди избирателей ихъ округовъ, но я гораздо больше знаю членовъ, которые ставили свои избирательные интересы выше своего общественного долга. Многіе либералы относились индифферентно къ законодательству о подкупѣ при выборахъ; они видѣли въ немъ только предложеніе, отвлекающее общественное вниманіе отъ тайной подачи голосовъ, которую, по ложному заключенію, я полагаю, они считали единственнымъ достаточнымъ и примѣнимымъ средствомъ. По этимъ причинамъ наша борьба, хотя и поддерживалась съ большимъ воодушевленіемъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей, не имѣла никакого успѣха и дурные обычаи, которые мы старались, насколько возможно, вывести, господствовали болѣе, чѣмъ когда-либо, во время общихъ выборовъ, происходившихъ подъ покровомъ новаго закона.

Участіе, которое я принималъ въ общемъ обсужденіи билля Дизраэли о реформѣ, ограничилось произнесеніемъ вышеупомянутой рѣчи; но я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить формально парламенту и паче двѣ болѣй реформы, которая оставалась еще сдѣлать въ системѣ представительного управления. Одна изъ нихъ—личное или, какъ справедливо

называютъ, пропорциональное представительство. Я развилъ эту реформу передъ Палатой въ рѣчи, въ которой я излагалъ и защищалъ систему Гера; впослѣдствіи я дѣятельно поддерживалъ несовершенную мѣру, принятую вмѣсто этого парламентомъ для небольшого числа округовъ. Это жалкое средство ничѣмъ не зарекомендовало себя кромѣ того, что оно было признаніемъ зла, искорененію котораго оно способствовало въ такой незначительной степени. Однако, на него нападали въ силу старыхъ предразсудковъ и его надо было защищать во имя хорошихъ принциповъ, указывая на него какъ на дѣйствительно хорошую мѣру. Примѣненіе этой мѣры къ немногимъ парламентскимъ выборамъ, такъ же, какъ введеніе дополнительного голосованія при выборахъ членовъ совѣта лондонскихъ начальныхъ школъ имѣли благодѣтельные результаты. Вопросъ о равныхъ правахъ каждого избирателя въ пропорциональной мѣрѣ былъ перенесенъ изъ сферы теоретического разсужденія въ область практической политики ранѣе, чѣмъ онъ могъ осуществиться безъ этой попытки. Защита моихъ мнѣній о личномъ представительствѣ не привела ни къ какому значительному, повидимому, практическому результату.

Совсѣмъ иное было съ другимъ предложеніемъ, которое я сдѣлалъ въ видѣ поправки къ биллю о реформѣ и которое было наиболѣе важной услугой, оказанной мною обществу, въ качествѣ члена парламента; я требовалъ, чтобы были вычеркнуты слова, которыя можно было истолковать, какъ ограничивающія избирательную свободу однимъ мужскимъ поломъ, и не допускающія до голосованія женщинъ, которая въ качествѣ домовладѣльцевъ и проч. удовлетворили необхо-

димымъ условіямъ избрательного ценза. Не требовать права голосованія женщинъ въ тотъ моментъ, когда наиболѣе широко распространилась избирательная свобода, было бы равносильнымъ совершенно отказаться отъ него. Движеніе по этому вопросу началось въ 1866 году, когда мною была представлена петиція, подписанная громаднымъ числомъ выдающихся женщинъ. Но было неизвѣстно, получить ли это предложеніе въ парламентѣ болѣе нѣсколькихъ случайныхъ голосовъ; и когда послѣ дебата, въ которомъ защитники противнаго мнѣнія выказали необыкновенную слабость, число голосовъ въ пользу моего предложенія возросло до 70, и даже до 80, удивленіе было общее, и это чрезвычайно подвинуло дѣло, тѣмъ болѣе, что Брайтъ находился въ числѣ подавшихъ голосовъ за это, что можно приписать только вліянію преній, такъ какъ онъ не скрывалъ раньше своего несогласія съ моими воззрѣніями. Я упомянулъ, полагаю, обо всемъ, что заслуживало описаній изъ моей дѣятельности въ парламентѣ: все это, какъ бы полно ни было, можетъ дать только неясное представленіе о моихъ занятіяхъ въ теченіе этого периода и особенно о томъ времени, которое отнимала у меня корреспонденція. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до моего избранія въ парламентѣ, я безпрестанно получалъ разныя письма, большую частію относительно философскихъ вопросовъ; мнѣ предлагали идеи или сообщали мысли по вопросамъ, касавшимся логики и политической экономіи. Подобно всѣмъ пользующимся извѣстностью въ области политической экономіи, я былъ засыпанъ поверхностными теоріями и нелѣпыми предложеніями, такъ какъ всегда находятся люди, старающіеся открыть сред-

ства дать всѣмъ благосостояніе и счастье посредствомъ какой-либо искусной реорганизаціи денежнаго обращенія. Когда авторы писемъ давали мнѣ удостовѣриться въ своемъ достаточномъ пониманіи для того, чтобы стоило попробовать направить ихъ на путь истинный, я старался указывать имъ ошибки. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока возрастающее количество моей корреспонденціи не принудило меня отдѣльваться отъ нея краткими отвѣтами. Однако, болѣшшая часть сообщеній, адресованныхъ ко мнѣ, заслуживала большаго вниманія, нѣкоторыя изъ нихъ указывали мнѣ на детальныя ошибки въ моихъ сочиненіяхъ и заставляли меня исправлять ихъ. Такого рода корреспонденція естественно увеличивалась по мѣрѣ того, какъ умножалось число темъ, по которымъ я писалъ, особенно относительно метафизики. Но когда я вступилъ въ парламентъ, я началъ получать письма по разнымъ частнымъ дѣламъ и по всевозможнымъ предметамъ, касающимся общественныхъ вопросовъ всякаго рода, хотя ничто не связывало ихъ съ моими знаніями или занятіями. И не мои вестминстерскіе избиратели взвалили на меня подобное бремя; они съ замѣчательною вѣрностью соблюдали тѣ условія, на которыхъ я согласился быть ихъ представителемъ. Я получалъ также время отъ времени просьбы отъ какого-нибудь простодушнаго молодого человѣка доставить небольшое казенное мѣстечко; по, во-первыхъ, такія письма бывали рѣдко, а во-вторыхъ, насколько наивны и певѣжественны писавшие ихъ доказываютъ то, что просьбы одинаково шли ко мнѣ, къ какой бы партіи ни принадлежало министерство въ данную минуту. Я неизмѣнно отвѣчалъ, что было бы противно прин-

ципамъ, на основаніи которыхъ я избранъ, просить милости у какого-либо правительства. Но въ общемъ менѣе всѣхъ другихъ частей страны приносилъ мнѣ хлопотъ округъ, избравшій меня. Однако, масса переписки понемногу росла и становилась тягостнымъ бременемъ

Пока я оставался членомъ парламента, я быль принуждень посвящать своимъ личнымъ занятіямъ только вакаціонное время. Въ теченіе этого періода я написалъ, кромѣ уже упомянутой брошюры объ Ирландіи, свою статью о Платонѣ, напечатанную въ Эдинбургскомъ *Обозрѣніи* и перепечатанную въ третьемъ томѣ моихъ «Разсужденій», наконецъ рѣчъ, согласно обычаю, произнесенную мною въ университетѣ Св. Андрея, который почтилъ меня избраніемъ въ ректоры. Въ этой рѣчи я высказалъ много идеї и мнѣній, накопившихся въ моемъ умѣ, относительно различныхъ наукъ, составляющихъ либеральное образованіе, относительно ихъ пользы и вліянія, и о способахъ придать ихъ вліянію самый благотворный характеръ. Я подтверждалъ громадную важность съ воспитательной точки зренія древнихъ классическихъ наукъ и новыхъ научныхъ знаній болѣе сильными доводами, чѣмъ какими пользуется большинство ихъ защитниковъ. Съ одной стороны я доказывалъ, что въ такой странѣ, какъ Англія, распространеніе университетскаго образованія имѣеть важное значеніе. Эта рѣчъ способствовала преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній въ Англіи и распростра-нила наиболѣе справедливыя идеи, чѣмъ тѣ, какія мы встрѣчаемъ даже у людей съ высшимъ образованіемъ относительно условій высшаго умственнаго развитія.

Въ ту же эпоху я началъ работу, оконченную вскорѣ послѣ моего выхода изъ парламента; этимъ я исполнилъ свой долгъ по отношенію къ философіи, а также и къ памяти моего отца. Я обработалъ и напечаталъ его книгу «*Анализъ человѣческаго ума*»; къ ней я присоединилъ свои замѣчанія, касавшіяся теоріи этого замѣчательнаго труда включительно до самыхъ недавнихъ открытій въ области философіи; это изданіе было дѣломъ нѣсколькихъ лицъ. Психологическая часть была обработана почти въ одинаковой мѣрѣ мною и Бэномъ; Гrottъ доставилъ драгоценныя замѣтки въ вопросахъ по исторіи философіи, иногда возбуждаемыхъ сочиненiemъ; наконецъ Андрю Финдэтеръ пополнилъ пробѣлы, происходившіе отъ несовершенства филологическихъ знаній въ эпоху составленія этой книги. «*Анализъ*» вышелъ въ свѣтъ въ то время, когда метафизическое теченіе уклонилось въ сторону, противоположную психологіи опыта и ассоціації; также онъ не имѣлъ того успѣха, какого заслуживалъ, хотя и не преминулъ произвести глубокое впечатлѣніе на большинство умовъ; онъ въ значительной степени содѣйствовалъ образованію атмосферы, благопріятной для психологіи ассоціацій, какой мы пользуемся нынѣ. Удивительно приспособленная служить руководствомъ къ экспериментальной метафизикѣ, эта книга нуждалась только въ дополненіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ поправкахъ съ помощью выводовъ наиболѣе позднихъ трудовъ той же философской школы для того, чтобы занимать, какъ это мы видѣли теперь, первое мѣсто въ главѣ систематическихъ сочиненій по аналитической философіи.

Осенью 1868 года парламентъ, вотировавшій законъ о реформѣ, былъ распущенъ и при слѣдующихъ выбо-

рахъ въ Вестминстерскомъ округѣ я потерпѣлъ пораженіе. Я не былъ этимъ удивленъ и мои главные сторонники также, хотя за нѣсколько дней до выборовъ они гораздо болѣе, чѣмъ прежде, надѣялись на благопріятный исходъ. Моя неудача не требуетъ поясненія; возбуждаетъ любопытство только то, какъ я могъ быть выбранъ въ первый разъ или какъ, однажды выбранный, я потерпѣлъ пораженіе въ слѣдующую сессію. Надо сказать, что усилія, принятые для моего пораженія, были гораздо сильнѣе въ этотъ разъ, чѣмъ въ первый. Прежде всего торійское министерство отставало свое существованіе, и успѣхъ всюду, гдѣ происходила борьба, былъ для него дѣломъ громадной важности. Затѣмъ всѣ, обладавшіе аристократическими чувствами, были вооружены противъ меня лично гораздо сильнѣе, нежели въ первый разъ. Многіе люди, сочувствовавшіе мнѣ сначала или относившіеся индифферентно, .стали жестокими противниками моего вторичнаго избрания. Такъ какъ я доказалъ въ своихъ политическихъ статьяхъ, что хорошо зналъ слабыя стороны демократическихъ мнѣній, то некоторые консерваторы, повидимому, лъстили себя надеждою найти во мнѣ противника демократіи. Изъ того, что я былъ способенъ разматривать вопросъ съ точки зрѣнія консерватора, они воображали меня неспособнымъ разбирать его съ другой стороны. Если бы они читали внимательно мои сочиненія, то они увидали бы, что, оцѣнивъ всю важность серьезныхъ аргументовъ, приводимыхъ противъ демократіи, я безъ всякаго колебанія высказывался въ защиту ея, совѣтуя въ то же время обставить ее учрежденіями, согласными ея принципу и могущими изгладить ея недостатки. Въ числѣ такихъ средствъ было

пропорциональное представительство, и въ защиту этого не высказался ни одинъ консерваторъ. Нѣкоторыя партіи основывали извѣстную надежду на моемъ одобреніи принципа собирательного голосованія подъ извѣстными условіями: они предполагали, что идея, находившаяся въ одной изъ резолюцій, которую внесъ Дизраэли въ парламентъ, была навѣяна моими статьями по этому вопросу. Если это и справедливо, то они забыли, что я ставилъ непремѣннымъ условіемъ собирательного голоса—образованіе, а не собственность и что даже въ той формѣ, какъ я ее принималъ, я одобрялъ большинство голосовъ только при предположеніи всеобщей подачи голосовъ. Немыслимо сомнѣваться, насколько недопустимъ подобный принципъ подъ гнетомъ, освященнымъ закономъ о реформѣ, управляющимъ Англіей, если мы обратимъ вниманіе, какъ мало значать рабочіе классы въ нашихъ выборахъ даже при существованіи закона, не дающаго одному избирателю болѣе голосовъ, чѣмъ другому.

Въ то же время, какъ я сдѣлался болѣе ненавистнымъ людямъ съ аристократическими убѣжденіями, многимъ консервативнымъ либераламъ, моя парламентская дѣятельность вовсе не была такого рода, чтобы возбудить большинство либераловъ поддерживать меня. Я уже сказалъ, что случаи, въ которыхъ я всего болѣе выступалъ, касались главнымъ образомъ вопросовъ, въ которыхъ я держался мнѣній, совершенно противоположныхъ большинству либеральной партіи или къ которымъ она относилась совершенно хладнокровно; кромѣ того, было очень мало такихъ вопросовъ, гдѣ я могъ своимъ поведеніемъ быть полезнымъ органомъ своихъ мнѣній. Сверхъ того я пѣсколькими поступками возбуж-

дилъ во многихъ людяхъ личное предубѣжденіе противъ себя. Нѣкоторые были оскорблены тѣмъ, что они называли преслѣдованіемъ противъ Айера. Я совершилъ гораздо большее преступленіе, когда принялъ участіе въ подпискѣ на расходы по избранію мистера Брадло. Я отказался сдѣлать какія-либо издержки для собственаго избранія; все, чего оно стоило, было оплачено другими; поэтому я чувствовалъ особыннымъ долгомъ подпісаться въ пользу кандидатовъ, избраніе которыхъ было желательно, когда не хватило средствъ покрыть всѣ расходы. Поэтому я принималъ участіе въ подпискѣ въ пользу всѣхъ кандидатовъ рабочихъ классовъ, между ними и мистера Брадло. Онъ имѣлъ поддержку среди рабочихъ. Я его слышалъ и зналъ, что онъ вовсе не былъ демогогомъ, такъ какъ онъ рѣшительно противорѣчилъ господствующему мнѣнію въ демократической партии относительно двухъ важныхъ вопросовъ, мальтузіанства и личнаго представительства. Люди, раздѣлявшіе во всемъ демократическія убѣждѣнія рабочихъ, но судивши независимо о политическихъ вопросахъ и имѣвшіе мужество подтверждать свои убѣждѣнія, противорѣчашія народнымъ взглядамъ, такие люди, говорю я, казались мнѣ необходимыми въ парламентѣ. Я не думалъ также, чтобы религіозныя идеи Брадло, хотя онъ и выразилъ ихъ въ рѣзкой формѣ, послужили поводомъ къ его исключенію изъ числа кандидатовъ. Однако, подпісавшись въ пользу его избранія, я очень бы ошибся, если бы разсчитывалъ увеличить этимъ шансы своего собственнаго избранія. Какъ и слѣдовало ожидать, изъ этого поступка извлекли все, что можно было изъ него извлечь дозволенными и недозволенными средствами для того, чтобы возбудить противъ меня избирателей Ве-

стminstera. Этимъ различнымъ проискамъ, къ которымъ прибавились безстыдныя злоупотребленія деньгами и другого рода средствами со стороны моего соперника—тотъ, надо приписать мою неудачу на вторыхъ выборахъ послѣ успѣха на первыхъ. Какъ только результатъ выборовъ сдѣлался известнымъ, я получилъ три или четыре приглашенія выступить кандидатомъ въ другихъ округахъ, особенно въ провинціальныхъ. Но, хотя успѣхъ былъ несомнѣненъ и я добился бы его безъ всякихъ издержекъ, однако я не чувствовалъ себя расположеннымъ лишать себя удовольствія возвратиться къ частной жизни. Я нисколько не чувствовалъ униженія оттого что избиратели отвергли меня, а если бы подобное чувство было, то оно могло бы вознаградиться тѣми многочисленными выраженіями сочувствія, которыя я получалъ отовсюду и отъ людей самыхъ различныхъ взглядовъ, особенно отъ членовъ либеральной партии въ парламентѣ, рука обь руку съ которыми я обыкновенно дѣйствовалъ.

Съ этого времени въ моей жизни происходило слишкомъ мало событий, заслуживающихъ быть занесенными на эти страницы. Я возвратился къ своимъ прежнимъ занятіямъ и снова вкусила наслажденіе жить на дачѣ на югѣ Европы, наслажденіе, которое прерывалось два раза въ годъ поѣздкою въ Лондонъ на пѣсколько недель или мѣсяцевъ. Я помѣстилъ различные статьи въ периодическихъ изданіяхъ, особенно въ журналѣ моего друга мистера Морлея (*Fortnightly Review*), произнесъ нѣсколько рѣчей обь общественныхъ событияхъ, напечаталъ «*Подчиненіе женщинъ*», написанное мною нѣсколько лѣтъ раньше, а теперь спаображенное некоторыми дополненіями

Я началъ приготавлять материалы для новыхъ сочиненій, о которыхъ буду говорить особо, если проживу достаточно времени, чтобы ихъ закончить. Поэтому здѣсь въ настоящее время эти воспоминанія должны остановиться.

КОНЕЦЪ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

Стран.

ГЛАВА I.

Мое дѣтство и первоначальное воспитаніе	1

ГЛАВА II.

Нравственные вліянія въ первые годы моей юности.—Характеръ и мнѣнія моего отца	35

ГЛАВА III.

Конецъ моего воспитанія подъ руководствомъ отца и начало самообразованія	53

ГЛАВА IV.

Пропаганда во время моей юности.—Бестминстерское Обозрѣніе	75

ГЛАВА V.

Кризисъ въ моемъ умственномъ развитіи.—Шагъ впередъ.	117

ГЛАВА VI.

Начало самой драгоцѣнной дружбы въ моей жизни.—Смерть отца.—События и сочиненія до 1840 года	164

ГЛАВА VII.

Взглядъ на мою остальную жизнь.—Окончаніе «Системы Логики».—Издание «Основаній Политической Экономіи». — Моя женитьба. — Мой выходъ изъ Остъ-Индской компаніи.—«О Свободѣ».—«О представительномъ правлениі». — Междоусобная война въ Америкѣ. — «Изслѣдованіе философіи сэра В. Гамильтона».—Моя парламентская дѣятельность .	197